

Долготно мапр апата

Апрнегачкрос

Академия Артефакторов принадлежала к одноименной гильдии и, к слову, была одной из самых непопулярных среди всех, и быть артефактором никогда не было таким уж престижным делом. Хуже была только гильдия цветоводства... частенько слово «артефактор» было почти ругательством, так что людей в академии было маловато, среди таких подобных, где количество людей исчислялось сотнями людей в худшем случае. Но все изменилось, когда вдруг военная гильдия предложила расформировать Гильдию Артефакторов, а потом на волне перемен подмять под себя и саму академию. Что делать Алексии, которой всего то и надо что доучится хоть год, а лучше, конечно, два в ней? Как ей справиться с недовольством главы военной гильдии? Вторая книга БУДЕТ. Она в процессе, пока заканчиваю другую.

Глава 1. Бал окончания академии

Риса бухнулась в кресло без всякой грациозности и вытянула ноги, у меня они тоже гудели, но воспитание мне не позволило упасть в кресло, стоящее рядом с ней. Дома да... а тут, когда вокруг люди, и они могут зайти в любой момент в одну из этих комнат и увидеть меня... нет...

— Ты его видела, да? — Она запрокинула голову и сладко выдохнула, причмокивая губами, — какой мужчина...

Его — это конечно она подразумевала того самого мужчину, грозу всех девичьих сердец — великого и прекрасного мистера Эвиана Д'армэ, главу военной гильдии. Мистер Д'армэ был красив и статен, чем и покорял сердца девиц, которым только и надо, чтобы у мужчины внешность была поярче.

— Повезло Мари, он танцевал с ней, такой грациозный... Ты видела? Я бы хотела оказаться на её месте...

Я взглянула на Рису, сникшую и загрустившую в кресле, в некотором удивлении, повезло? Потанцевала и что из-за этого убиваться. Она же, подперев ладонями лицо, с тоской глядела на меня.

— Не знаю, мне он больше понравился тогда, до бала. Когда был разозлён, помнишь? Вот это сила, это да...

Я вздохнула, вспоминая волну его гнева, да, это было страшно, да, это была дикая необузданная сила, но какая же она привлекательная эта сила, даже мурашки бегут по рукам от этой мощи.

— Да? А мне не нравится, когда мужчины злятся, я чувствую себя виноватой, — призналась Риса, вздыхая.

— Правда? — Я была удивлена, отчего чувствовать себя виноватой, если видно, что он злится не на тебя, а на что-то ещё. Но я решила не развивать эту тему, ведь у каждого своё. — Я видела многих мужчин в гневе и этот был один из самых захватывающих.

— Ого, — Риса вскочила с кресла, — кажется, тебе нравится этот мистер совершенство. А я думала ты одна из тех, кто равнодушен к мужчинам. Скажи, он нравится тебе.

Я смутилась, понимая, что краска на моем лице ещё больше выдаст меня, и решила, что стоит уходить отсюда.

— Идём, нас могут услышать.

Я утащила хихикающую Рису из комнаты, всю дорогу она пыталась вытянуть из меня признание в симпатии к Эвиану Д'армэ, но я лишь улыбалась и стойко отказывалась сознаваться в столь постыдном занятии. Больше всего на свете мне хотелось уйти от неё и найти Вэрта. Куда же он запропастился? В итоге, выйдя в зал, я смогла-таки затеряться в толпе и выскользнуть к одному из балконов, к счастью оказавшемуся свободным, где я смогла перевести дух и успеть расстроиться из-за того, что так легко раскрыла свои карты перед Рисой. Правда надо сказать она делала это без всякой подоплёки навредить мне, ей двигало обычное девичье любопытство.

Я вздрогнула и обернулась, когда на плечи, уже начавшие замерзать на промозгом вечернем ветру, легли тёплые ладони.

— Вэрт... ты меня напугал...

— Прости.

Он сжал мою правую руку и так и остался смотреть на меня, не отпуская её, обычное дело для нас. Радость, восхищение, братская тёплая любовь и желание быть ближе, желание разделить радость со мной и гордость. Я бы могла сказать ему спасибо, но моё сердце сделало это за меня. Моё сердце просто переполняла благодарность и сквозь руки перетекала к нему. В ответ он лишь легко сжал мои пальцы. Иногда Вэрт словно забывал, кто он, и становился таким нежным и отзывчивым, что моё сердце таяло, а потом...

— И когда я смогу познакомиться с избранником? — На синеватой коже мерцала показавшаяся луна и делала её почти фиолетовой, хитро блеснули синие с прозеленью глаза.

— Уже никогда, — я нахмурилась, вот всегда он так, сначала все идёт просто великолепно, а потом снова начинается баловство. Но руку все же оставила, Вэрт и сам понимал, что лишь дразнит и раздражает меня этими подколами, но удержаться для него было слишком тяжело, — он умер за день до свадьбы.

— Серьёзно? И как к этому отнеслась бабушка? — Он недоверчиво бросил в меня какой-то фантик.

— Никак. Она была страшно расстроена этим фактом, она же так надеялась, что я закончу эти пять лет обучения и, наконец, выйду замуж и стану приличной матерью семейства. Как обычно.

На мой вздох он лишь снова сжал мои пальцы, и хоть от него веяло сочувствием, так как он единственный вообще понимал всю силу моего нежелания выходить замуж, но на его лице все так же была ехидная ухмылка.

— Точнее, она хочет, чтобы ты вышла замуж за какого-нибудь весьма старого субъекта и осталась молодой, свободной и, к счастью, ужасно богатой вдовой местного герцога. Так сказать, убила насколько крольнов одним ударом. Как и она сама когда-то...

— Вэрт, — укоризненно шикнула на него я, бабушка, конечно ангелом во плоти не являлась никогда, но так откровенно говорить о таком мне не хотелось, впрочем, и думать о подобном тоже.

— А что? — Его глаза гневно блеснули, — так и есть. И тебя пытается на это подписать. Что?.. — Я отвела глаза.

— Что ты сделала?

— Заполнила без её разрешения договор на продление обучения.

Произнесла и зажмурилась, от того страшно было, что я пошла против воли бабушки и сделала так, как велело сердце. Хотя разум уже предвкушал долгие и нудные вечера, когда бабушка будет рассказывать мне, как я не права.

— Она же убьёт тебя... — Почти восхищённо прошептал Вэрт, его глаза были широко распахнуты.

— Вот именно. Вопрос пока стоит, когда она об этом узнает. Но я надеюсь она поймёт, точнее, даже не надеюсь уже... мне лишь бы этот год отучиться... а лучше конечно два, но это уже...

Вэрт прижал меня к себе и заключил в объятия. От него пахло травами и немного мёдом, как всегда. Я прижалась к нему, и будто словно очутилась в детстве, когда мы часами валялись в траве и смотрели в небо, выискивая забавные облака, носились по лугам и ели всё, что нам давал лес.

— Я так рада, что ты приехал.

— Я знаю.

Мы постояли в тишине, словно заново настраиваясь друг на друга, когда вдруг он вздрогнул и отстранился от меня, впрочем, не выпуская моих рук.

— Мама идёт сюда, пора нам расходиться. Кажется, она узнала, кто запер Милиру в шкафу, — Вэрт хихикнул, как ребёнок, и потащил меня за руку к другому выходу с балкона.

— Хотела бы я и тоже иметь способность чувствовать своих родных всегда и везде.

Для сородичей Вэрта, это было также обыденно как дышать, для меня — чудо мне не доступное, но такое желанное.

— Не так уж это и приятно, когда твоя мама всегда всё про тебя знает, — фыркнул Вэрт, его волосы, завязанные сзади в хвост, подпрыгивали на бегу и отливали тёмным металлом, а ещё были мягкими наощупь, словно шёлк, а двигались очень чудно, словно вода перетекала из одного положения в другое. Все-таки эти демоны ло-укки чертовски хороши...

— Спасибо, — Вэрт подмигнул мне на повороте, когда мы пролетали ещё несколько коридоров, я не сдержалась и рассмеялась, до чего забавно, когда человек прямо-таки читает тебя и твои эмоции. Ничего от него не скроешь.

— Вэрт! Алексия! — Позади нас коридор разрезал крик маты Таренны, — Прекратите это немедленно!

Теперь уже мы оба хохотали в голос, сворачивая в соседний коридор. Стены академии смазывались перед глазами, я ещё никогда не носилась по ним с такой скоростью, обычно по ним принято передвигаться медленно и чинно, показывая всем своим видом, насколько важен ты и то что ты делаешь. Мне было так легко и спокойно, вспомнилась деревня ло-укков и поля вокруг них. Словно не было ни учёбы, ни проблем, ни висящего замужества над головой. А ещё мне было легко, потому что снова, хоть и ненадолго, рядом со мной был тот, кто также, как и я, легко считывал мои эмоции. И для него это было также естественно, как дышать и говорить.

Мы резко остановились посреди коридора, глаза Вэрта сияли, волосы растрепались, сквозь синеватость щёк пробивался румянец, однако в отличие от меня, он не запыхался, ещё бы, воин против барышни в рюшечках.

— Умерь свой пыл, у меня сейчас передозировка будет от твоих эмоций.

Я прислонилась к стене и никак не могла отдышаться, а на губах у меня сама собой разъезжалась самая счастливая улыбка. Все будет хорошо, все просто не может быть не хорошо. Я подняла правую руку и растопырив пальцы протянула Вэрту её, его выражение лица вмиг изменилось, и он тоже протянул мне правую руку. На его ладони мелькнул тонкий белёсый шрам, пересекавший всю ладонь от указательного пальца до основания кисти, ровно такой же, как и на моей ладони. Наши руки соприкоснулись, и мы замерли в этом странном рукопожатии. Когда-то нас связали эти шрамы, когда-то раз и навсегда. Теперь мы брат и сестра по крови, хоть из разных рас и видов.

— Я рядом, ты же знаешь. И приду в любой момент к тебе.

— Знаю. — Я снова улыбнулась, — Идём.

Когда мы вернулись в зал после этой странной пробежки, некоторое время мы стояли, переглядываясь только нам одним известными взглядами. Потом вдруг Вэрт напрягся, взгляды в кого-то за моей спиной. Я обернулась с любопытством, пытаюсь понять, чего он углядел там такого, но встретила взгляд тёмных глаз, неотрывно смотрящих на меня. Мистер Д'армэ. Я быстро отвела взгляд, судорожно вспоминая, чем могла привлечь его

внимание. Вроде бы ничего меня не связывает с ним. Может я ошиблась, и он смотри вовсе не на меня?

— И чего это тобой страшно заинтересовался глава военной гильдии? — Вэрт, не открывая взгляда от Эвиана Д'армэ, подтвердил мои подозрения.

— Вряд ли... с чего бы ему интересоваться мной? — Вяло отбрыкнулась я, старательно улыбаясь и радуясь, что сейчас он не так хорошо может чувствовать мои эмоции, как когда у нас тактильный контакт. — Может это вовсе не на меня смотрит, а на... — Я быстро оглядела людей между нами и мистером Д'армэ, — на Мари. Он танцевал с ней сегодня.

— Да? — Тяжёлый взгляд Вэрта все же оторвался от начальника военной гильдии и вернулся ко мне, — может и правда не на тебя.

Впрочем, до самого конца вечера я то и дело ловила на себе долгие и задумчивые взгляды мистера Д'армэ, что ставили меня в тупик и доводили до мурашек лишь мыслью, что ему захочется подойти ко мне или вдруг заговорить. Поэтому я старательно не обращала на это внимание, хотя это и изрядно нервировало меня. Поэтому, когда вечер окончания нашего обучения был закончен, я почувствовала действительно облегчение и с огромным удовольствием покинула Голубой зал нашего учреждения.

Прощание с Вэртом и его родными вышло коротким, но очень чувственным, слёзы скатились с моих глаз уже значительно позже, когда портал за ними был уже закрыт, а я уже лежала в своей кровати, осознавая тот факт, что мне предстоит остаться тут ещё на год. Именно в этой комнате. Именно в этой академии. Я закрыла глаза. Надеюсь, предстоит остаться.

Глава 2. Начало года

Наше знакомство с мистером Эвианом началось не на этом балу, а гораздо раньше. На том первом балу, куда меня взяла бабушка. Вряд ли он запомнил меня, тогда ведь я тогда была ещё совсем ребёнком, да и меня не слишком привлёк пусть и красивый, но очень скучный мужчина с холодным лицом и тусклыми эмоциями, хотя мне он стал более симпатичен, когда я заметила, что он в отличие от других мужчин с большим интересом общается с моим дедушкой, тогда ещё живым. Остальные присутствующие относились к дедушке с терпением, но все же не слишком его любили, мне, как эмпату от природы, — это было очевидно, даже если на лице человека была написана широкая и добродушная улыбка, а вот этот мистер Д'армэ поразил меня обратным. На его лице была скука, и он будто бы не слушал дедушку, однако его эмоции стали вмиг яркими и искрились восторгом и восхищением, а также вполне искренним интересом к той теме, что обсуждалась. Тогда мистер Д'армэ только стал главой гильдии, а дедушка был в совершенно иной гильдии артефакторов, что их связывало, я не знала, да и не интересно мне было тогда. Именно в тот день началось наше знакомство, и я не надеялась, что оно продолжится. Но вот он является на окончание обучения в Академию артефакторов, что было само по себе странно, так как опять же война и артефакты не стояли даже рядом в моем представлении. Я не желала продолжения нашего знакомства. Однако, оно состоялось.

Шестой год нашего обучения начался с построения. Артефакторы, переглядываясь и удивлённо посматривая на друг друга, словно вопрошали, а что собственно происходит и почему нас собрали на площади перед академией. При чём сначала это не было построение, мы кучковались и перешёптывались, и ни о каком порядке речь не шла, однако после

громогласного рывка, заставившего вздрогнуть всех находившихся на площади, классы как-то быстро построились друг за другом, не симметрично и не одинаково, но все же построились.

Всего сейчас перед неизвестным мужчиной, который неожиданно появился на горизонте и шёл к нам властной походкой было 7 классов, это примерно около 60 учеников, может немного больше. В среднем, в классе было около 10 учеников, больше обычно и не набирали, а часто меньше, потому что даже если у кого-то был дар к артефакторству, то не каждый родитель осмеливался отправить в такую академию ребёнка. Наша академия была под ведомством одноименной гильдии, которая к слову была одной из самых непопулярных среди всех, и быть артефактором не было таким уж престижным делом. Хуже была только гильдия цветоводства... частенько слово «артефактор» было почти ругательством, так что людей в академии было маловато, среди таких подобных, где количество людей исчислялось сотнями людей в худшем случае. При чём после базового курса — пяти лет, после которого нам позволялось создавать и продавать собственные изделия на рынке, учеников становилось ещё меньше. Что уж говорить про остальные два года. После шести лет артефакторам разрешалось работать артефактором в какой-то гильдии или быть государственным артефактором, и только после того как все семь лет потеряны в стенах данной академии им разрешалось создавать свою лавку артефактов и открывать частный бизнес. В нашем шестом классе сейчас было восемь учеников. В седьмом стоящем рядом — шесть. И в основном это были девочки. Считается, что мужчинам лучше удаётся делать артефакты, и у них лучше заточены под это руки, как у мастеровых, однако с каждым годом за последние лет пять стало уменьшаться количество мальчиков с даром артефактора. Когда я поступала в академию, в старших классах были в основном вес мальчики и лишь изредка девочки, но начиная примерно с моего класса пошла обратная тенденция. У нас мальчиков было два, в седьмом — 3, а смотря на младшие классы я видела всего штук 6 мальчишек.

Итак, все наше неровное построение с изумлением и страхом взирало на приближающуюся фигуру, которая резко остановилась в шагах десяти и сняла военную фуражку. Мистер Д'армэ собственной персоной пригладил свои светлые волосы и обвёл нас темным взглядом глаз. Взгляд его как всегда был холоден и неприступен, но вот его эмоции... Точнее, отголоски его ярких эмоций доносились до меня и вызывали толпы мурашек по телу. Он предвкушал, как сейчас нас будут воспитывать, вот что я чувствовала, и я сглотнула от страха — надвигалась буря.

— Доброе утро, ученики.

В ответ ему была тишина, наши учителя, также кучковавшиеся где-то справа от нас, издали какие-то негромкие звуки, видимо приветствуя главу военной гильдии, мы же, переглянувшись, вразнобой затаили:

— Доброе утро.

— Вижу у вас с дисциплиной не так хорошо, как в других академиях, — оглядывая нас, заключил мистер Д'армэ, — Что ж, не буду вас томить, я прибыл сюда по важному делу, напрямую касающемуся вас и вашей академии. — Когда он начал говорить, на площади возникла сама собой тишина. Тишина, которую можно резать ножом, я задержала дыхание, а голове билась лишь одна мысль «лишь бы не закрыли». — Вчера вечером Советом было принято решение о том, что гильдия артефакторов, к которой принадлежит данная академия — рас-фор-ми-ро-ва-на.

Последнее слово мистер Д'армэ произнёс по слогам и с такой волной удовольствия, что меня передёрнуло. Судорожный вздох вырвался у всех одновременно, кто-то вскрикнул,

начались перешёптывания, нарастал гул, сердце моё колотилось, как сумасшедшее, я сжала край рукава. Как же так? Что теперь будет? Вокруг меня царил хаос эмоций, ужас и смятение, а среди них выделялось яркое пятно эмоций начальника военной гильдии — удовлетворение от произведённого эффекта. Он ликовал, глядя как мы уже прощаемся со всем, что дорого. Что же он ещё заготовил для нас? Мистер Д'армэ медленно, но вернс переставал быть для меня таким уж привлекательным, потому что не только уничтожал то, что было дорого мне, но ещё и радовался этому.

— И теперь данная гильдия будет существовать только в качестве одного из подразделений военной гильдии, как вы, думаю все знаете главой, которой я являюсь. — У Эвиана Д'армэ был чистый громкий голос, нёсшийся над площадью и без всякого усиления все могли слышать каждое сказанное им слово, — С этого дня вся ваша академия находится под моим присмотром и контролем.

Он сделал паузу, обводя нас взглядом. Гильдия артефакторов, самая слабая и маленькая по количеству человек, была поглощена самой мощной из всех существующих в нашей стране? Зачем?

— То есть академия переведена на военное положение?

Голос Карен прорвал тишину, все взгляды обратились к ней, она гордо стояла перед своим седьмым классом и, не моргнув глазом, смотрела прямо в лицо тому, кто только что раскатал нас морально. Карен была одной из лучших среди нас, и уже начиная с 5 класса неплохо продавала в семейном артефакторском магазине свои изделия. Я была не очень хороша в артефактах, а она была лучшей, и она всегда была вот такой, гордой и смелой. Вот и сейчас лишь доказывала в очередной раз насколько она великолепна во всем. Однако эта великолепность сыграла с ней злую шутку относительно мистера Д'армэ, вместо восхищения он испытывал досаду от её вопроса, раздражение и ещё презрение.

— Мисс, ко мне необходимо обращаться «мистер Д'армэ», но в первый раз я вас прощаю. И да, академия переходит на военное положение.

Сердце застучало ещё сильнее, меня начало мелко трясти. Я мысленно уже пожалела, что подписала договор о продлении обучения.

— Нам нужны сильные артефакторы, лучшие из вас, поэтому у вас будет проверка.

Проверка?

Упс... когда его взгляд темных глаз остановился на мне, как и взгляды учителей и учеников, до меня дошло, что все-таки выпалила это вслух и довольно громко. Как неловко получилось... — стучало в висках, когда я уткнулась взглядом в землю, сгорая от стыда и желая провалиться под эту самую землю. Однако ответ все же последовал.

— Да, один из моих доверенных людей проверит младшие классы и их навыки и возможно пересмотрит процесс обучения. Я же займусь старшими классами и личной их проверкой с завтрашнего дня. Так и быть, форму и утренние построения вводить не буду, хотя и стоило бы... итак, ученики, сейчас пройдите на уроки. Учителя, прошу пройти со мной в кабинет директора.

Так начался наш шестой год обучения. После построения ученики, напуганные и слабо переговаривающиеся между собой, разошлись по классам. То и дело в коридорах слышались споры и обсуждения на тему того, почему все-таки военная гильдия, до этого не проявлявшая к нам никакого внимания, сейчас решила подмять нас под себя.

Утром, на следующий день, я долго и тщательно собиралась, укладывая в сумку вещи, тетради и целый мешок мелочей для артефактов. Сегодня у нас два часа занятий, на которых

обычно нам даётся задание сделать артефакт на заданную тему, если ты не укладываешься в это время, то можно принести на следующий урок, но обычно просят сделать маленькую вещицу из чистого баловства и для увеселения всех вокруг. Однако сегодня должна была начаться проверка мистера Д'армэ, и меня это тревожило, так как я слабо представляла, как это будет проходить и как это все изменит. Но все же надело абсолютно новое и чистое платье и убрала волосы в косу, украсив резной заколкой, которую мне подарил Вэрт на моё прошлое день рождения. Заколка была сделана в виде банта из дерева, священного для демонов ло-укков, и было вырезано так искусно, что казалось бант, как настоящий. Я очень любила эту заколку и считала, что она приносит мне удачу. По-моему, это вообще было единственное украшение в моем арсенале, которое просто было украшением, а не амулетом или артефактом. Я так волновалась, что так и не смогла ничего поесть перед занятиями и отправилась на них голодной.

Мы сидели в классе и тихо переговаривались, обсуждая будущий урок, преподавателя мистера Теодоруса ещё не было, впрочем, мистера Д'армэ тоже. Время шло и ничего не менялось, я почти заснула, когда вдруг дверь резко распахнулась, напугав меня, и в класс вошёл мистер Эвиан Д'армэ, он был в темной рубашке и брюках, он прошёл до учительского места и, облокотившись на стол, мягко сел в кресло.

— Доброе утро. Сегодня, как я говорил, у вас начинается проверка. В том, что вам неплохо преподали теорию я уже в курсе, на счёт практики мы сейчас посмотрим. Как я понял на подобных уроках вы мастерите из подручных средств артефакты на ту тему, что задаст учитель. И сегодня темы буду давать я.

Только бы не здоровье... это тема всегда у меня хромала, я скрестила пальцы под столом.

— Тема будет военная. Меня вообще не интересуют больше никакие ваши артефакты, только военные. Сейчас у вас тема сделать артефакт, который помог бы мне как воину на поле боя. У вас два часа. После я вернусь и буду проверять каждый артефакт. Постарайтесь удивить меня. Удачи. — Он стремительно и грациозно встал из-за стола, — и будьте добры, не болтайте.

Военная тема? Серьёзно? Я встала из-за стола, вслед за остальными выходя в мастерские. Там стояли всевозможные столы с инструментами и механизмами, а также множество ящиков с запчастями для артефактов и амулетов на любой вкус. Военная тема... никогда не делала подобного. У меня все артефакты были мирными, а делать то, что возможно отнимет кому-то жизнь? Покалечит? Брр... Нет, меня не для этого 5 лет обучали... но по-другому я и не знаю, как сделать, для меня война — это только боль, а делать артефакт для боли я не хочу. Однако он сказал «будет помогать как бойцу» или как-то так... Хм... Решение пришло довольно быстро, и я взялась за работу. Работали все как ни странно молча, то ли указ мистера Д'армэ все же устроил нас, то ли гнетущая обстановка отбивала всякое желание говорить.

К концу пары нас собрали опять в кабинете, я напряжённо сжимала столешницу влажными ладонями и нервничала. Я была не очень хороша в этом, хоть и искренне старалась, да и фантазия у меня была, скажем прямо, не фонтан... я искренне переживала, что скажет мистер Д'армэ. Я покосилась на кольцо и сжала его в руках. Да и не все успела, его ещё бы доработать... Я покосилась на своего соседа, он был спокоен и читал книгу, его тёмные глаза с вертикальным зрачком то и дело скользили по строчкам, иногда он прерывался и что-то записывал, потом снова пускался в плавание по книге. Инг такой

серьёзный, по губам скользнула улыбка. Он единственный излучал самоуверенность и хорошее настроение, остальные... Я оглянула класс: нетерпение, страх, предвкушение, желание признания и славы. Да уж...

Вот в кабинет зашёл мистер Д'армэ, он оглядел нас со сдержанной улыбкой, сочащейся ядом. Он готов был, он предвкушал, вот только совсем не радость... Он готовился размазать всех нас тонким слоем презрения у его ног. Я сглотнула.

— Итак, преступим к оценке. Сейчас все покинут этот кабинет, сюда будете заходить по одному по очереди. Сюда заходите, кладёте на стол аграмант, кратко рассказываете, показываете мне действие артефакта и свободны. Потом подождёте, я подведу итоги и все. Кто не доделал или что-то там ещё, можете даже не заходить. Не злите меня.

От него плеснуло коварством, пробежавшимся от кончиков пальцев до кончиков волос. Я сжалась, поднимаясь и выходя вместе со всеми из кабинета.

— Кто первый? — Услышала я сзади, обернулась. Инг медленно закрыл книгу и поднял взгляд на преподавателя, произнёс:

— Я.

В коридоре я замерла около стены, не решившись подслушивать, но все же трясясь также, как и все, под дверью от страха. Эвиан Д'армэ, вы ужасный человек...

Кстати, пока есть время. Я достала линейку из сумки и присела около стены. Сначала на колени положила листок с аграмантом на кольцо, сверху чистый, потом провела сверху линейкой. Текст скопировался и отразился на чистом листе. Это так, для истории... А то глава военной гильдии заберёт мой аграмант, а мне ещё потом как-то жить надо. Когда я закончила и уже хотела встать, дверь распахнулась и оттуда вышел раздражённый Инг. Я не решилась останавливать его, мы все проводили его взглядами, он что-то гневно бормотал на своём родном языке и явно проклинал одного мужчину по имени мистер Д'армэ. Если уж он так на Ингом недоволен, то я провалюсь по любому...

Однако... вот магия, все, кто заходил дальше, выходили вполне улыбающиеся и радостные и, наконец, отважилась и я, решительно шагнув в проём двери. Меня встретил холодный взгляд карих глаз, следивших за мной до тех пор, пока я не дошла до его стола и не села на придвинутый кем-то стул. Молча разгладила немного помятый лист с аграмантом и положила на стол, с испугом отдёргнув руки, когда поняла, что они самым преступным образом трясутся.

Мистер Д'армэ как-то хищно ухмыльнулся и хмыкнул, забирая бумагу со стола, когда он не видел я положила на место бумаги — кольцо и замерла.

— Мне из вас все клещами вытаскивать? — Отозвался Эвиан Д'армэ, я почувствовала, как страх сжимает меня и дыхание учащается, я и так-то красноречием не блещу, а тут под таким взглядом, словно я только что сделала что-то весьма нехорошее, вообще немею. Я сглотнула.

— Простите...

— Хватит. Как ваше имя? Аграмант не подписан.

— Я... Алексия Майорс.

— Вот как... Ну что ж посмотрим, что вы можете.

Ожидание, одобрение ярким облачком всплыли рядом. Я удивилась, а потом до меня дошло. Он же знал моего деда? Он теперь ждёт, что я тут буду блистать? Я подняла кольцо со столешницы.

— Это кольцо оно... ну...

Черт... ни слова не могу выдать и ещё его эмоции, словно он ненавидит меня. Каждый звук добавляет туда ещё пару градусов холодности и презрения, я поняла, что меня начинает тошнить.

— Хватит мямлить, Майорс. Что оно делает?

— Ничего в принципе...

Ой, зря я это сказала... он меня сейчас в порошок сотрёт. Я вздрогнула от стука по столу.

— Тогда чего же вы тут сидите? Я же сказал, что с таким даже не приходите. Так что не злите меня, Майорс.

— Нет... я имела в виду, что он... в общем, когда человек одевает кольцо, его перестают замечать все вокруг.

— Вот как. — Он взял кольцо, повертел его в руках и неожиданно встал, следуя к двери. Там он демонстративно одел кольцо на руку и вышел за дверь, там произошёл какой-то короткий разговор, и он вернулся обратно. Кольцо приземлилось мне на колени, Эвиан Д'армэ сел на своё место, его мужские руки скомкали аграмант и, взяв мою руку, вручили мне смятый лист.

— Это мусор, оно не работает. Свободны.

Я почувствовала, как внутри обрывается что-то, как в горле застревает ком от такой несправедливости.

— Даже не смейте говорить что-то сейчас, идите уже.

Я сжала лист и встала, меня душили слезы, я почти подошла к двери, когда мне вслед полетело презрительное:

— Вы позорите имя вашего деда, Алексия. — Я все-таки всхлипнула, — Нечего реветь, надо работать. Пока это не тянет вообще на оценку.

Волна презрения и такого негатива едва не сбила меня с ног, шатаюсь, я вышла в коридор, меня оттолкнули, я замерла около стены, сжимая лист бумаги и кольцо. Как он может?.. это так больно и так обидно.

— Алексия? — Я почувствовала, как меня оттаскивают от входа, поднимают голову, от резкого движения по щекам потекли слезы. Глаза Инга прищурились. — Ясно, иди сюда.

Он погладил меня по голове, утешая. Когда уже все прошли и нас позвали внутрь, я была уже относительно спокойна, хотя и нервно сжимала все также сжатый аграмант, открывать его и пересматривать не хотелось. Инг иногда касался моей руки, лежащей поверх парты. Я была едва-едва тут в этом мире, больше всего мне хотелось уйти, чтобы не видеть этого мерзкого мистера Д'армэ.

— Я посмотрел все ваши артефакты... Многое мне понравилось, среди вас действительно есть самородки и есть те, кого сюда явно занесло посторонним ветром. — Эвиан Д'армэ замедлился, источая яд превосходства и самодовольства, я оторвала от столешницы взгляд и вдруг с удивлением отметила, что взгляд карих глаз остановился на мне, потом переместился на мою руку, которую медленно поглаживал Инг, сосредоточенно что-то читающий и судя по всему игнорирующий главу военной гильдии. — Однако проверка продолжится, я надеюсь те, кто не смог меня порадовать сегодня, смогут изменить это в итоге.

Я поёжилась, его ненависть была концентрированной и едкой, при чем направлена она была на меня. Что ещё за шутки? Чем я так ему не угодила? Что я успела сделать такого? За что он меня так ненавидит?

В итоге, придя в свою комнату, я была без сил и ужасно-ужасно расстроена. Я готова была завалиться на кровать и проплакаться от души, когда меня привлекло кое-что на окне. Моя рука замерла над бумагой, лежащей на деревянном подоконнике, но потом я все же убрала её. Да уж... мне конец, не хватало мне проблем с мистером Д'армэ, так вот пожалуйста вам ещё проблемы, свежие, только доставили. Промаявшись ещё пару часов, я все-таки коснулась письма, развернула, там медленно проступали буквы и цифры: «Завтра. В 10 утра». Я свернула письмо. Ну здравствуй, бабуля.

Глава 3. Бабушка

Перед сном мне пришлось ещё раз выйти из комнаты и сходить к директору, он, как-то резко состарившись на пару десятков лет за последние несколько дней, сидел за своим столом и разбирал бумаги. Темные круги на тронутом временем лице гласили, что вторжение на его территорию Эвиана Д'армэ со своими подчинёнными не прошло даром. Выслушав меня, он спокойно кивнул, он про мою бабушку знал, как и её лаконичность в вызовах, как и то, что вставать у неё на пути не стоит.

А утром я с небольшим чемоданом вышла в вязкую морось. Было прохладно, пока я топталась перед главными воротами и постукивала зубами, так как одета была только в платье, а на улице было весьма прохладно. Академия ещё спала, выходной как никак... Надеюсь, бабушка разрешит мне вернуться... впрочем, зная, что меня там ждёт некий мистер Д'армэ, я уже не так хочу возвращаться в академию. Хотя я и так туда ходила не столько из своего желания стать артефактором мирового уровня, сколько от того, что я получу лицензию и возможность обеспечивать себя самой.

Передо мной, задумавшейся о своей нелёгкой судьбе, возник сияющий круг, и я шагнула туда. Секунда ощущения, что грудь сдавливает гигантская рука, выдавливающая весь воздух и вот я снова могу дышать. Пошатываясь, я замерла посреди гигантского холла. Дом, милый дом... как бы я хотела сюда больше не возвращаться. Никогда.

Я протянула чемодан дворецкому, кажется новый, у того была бородка и не такой заносчивый взгляд. Он послушно с поклоном принял его.

— Мисс Кирина Майорс ждёт вас в сиреневой гостиной.

— Спасибо.

Я, вздохнув, как перед прыжком в воду, последовала на второй этаж, насколько я помнила, сия сиреневая гостиная находилась именно там. Мисс... столько лет, а все мисс, да и ещё странно, что фамилию своего последнего мужа все-таки оставила, обычно всегда возвращалась к своей родной, девичьей, будто и не было всех этих старых мужей, умиравших раньше неё. Я толкнула дверь и вошла в гостиную, бабушка даже не повернула головы в мою сторону. Злитесь. Я же чувствую. Она терпеть не может, когда все идёт не по её, впрочем, это семейная черта.

— Вы что-то хотели, бабушка?

— Я ненавижу, когда ты ко мне так обращаешься, Алексия. — Её вполне молодой голос отозвался с софы, где она возлежала, закинув ноги на пуфик в тон софе. Рядом на столике стоял сервиз для чая, но кружка одна. Она никогда не предлагает выпить с ней чай, а если навяжешься, откажется пить его вовсе.

— Хорошо. Что вы хотели, мисс?

Мы встретились с ней взглядом. Её волосы были выкрашены в её родной цвет,

полностью скрывая от окружающих седину, лицо омоложено зельями и зачарованными масками, тёмные глаза прожигают меня.

— Не нужно на меня так смотреть, это я должна сейчас на тебя зыркать за твоё поведение. И что это за тон, юная леди?

Я украдкой вздохнула.

— Мне это нужно, и ты это знаешь, — я упала в одно из кресел, если спрошу все равно сесть не разрешит. Села и закрыла глаза, долгий и тяжёлый разговор. Муторный.

— Но без моего спроса.

— Подумаешь...

— Два года обучения, Алексия, два. Если ты будешь учиться, ты не сможешь выйти замуж.

Пф... оно мне и не надо.

— Ты останешься старой девой. Да и к тому же, кто будет оплачивать эти два года?

— Буду торговать.

— У тебя нет лицензии.

— Мне все равно. Я не пойду замуж. Я не хочу.

— Алексия.

— Ты знаешь моё мнение на этот счёт. — Я повысила голос, и тут же пожалела об этом.

Раздался укоризненный вздох, затем началась атака.

— Твоё желание получить образование весьма похвально, явно от этого пройдохи, Джойля, — Я поморщилась, дедушку я обожала и ненавидела, когда бабушка покрывала его имя грязью. — И даже если представить, что все пройдёт гладко, и я вдруг сжалюсь над тобой и дам тебе денег на оплату этих двух лет обучения... — Бабушка чопорно отпила плоток чая. — Но что потом ты будешь делать? Если вдруг я больше не захочу содержать тебя?

Я сжала зубы, ну конечно, «содержать» громко сказано. Моё наследство, которое лично мне было отписано дедушкой, благополучно было в её руках, а выдавались мне жалкие крохи, все уходило на поддержание красоты и молодости бабушки и этот дом, наполненный пустотой и слугами. Ах да, ещё на целую очередь светских раутов, скачки, петушинные бои и прочую ерунду, включая карты. И это не считая того, что каждый из её предыдущих мужей, коих было шесть штук, если мне не изменяет память, был сказочно стар и также сказочно богат, и оставили своей любимой жёнушке почти все свои деньги, дома и драгоценности.

— Во-первых, у меня есть наследство...

— Алексия, его нет, я погасила им долги твоего деда.

— Отчего именно деньгами, оставленными мне? — сердито осведомилась я, кинув в бабушку гневный взгляд.

— Чтобы ты никуда от меня не делась и сделала все правильно.

Меня затопила бессильная ярость и отчаянье. Как же так... И ещё... Она ведь действительно любила меня, эта странная женщина, говорившая мне эти жестокие и обидные вещи. Она знала, что я эмпат и не скрывала своих эмоций, это была её забота обо мне, её лепта в моё будущее. И от этого становилось только тоскливее.

— Мне все равно, что ты будешь делать после. Хочешь работать, как какая-то дурочка, у которой не все дома, да пожалуйста, только обеспечь себе тыл, будь добра. Хорошо? — Я сжала подлокотники. — Выйди замуж, обеспечь себя деньгами, домом, роди сына, а потом делай, что хочешь. Я ведь даже не предлагаю тебе молодых парней, которые наверняка

увиваются за тобой, и которым ты наверняка отказываешь. — Ну конечно, толпой за мной ходят просто, стаями летают. — Ведь ты явно красива по нашей женской линии, а ни я, ни твоя мать не страдали от недостатка внимания и поклонников, так что я думаю, тебе просто не хватает ума, чтобы осознать всю важность этого шага.

— Я просто не хочу... — Почти простонала я.

— Это не должно подкреплено желанием или любовью, словно в каких-то романтических книжечках, — от бабушки плеснуло раздражением и презрением. Мне это напомнило об Эвиане Д'армэ, настроение испортилось окончательно. — Это такая же необходимая вещь как корсет, нижняя рубашка или достойное платье.

Я посмотрела на бабушку. Она ведь серьёзно в это верит... и меня туда запихнуть хочет. При мысли, что придётся выйти замуж за какую-то развалину ради её денег, а потом терпеливо ждать пока она умрёт, чтобы жить «счастливо» и «свободно». Ужас... Вэрт... где ты, когда ты мне так нужен?

— Ты не согласна смотрю. — Бабушка спустила ноги в атласных туфельках на пол, — Мои доводы тебя не убеждают, и ты будешь продолжать гнуть свою линию. Вся в деда. — Она встала и подошла к окну, замерев там спиной ко мне. — Хорошо.

Бабушкины эмоции были спокойны и словно бы затаились, она предвкушала. Я выпрямилась в кресле, ожидая очередного подвоха.

— Тогда мы поступим так. — Она обернулась, смерив меня ледяным взглядом. — Мы с тобой заключим сделку.

— Сделку?

— Да. Я соглашаюсь на эти два дурацких года в этой дурацкой академии, я оплачиваю их и не вмешиваюсь в твою учёбу. — Звучит хорошо, но что взамен? Я молчала. — А ты выйдешь замуж за того, на кого я укажу. Я выберу того, кто постарше, так что на этом свете он надолго не задержится.

Мне не нравилась сделка, но там было обучение... Оно мне было необходимо.

— Я согласна.

— Вот и чудненько, тогда следующие дни потратим на то, чтобы подобрать кандидатов.

— Мне надо в академию... у меня занятия.

— Тебе там ещё два года учиться, так что просто отдыхай. Можешь занять свою комнату на этой время.

Как благородно то... я встала с кресла и пошла к выходу из сиреневой гостиной. Я была обречена, но если это цена за моё будущее, то почему бы и нет.

Глава 4. Пытка директором

Следующие полторы недели я стоически переносила все бабушкины рауты, улыбаясь и даже, к своему стыду, получая удовольствие от внимания мужчин. Я раньше как-то не замечала, но многие из них оказывались неплохими собеседниками, правда, как раз их, бабушка не рассматривала в качестве моих женихов. «Слишком умные». Чем ей не угодили умные мужчины? Я даже думать не хотела. Видимо она считала, что мужчина должен только обладать старостью и деньгами, все остальное к хорошим качествам не относилось. Что ж... мне пришлось принять и это, так как стоило мне заикнуться, что я бы была не против выйти за вот такого мужчину, как на мне остановились бабушкины глаза, и она чётко мне напомнила, что за сделку я с ней заключила.

В общем, женихом мне был выбран престарелый граф одного из местных поместий, он казался дряхлым и потеряннным, вокруг него вились женщины в возрасте, расхваливая его на все лады и вызывая у меня сведение скул. Но старику уже явно было все равно. Я говорила с ним пару раз, заглядывая в белёсые глаза и слушая полубезумный бред. Уходила с того раута я разбитая и очень расстроенная. Этот несчастный старик вместо того, чтобы встречать собственную старость в кругу семьи, собирался жениться на молодой и красивой девушке, наверняка и сам понимая, из-за чего она с ним на самом деле. На следующий день ко мне явилась женщина, портниха, она молча, потупив взгляд, измерила меня и откланявшись, ушла. На этом мои мучения кончились, и бабушка отпустила меня домой, так как все приготовления к свадьбе, она оставила себе. Я не возражала, спешно собирая чемодан и собираясь как можно быстрее убраться из этого «дружелюбного» дома.

Пройдя сквозь портал, я оказалась на полупустой площади перед академией, медленно и осторожно пробиралась по пустым коридорам, молясь успеть до своей комнаты до того, как прозвенит колокол и все ученики высыпят в коридоры. Мне повезло, я прокралась незамеченной до своей комнаты и там наконец смогла упасть на родную кровать. Тут можно было не строить из себя юную леди с выакадемиинным этикетом и улыбаться так сладко и заманчиво, тут просто можно быть паршивой ученицей-артефактором и ни о чём не думать. Разве не прекрасно?

Я достала заколку Вэрта и долго вертела её в руках. Мне его не хватало, его тепла и понимания с полуслова, мне так хотелось снова оказаться там, в полях, носиться с ним. Наверное, когда закончу все это безумие, так и сделаю, поселюсь у них и буду там жить. Буду рядом с Вэртом постоянно. Раздался звук колокола. Я накрылась одеялом, сегодня я отсюда не выйду. Ни за какие коврижки, пусть хоть мистер Д'армэ сам придёт меня вытаскивать из постели. Я вздрогнула, вспомнив нашу последнюю встречу. Моё кольцо...

Я все же встала с кровати и достала из ящика стола несмятую копию аграманта. Что же там было не так? Написано грамотно, немного топорно, зато эффективно. Может что-то не так прописала? Показания, а вот противопоказания... я замерла с листком бумаги, вчитываясь в свой подчерк. Может это из-за этого? Да неужели? Это конечно вполне возможно повлияло на работу артефакта. Что же делать?

Стук в дверь поверг меня в протрацию, кого там принесло? Я осторожно встала. Неужто накаркала и действительно мистер Д'армэ? Дверь я приоткрыла почти с ужасом. Риса уставилась на меня с удивлением.

— Ты чего, Алексия?

— Да нет... ничего... просто не ожидала, что кто-то знает, что я вернулась, — украдкой выдохнув, я улыбнулась девушке. Она в ответ пожала плечами.

— Я и не знала. Тебя вызывают к директору, просили передать. Ну все я пошла.

Риса помахала мне рукой и пошла по коридору к себе. Пока я переодевалась и шла по академии, бурлящей словно водоворот страстей, я все думала, зачем я понадобилась профессору Никсону. Я конечно отпрашивалась на меньшее количество дней, но он прекрасно осведомлён о характере моей родственницы и даже был удостоен чести быть представленным ей, так что никогда не возникал, сколько бы дней я не провела дома. Хотя сейчас на него могли надавить... Я вздохнула. Мистер Д'армэ. Кажется, это мужчина отравляет мне жизнь по всем фронтам...

Я постучалась и не дожидаясь ответа распахнула дверь, с порога начиная:

— Профессор Никсон, простите, просто... — Карие глаза прожгли меня таким

взглядом, что я отпустила дверь и она закрылась у меня перед лицом. Сердце упало, я была проклята этим мужчиной, похоже, иначе как объяснить, что он сидел в кресле, закинув ноги на директорский стол. Пока я думала о том, чтобы сбежать по-тихому, словно бы меня тут никогда и не было, и уже даже развернулась, чтобы осуществить свой трусливый план, как дверь за моей спиной открылась и меня втащили внутрь. Смотря в пол, я замерла соляным извоянием около входа. Пусть отругает уже, и я пойду, даже смотреть на него хочу.

— Майорс, я так понимаю... — Тягучий голос раздался в кабинете, скрипнуло кресло, я все также тараторившись на пол, кивнула. Он был спокоен, так что возможно ничего такого и не произойдет. — Вас не было почти две недели в академии, разве я не говорил, что покидать академию без разрешения, запрещено.

— Директор Никсон мне разрешил...

— Вот как... — Неудовольствие. Раздражение. По ногам поползли мурашки. — Не называйте его больше так, он смещен с должности и арестован.

Я потрясенно оторвала взгляд и уставилась на мистера Д'армэ. Он шутит? Наш дорогой и любимый директор? Ну не то чтобы для всех, просто мне повезло, что бабушка его запугала до такой степени, что он старался мне угодить во всем.

— Но как же так? Кто же будет директором?

Хитрая ухмылка, я подавилась следующим вопросом. Мда... Действительно? Разве не очевидно? Пробраться внутрь академии, заявить, что все тут плохо и наставить своих порядков, а потом сместить и главного защитника — директора. Логично же.

— Вы правильно поняли, Майорс, я.

Кто бы сомневался. Я чувствовала глухое раздражение, колотящееся в горле, только тот факт, что я могла вылететь из этой академии и что эти два последних года были кровью из носу как необходимы, не давали мне открыть рот. Я сузила глаза, оглядывая нового директора оценивающим взглядом. Сейчас я бы прокляла бы его с чистой совестью, если бы не это, и возможно даже бы залепила пощечину. Что не нравится? Ишь как задёргались эмоций, когда увидел, что я перед тобой больше не трясусь, а тихо ненавижу?

— Я могу идти... директор? — Слово «директор» даже не специально получилось, что я произнесла почти с отвращением.

— Держите себя в руках, Майорс. Ваши способности и так ниже среднего, вы держитесь в этой академии явно только на добром слове вашего деда, а уж такие показательные выступления ни к чему хорошему не приведут.

Угрозы пошли? Как же я его ненавижу сейчас... Я стиснула зубы.

— Ах, простите, я забылась. — Я изобразила радость на лице, — Могу я идти, мой директорчик?

Эвиан Д'армэ дёрнулся, и я, напоследок послав ему ещё один оценивающе-пренебрежительный взгляд в его же стиле, произнесла вдруг:

— И да... Мой артефакт был рабочим, но он не работает с тёмной кровью.

Я захлопнула с силой дверь. Меня душила ярость, бессмысленная и ненужная... она выветрится, оставив мне снова нерешительность и неловкость, а мне продолжать ещё общаться с этим главой гильдии, и не факт, что испорченные отношения с ним, не станут для меня проблемой номер один.

Как и ожидалось, (я уже не удивлялась этому даже) проблемы начались уже на следующий день. У нас была пара по артефакторскому делу, и к счастью, на этот раз Эвиан Д'армэ не собирался портить этот день своим присутствием. Профессор Теодорус что-то

вещал нам, как и всегда не особо напрягая по поводу собственного предмета, мы тихо переговаривались с Рисой, изредка Инг вставлял пару слов в разговор. Разговор пошёл, как ни странно, о директоре и о том, что видели, как арестованного профессора Никлона выводят из академии. Я подтвердила, что теперь директор академии сам глава военной гильдии, на что оба моих однокурсника тяжело вздохнули. Все мы втроём ощутили весь гнев мистера Д'армэ, не сдав ему тот пробный артефакт и, как я случайно узнала, теперь находились в чёрном списке. Однако мне было печальнее, ибо на следующем занятии и Инг, и Риса смогли отбелить своё имя, а я — нет. Меня не было в тот день уже в академии. И сейчас мои друзья были несколько обеспокоены этим фактом, впрочем, как и я, мне было неприятно находиться в чёрном списке, я конечно не была самородком и талантом не блистала, но делала вполне приличные вещи. Да и к тому же, вдруг новому директору «вдруг» захочется проредить и без того маленькие классы? Мне не хотелось бы вылететь из академии и явиться под ясные очи бабушки. При мысли о таком, меня передёрнуло, я даже не знала, что меня расстроило больше, что у меня не будет способности заработать себе на жизнь или то, что мне придётся терпеть насмешки родственницы.

К тому же выяснилось, что Эвиан Д'армэ решил курировать годовой проект, это означало, что тот артефакт, что я должна была разработать к концу семестра, не только должен был быть качественным, новым, функциональным, но и быть эстетичным. Хотя последнее его конечно интересовало меньше всего.

— Он так и сказал, что меня не интересуют эти ваши маскировочные, пугающие и прочие артефакты, — Риса тяжело вздохнула, запуская прядь волос в короткие тёмные волосы. — Он сказал, что ему нужно то, что будет калечить и убивать.

— Что? Я потратила пять лет своей жизни не для того, чтобы делать такие ужасные вещи, — почти прошипела я в бессилии и отчаянье. Ну почему именно этот год настолько ужасен?

— Увы, — Инг поднял глаза от тетради, — если ты хочешь выжить — раз, и не вылететь отсюда — два, тебе придётся.

Я закрыла лицо руками. Как же так? Отчего гильдия творцов, созидателей должна стать оружейниками? Не спорю, оружие артефактором тоже делалось, но черт для этого были специально обученные артефакторы и да, они принадлежали не нашей гильдии.

Разговор с Вэртом немного утешил меня, но не сильно.

— Алексия, успокойся, просто сделай как надо, потом ты будешь далеко отсюда и будешь делать то, что считаешь нужным, а пока... — Вэрт мягко улыбнулся мне с картины, которая связывала нас. — Просто потерпи, родная.

— Мне тебя не хватает.

— Я знаю, скоро увидимся.

— Что? — Я удивилась. — Ты о чем? Ты собираешься ко мне?

— Скорее, ты ко мне.

— Не вариант, этот зверь не разрешит.

— Поверь, все под контролем.

— Но зачем?

— Это сюрприз.

И Вэрт снова покрылся мраком, раньше мы общались почти каждый вечер, а сейчас... Он постоянно был занят, куда-то спешил и чем-то занимался, с трудом до меня доходила мысль, что в его жизни существую не только я.

С тяжким грузом на сердце мне пришлось сесть и начать разрабатывать свой семестровый проект, иначе это грозило мне неприятностями, да ещё и целой кучей. Я выслушала об этом от всех учителей, а потом и сам директор, встретив меня, судорожно сжимающую учебники, в коридоре, напомнил, что уже все мои одноклассники рассказали хотя бы примерно, что будут делать, и я тоже должна вскоре посетить его кабинет с набросками и зачатками аграманта. Я заплетающимся языком, ещё больше пугаясь от раздражения клубами исходящего от мистера Д'армэ, подтвердила, что разработки есть и скоро я их покажу, а потом так быстро, как могла убежала из-под испытывающего взгляда. Правда проект не давался. Фантазия давала сбои и выдавала банальные и неоригинальные вещи, либо просто пасовала, да и ещё нужен был боевой артефакт... с этим было ещё более тяжело. Так что, в итоге, испытав слабый приток вдохновения где-то в середине ночи я накатала чего-то там на бумаге, чего-то там же попыталась сделать с кольцом, да так и заснула на столе.

Чудом успела проснуться за полчаса до занятий и, судорожно похватав все со стола, принеслась на «Плетение аграмантов», едва не сбив человека в дверях. И (ну конечно) этим человеком, смерившим меня удивлённым взглядом и приподнятыми бровями, оказался наш любимый директор. Решив игнорировать его, я проскользнула в аудиторию, однако все было не так просто. Мистер мистера Д'армэ решил по нервировать преподавателя и, отодвинув один из стульев, молча сел за первую парту, где и просидел до самого конца. Молодая преподавательница немного терялась и постоянно опасно оглядывалась на него, но все же рассказала нам новую тему. Поблагодарив её хором, мы, переговариваясь, собирались выйти из кабинета, как вдруг я почувствовала, что меня зовут.

— Майорс, зайдите ко мне сегодня с вашим проектом. — Меня облили странноватым взглядом и я, растерянно кивнув, покинула кабинет. Пришлось свернуть в свою комнату и забрать аграмант и кольцо со стола, а потом на подкашивающихся ногах идти в кабинет. Пока я шла, я все думала, что я ужасно везуча, что успела как раз сегодня ночью сделать хоть что-то. Впрочем, кто знает насколько я везуча? Я иду вообще-то в кабинет к директору, да не просто директору, а самому мистеру Д'армэ, который, я уверена, недоволен всем, что я делаю. Так что, заходя в его кабинет, я не особо рассчитывала на похвалу или вообще одобрение.

Так и случилось.

Выслушав меня и мою сбивчивую речь о кольце, а также проглядев аграмант, он замер, а я, вдруг разглядывая его, неожиданно удивилась одной мысли. Раньше я как-то не замечала, но аграмант штука узкоспециализированная, где прописано все об артефакте, его производных и связи между ними, чтобы его прочесть нужно знать об артефакторстве хоть что-то. А мистер Д'армэ, насколько я знаю, несколько из другого профиля и вообще глава другой гильдии, где аграманты не используются вовсе, но он уверенно просматривает аграманты и ещё как-то комментирует это, а значит понимает. Удивительно.

— Скучно. — Я вздохнула, что ж неплохая рекомендация, учитывая, сколько времени я потратила на этот артефакт. Я бы даже сказала целая похвала. — Я ожидал нечто интересное, но вы так и не можете порадовать меня чем-то стоящим.

— Простите, — если честно, несколько не испытывая вины за это, проговорила я, разглядывая собственные ногти.

— Майорс, я проглядел ваше дело и ваши прошлые работы, они были вполне хороши, так в чем же дело?

Я подняла глаза. Интерес, удивление, недоумение и что-то ещё, никак неподдающееся классификации.

— Я потратила на артефакторское дело пять лет собственной жизни. Я люблю это делать. Но приносить своими изделиями смерть, боль... увольте. Это низко, подло, я не могу. Если вам так нужны военные артефакторы, то это явно не тут надо искать, а в вашей собственной гильдии.

Карие глаза блеснули.

— Что ж, это пока самая распространённая проблема в данной академии. — Он свернул мой аграмант. — Почему-то все уверены, что они ни разу не военные артефакторы, а делают что-то подобное практически преступление.

— Может потому что так и есть... — Тихо сказала я, мне было неловко так говорить, но черт, это и правда было так. — Все, кто учатся тут не хотели быть военными артефактором и странно их принуждать к этому.

— Возможно. Но сейчас я тут главный и считаю, что вполне возможно сменить немного стиль артефактов. А это... — Он повертел кольцо в руках. — Аграмант слабый, едва на удовлетворительно тянет. Как я понял, кольцо должно стрелять, но судя по записям, оно малозарядное, но при этом жрёт немерено магического резерва у используемого. Это первый минус, а второй, это то, что обычный человек без магического резерва просто не сможет им воспользоваться. Опять безделушка, бессмысленная и пустая.

Я замерла. На секунду я восхитилась мистером Д'армэ, даже я бы сказала почувствовала уважение. Немногие бы вообще в этой академии смогли вот так, просмотрев аграмант наискосок, пощупав сам артефакт, сообщить какую-то полезную информацию о предмете, да и ещё вот так разложить по полочкам. Может он не так уж плох?

Я растерянно оглядывала лицо директора, словно бы рассматривая диковинный экземпляр. Я бы вот хотела узнать аграмант к нему. Получить бы такую бумагу, где все-все про человека написано, чтобы знать, его от него ждать и не ошибаться. Я вот сидела и, откинув всякую неприязнь, разглядывала его, а то вечно кружу в свих мыслях и даже не было времени взглянуться в черты его лица. А ведь он красив, если так подумать... девушки редко когда влюбляются в некрасивых. А этот мужчина был красивым, высоким подтянутым, одетым в костюм с иголочки, лицо... я наклонила голову. Мда... симпатично же, почему я не замечала этого раньше? Грубоватые черты, высокие ярко выраженные скулы, широкий мощный подбородок, удивительно узкие губы, густые брови над холодными и колючими карими глазами, прожигавшими во мне дыру.

— Что вы так на меня смотрите, Майорс?

— Нет, ничего, — я вдруг против воли улыбнулась, и улыбка стала ещё шире, когда от него по кабинету плеснуло удивлением, таким искренним и ярким. — Простите, тогда я пойду.

Я заглянула в карие глаза, когда, наклонившись над его столом, забрала аграмант и кольцо. Неожиданно увидела перстень у него на руке, красивые такой, серебряный. Директор был в осадке похоже от моих перемен настроения. Я хмыкнула. Не все ж мне гадать, что у него там на душе происходит?

— Вы меня поняли, Майорс?

— Да. Я переделаю, думаю...

Если смогу, хоть что-то предпринять на этот счёт. Я снова улыбнулась, покидая кабинет.

— Могу я с тобой поговорить? — Инг заметно нервничал, вызывая у меня дрожь по телу. Этот парень, сколько я его знала, всегда был вполне уравновешен и спокоен. Что случилось? Я встала и за ним вышла в коридор. Мы остановились в коридоре около больших окон, обливших нас солнечным светом. Я подняла голову на Инга и молчала. Он собирался с мыслями.

— Послушай... Я слышал, как вы с Рисой говорили, что твоя бабушка давит на счёт замужества. — Я смутилась, отводя глаза. Как неприятно, что и Инг теперь это знает... — Подожди. Просто мои родители тоже решили резко озаботиться таким делом, но моя невеста разорвала контракт и пропала в неизвестном семье направлении...

— Сочувствую. — Пробормотала я, не в силах понять, как эти два дела взаимосвязаны.

— Может быть ты выйдешь за меня? — Мои брови поползли вверх. — Сама посуди, мы друг друга знаем, примерно характеры и привычки тоже, плюс нам обоим по сути не очень-то это и нужно. Так что мы просто поиграем в семью ради ребёнка, которого отдадим родственникам, потом я куплю тебе дом, буду давать деньги, а ты будешь заниматься, чем хочешь.

Я все также озадаченно смотрела на него. Он всерьёз считает, что я подойду ему?

— Я... прости... я так удивлена, что не могу и два слова связать.

— Я понимаю. Предложение бессрочное. Ну по крайней мере до конца обучения оно действует. Думай. — Он улыбнулся мне, сверкнув глазами. — Я не хочу на тебя давить, хотя я был бы ужасно рад, если бы моей женой была именно ты.

— Правда? Но почему?

— В тебе нет женской истеричности, я тебя знаю, ты умна и занимаешься тем, что и я, а значит у нас много общих тем для разговоров.

— Звучит как-то не очень обнадеживающе, — я позволила себе улыбку, Инг наклонился к моему уху:

— Раз пока ты мне отказала, могу я просто поцеловать тебя?

Меня обдало жаром, мне казалось, что я вся стала красной, внутри все запаниковало, но я преодолевая бабушкины принципы, кивнула. Он наклонился и легко коснулся моих губ. Я прижала к ним свою ладонь и испуганно посмотрела на него.

— Не бойся, если что я рядом. — С этими словами Инг ушёл, бросив странный взгляд мне за спину, а я так с ладонью у губ обернулась. Там стоял Эвиан Д'армэ собственной персоной. И мой щеки до этого красные как помидорки, резко потеряли всю окраску. Пробормотав извинения зачем-то, я кинулась прочь по коридору.

Он видел мой поцелуй! Инг меня поцеловал!

Я остановилась. По-моему, мир сошёл с ума. Хотя предложение Инга действительно очень заманчиво. Мы и правда друг друга знаем, он заботлив и внимателен, хоть и не человек, но все же это вполне терпимо... подумаешь, дети буду с вертикальными зрачками. Я снова встряхнулась и продолжила ход по коридору.

Глава 5. Новые переменные

Впрочем, я недооценивала мир, решив больше ничему не удивляться, потому что не прошло и пары недель, как я снова была вызвана в кабинет директора, и мне снова был устроен разнос, как в интеллектуальной сфере, так и эмоциональной. И если снаружи мистер Д'армэ выглядел как бесстрастный воспитатель, объясняющий глупым деточкам

очевидные вещи, то внутри у него была просто буря раздражения и недовольства, пугавшая меня порой куда больше его слов. Но это то как раз было не очень удивительно, да и судя по рассказам, я не была такой уж особенной, многие побывали на моем месте, сидя в старом кресле и выслушивая много интересного о собственных умственных способностях. Просто в один момент моего разноса в директорском кабинете раздался тихий звук, и мистер Д'армэ подошёл к одной из картин на стене, приветствуя вызывающего, там у них произошёл короткий разговор, испортивший моё настроение окончательно. Ну надо же иметь наглость, вот так просто бросать ученика и идти беседовать на отвлечённую тему с кем-то там? А мне тут сидеть в неловкости и ждать? По-моему, это идёт вразрез со всякими правилами этикета. Меня так и подмывало взять просто и уйти, и я уже была на грани этого как вдруг, разговор, до этого меня вообще не привлекавший, перешёл на меня. Я удивлённо оторвала взгляд от дурацкой синей обивки кресла и развесила, как говорят, уши. На вопрос, кто это там у тебя сидит, мистер Эвиан Д'армэ с решительной миной ответил:

— Это? Это Алексия Майорс.

— Та самая Майорс? Внучка Джойля?

— Да, весьма хороший артефактор, подающий надежды я бы сказал.

Я потерялась на середине фразы и просто была настолько удивлена, что едва сдержалась от неприличного открывания рта. Он что только что сказал? Он же ненавидит меня, мои изделия и мои таланты? И не считает меня умнее табуретки? У него что какие-то проблемы с памятью? Или у меня со слухом? Дальше разговор снова возвратился к неинтересной теме их работы, но я видела, как мужчина поглядывал на меня из рамы и улыбался. Все ещё пребывая в глубоком шоке, я обратила свой взор на директора, но тот, словно бы и не было всего этого, продолжил наш разговор о моем изделии, а я просто не решилась спросить, с чего он меня так обласкал перед тем мужчиной. В конце моего посещения, я долго мялась перед дверью, не решаясь сказать.

— Говорите, Майорс.

— Мне нужно уехать на пять дней.

— Зачем?

— У моего друга, с которым мы выросли, он почти мне как семья, свадьба. Я обязана присутствовать там.

— Надеюсь не с вами?

— Нет, не с мной...

— Ну что ж... как вы будет отрабатывать пропущенные уроки?

— Я постараюсь.

— Хорошо, идите.

Я на пороге все же обернулась к нему:

— Вы правда считаете меня подающей надежды?

— После этого вопроса — нет. Свободны, Майорс.

Да уж... но эмоции не обманешь. Считает. Какой же вы странный субъект, мистер Д'армэ. Качая головой и недоумевая, я покинула обитель нового директора. Деревянные полы глухо звучали, когда я пробиралась по потемневшим коридорам к себе в комнату. Вот так все и обернулось... странно. Вэрт решил жениться. Как же так?.. Когда? Как? Зачем?

Приглашение ждало меня на столе, там же, где я его и оставила, оно было подписано им лично, ниже чужим незнакомым мне женским подчеркиком было написано: «Жду с нетерпением нашей встречи». Снова вернуться туда, в деревню ло-укков... свадьба обычно у

них длится три дня и ещё два дня необходимо на подготовку, так что по идее я должна уложиться, а если и нет, то мне все равно. Это же Вэрт. Между ним и мистером Д'армэ я выберу его, это определённо. И все-таки меня терзали сомнения и даже ревность, что он собрался вот так рано жениться, что вообще не свойственно ло-уккам. Они чтут семейную жизнь — это правда, но обычно это случается, когда оба уже созрели, а значит прожили достаточно. Они все долгожители, так что для них отложить свою семейную жизнь на тридцать-сорок лет вполне нормально, а оттого вдвойне странно, что Вэрт, никогда семейностью не отличавшийся, внезапно решил изменить своим привычкам. Как в человеческом мире, случайно поставить на карту третью переменную они тоже не могли, у них там все это строго, и дети просто так без обряда не заводятся, так что это тоже не вариант. Ну разве что Вэрт влюбился?..

Руки похолодели, приглашение выпало из рук и мягко приземлилась на ковёр. А это больно осознавать, что он больше не мой... я закрыла лицо руками, по щекам потекли слезы.

Я воспринимала Вэрта как часть семьи, как бабушку, или кого-то очень родного и близкого мне. Однако со мной сыграло злую шутку то, что Вэрт не был мне братом, да, наша кровь была связана, это делало нас очень близкими, но все-таки не родными братом и сестрой. Сейчас я вспоминаю, что произошло в то лето перед окончанием академии, мне становится стыдно, но я понимаю, что просто не могла по-другому. Я была привязана к Вэрту, привязана так сильно, что тогда, в то лето просто не смогла разделить мою любовь к нему как к родному человеку и как к мужчине. Когда он осознал, что я практически готова признаться ему в любви, он провёл со мной долгую беседу и объяснил, что не смотря на то, что он осознает эти мои чувства и даже готов бы принять, но все равно я для него младшая сестра, на которую он не сможет смотреть иначе. Чудом тогда я смогла тоже это осознать и попытаться разделить... истинно чудом.

До сих пор я ловлю себя на мысли, что мне было бы хорошо, стань Вэрт моим мужем, я была бы рада, но постепенно та первая влюблённость угасала, оставляя теплоту, нежность, досаду за свою несдержанность и... чувство собственности. Вэрт был моим. С самой нашей первой встречи, когда мы оба были совсем детьми, я присвоила его себе и с тех пор мы практически не разлучались, потому что даже если нас разделяли расстояния, никто не в силах был разделить нашу кровь. Никто.

Я упала на кровать, подтягивая ноги к груди и подымая правую руку к лицу. Тонкий шрам и целая жизнь, вот что мне было подарено той зимой... История эта была банальна и книжна, словно я её придумала, пару раз я пыталась ей поделиться, также в детстве, но натыкалась на смешки и понимающие улыбки, так что разучилась её рассказывать, да и не особо потом горела желанием. Ло-укки жили своей жизнью, в их деревню нельзя попасть просто так, они мало контактируют с миром и редко покидают пределы своей земли, так что люди многие даже не подозревают о них.

Сказание о нашей встрече с Вэртом состоялось в тот год, когда мне исполнилось шесть, я была в меру избалованной девочкой, радостно прыгающей вокруг старого поместья и играющей в свои фарфоровые куклы. Поместье было старо и обтрёпано и стояло недалеко от портала, ведущего в деревню ло-укков, но я тогда, конечно, этого не знала, однако в лес все равно не заходила, я была настоящей трусихой. Гуляла я часто одна, так как обычно за мной должна была присматривать бабушка, но она этого не любила, перекладывая ответственность на слуг, а те либо засыпали, либо я ловко убегала от них розовым ураганом в рюшечках. Мои родители тогда ещё были живы, так и дедушка, но последний в силу своей

профессии много времени проводил в мастерской, и ему было не до детских игр, хотя и многие вечера он усиленно занимался со мной. Мои родители, Элия и Тэрэнс, не были артефакторами, маме не передан этот дар от дедушки, а мой собственный отец вообще не обладал даром. Он был архивариусом Королевской Библиотеки, и только из-за такой должности ему вообще разрешили приблизиться к моей матери. Мама даром обладала, но целительским, и, как я подозреваю, в ней тоже была эмпатия, но слабее, чем у меня. И наверняка, у меня тоже она должна была быть слабой, если бы не встреча с одним синекожим мальчуганом как-то по утрам.

Тогда выпал первый снег, на улице было прохладно, но я все равно выбежала на хрустящий снежок в платье и туфельках, и бегая по облысевшему саду, я наткнулась на мальчишку, задумчиво ходящего вокруг и все разглядывающего. Меня тогда не смутила его внешность, я представилась, и мы начали играть в госпожу и её слугу. Вэрт играл с удовольствием, впитывая мои эмоции, коими я фонтанировала на всю округу. Он рассказал, что живёт в лесу, но если не идти по тропе, то можно заблудиться и погибнуть, потому что лес волшебный. Я, конечно, же ему не поверила, но когда он в запале решил меня переубедить и предложил проверить, я легко согласилась.

Лес был мрачным, это все что я помню... также мало что помню я и из того, как мы оказались в его сердце и... потерялись. А потом к нам вышли волки... Вэрт защищал меня, несмотря на то, что был старше меня всего на пару лет, но он был ранен и потерял много крови, и именно тогда холодными негнушимися пальцами мы разрезали наши ладони и скрепили их. Тогда, когда по моему белому словно снег лицу градом катились слезы, и только мои эмоции хоть негативные помогали ему хоть немного держаться. Как ему тогда удалось отправить сигнал в деревню — не знаю, да и не спрашиваю, мы вообще никогда больше не обсуждали тот день. Он чудом закончился для нас хорошо, раненого демонёнка, сбежавшего из дома и застрявшего среди лесной пустоши, и замёрзшей рыдающей девочки в одном платье. Нас спасли ло-укки, вытащили обоих, хотя я сопротивлялась и кусалась, не давая мне разорвать нашу связь через руки. К слову, именно это его и спасло, да и меня тоже. С того дня я стала сильнее воспринимать эмоции других людей, стала серьёзнее.

Мои родители были в ужасе, когда через два дня из леса к ним вышла собственная дочь в разорванном платье, в пятнах крови и странным взглядом. Они так и не узнали, что случилось в тот день, а ещё через полгода их не стало. Я убежала к Вэрту, бабушка была на очередном светском рауте, а дедушка уехал по делам. Поместье горело долго и хорошо, сгорело все и со всеми, никто не спасся, даже слуги. И с того времени меня приютили ло-укки, так как бабушка была категорически против, чтобы я жила в её доме, и даже дедушка не смог её переубедить.

Незаметно для себя, под калейдоскоп радужных воспоминаний, я заснула.

Единственный минус деревни ло-укков и того, что это все довольно сверхсекретно, в том, что туда нельзя просто попасть с помощью портала и туда нужно добираться по старинке на обычном транспорте. А это кроме того, что было долго, ещё было ужасно-преужасно скучно, радовало, что хотя бы половину пути можно было сократить через сеть порталов, расположенных по всей стране. И то два портала, а потом все равно либо на своих двоих, либо искать экипаж, по счастью именно там меня должен встретить Вэрт. По крайней мере мы так договаривались с ним...

Обычно поездка в деревню была для меня настоящим праздником, это было возвращение домой, на родину, в семью, где меня любят и ждут, однако эта поездка не

задалась сразу... кроме просто испорченного настроения самим существованием свадьбы Вэрта, ужасной промозглой погоды, изгваздавшей весь подол платья ровно через пять минут после того, как я покинула здание академии, да и ещё меня вдруг охватило чувство паранойи. Обычно за паранойю отвечал Вэрт, строя догадки или подозрения кого-то в чём-то, такая своеобразная игра в детектива, за что по детству он отхватывал от старших родственников довольно часто, обучаясь тому, что частная жизнь не должна становиться достоянием общественности. Я же обычно хохотала над такой откровенной глупостью, так как по жизни человеком была не подозрительным и мнительностью не страдавшим, люди долгое время казались мне сплошь добрыми и хорошими, посыпанными радужной пылью. Но как я уже сказала, в этот раз всё было совсем не так...

До центра города я ехала просто в скверном настроении, хмуро разглядывая толпу на площади и мало на неё обращая внимания. Однако пока я стояла в очереди в портал, мой расфокусированный взгляд зацепился за мрачноватую фигуру, и разум задумчиво уточнил, а не её мы видели буквально час назад около ворот академии? Я попыталась вспомнить, признала, что да скорее всего так оно и было, и опять отбросила всякие подозрения, ведь в городе целая толпа людей, так что немудрёно, что их пути частенько пересекаются или совпадают. Однако очутившись в Столице, где я должна была проехать ещё полгорода и там зайти в другой портала, тревожность возросла в разы. Человек действительно перемещался за мной, при чем когда я его замечала, он даже не пытался этого скрыть, а когда я попыталась улизнуть от него, он меня догнал и послал мне прицельную волну враждебности и ненависти. Я была в ужасе... я надеялась, что смогу запутать его порталами, потратив немного больше времени на это, чем должна была, переходя в разных городах в порталы и потом лишь шагнув в тот, который мне нужен был.

На целых десять минут, пока я в экипаже отъезжала от площади, показалось, что мне удалось потеряться для него, но немного с опозданием он вышел из портала и стал оглядываться в поисках меня. Что ему надо? Вот что ему может от меня понадобиться? Объясните мне. Я не понимаю. Наследство? Три ха-ха, у меня его мало, либо его уже потратила бабушка вовсе. Жених? Он слишком стар для таких игр, да и зачем? Узнать не завела ли не состоявшаяся ещё, как супруга, девушка себе ещё кого-то? Директор? Я задумалась... он, конечно, меня не особо любит, но до такого не стал бы доходить, определённо. Значит что-то другое, но вот что? Я нигде не светила, никому не переходила дорожку, не грубила, в враги не записывалась. Может он меня перепутал? Но с кем? Внешность у меня не то чтобы запоминающаяся, но как сказала бабушка, наследственно красивая, так что довольно сложно меня с кем-то перепутать, да и ещё учитывая, что он следит за мной от самых ворот академии.

Вэрта я должна была дожидаться на пепелище, и несмотря на общее паническое состояние, старое поместье, которое когда-то было моими домом, успокаивало меня. Я, вдруг поддавшись какому-то позыву, прошла в распахнутые ворота, крепко сжимая в руках ручку чемодана. Все казалось маленьким, скукоженным и осиротевшим. До дома я не смогла пройти, так и приросла среди каменной дорожки ногами к земле и все глядела на оплавленный камень. Определённо магическое пламя, вдруг дошло до меня... раньше я воспринимала пожар в доме как что-то вроде несчастного случая, который случился, и никто не мог этому помешать. Теперь после стольких лет, я вдруг поняла, что уж тогда точно ни у кого в доме не было и шанса, магическое пламя очень сильно и выжить в нем нереально, наверняка один из зажигательных шаров, что используют боевые маги или... наёмные

убийцы.

Внутри всё похолодело. Наёмные убийцы. Мог ли тот человек, который следил за мной, быть наёмником? Вполне... впрочем, обычно они сразу убивают, а не шатаются за жертвой по континенту, значит кому-то нужно знать, куда именно я иду или где буду. Но опять же зачем? Слишком много вопросов... И даже знание, что родителей возможно убили, как-то не даёт никаких ответов, скорее добавляет ещё пару десятков. Потому что мои родители были настолько банальными и обычными, что просто не понятно, за что им такое. Можно конечно предположить, что они случайно разбили одну из таких капсул, но это просто бредово звучит... можно конечно спросить у бабушки, но вряд ли она расскажет, а ещё более вероятно, что даже и не знает, потому что после того как её дочь выбрала не такой путь, как она ей желала, у них были весьма напряжённые отношения. Так что весьма маловероятно, что она знала, из-за чего кому-то могло понадобится убивать их. Конечно, спросить бы у дедушки, но увы...

— Эй! — Я взвизгнула, выпуская чемодан из руки и отпрыгивая в кусты. Вэрт изумлённо уставился на меня, явно недоумевая, с чего это я решила сделать пару кульбитов перед ним. — Ты чего?..

— Ты меня напугал!

— С чего бы? Я ведь даже не подкрадывался.

Вэрт прошёл мимо чемодана и взял меня за руку, несколько минут напряжённо впитывал мой эмоциональный фон.

— Что случилось?

Пока мы выбирались из поместья и шли по дороге, ведущей в лес, я рассказала ему про фигуру в тёмном и про свои догадки, он молчал.

— То есть ты не знала, что это был намеренный поджог? — Спокойно уточнил он у меня в конце, потом смерил своими глазами и снова отвёл их. — Понятно...

— А ты знал?

— Я думал, ты тоже, — Вэрт не смотрел на меня. — Там камень оплавлен... так что все очевидно.

— Ну да...

Мы шли, но между нами висел тяжкая пауза, под ногами хрустели ветки в инее и шуршали листья, дело двигалось к зиме. Я ускорила шаг, поравнявшись с Вэртом, взяла его тёплую руку в свою. Он был взволнован и немного напуган, он боялся говорить со мной на эту тему, не хотел меня ранить, но поняв, что я не испытываю злости или страха, сжал мои пальцы.

— В любом случае, не лезь туда, Алексия, — его голос был немного хриплым. — Твои родители были в чем-то замешаны, либо кому-то перешли дорогу, сейчас все закончилось, так что живи своей жизнью и не лезь туда. Я не хочу тебя потерять.

— С чего ты вообще это взял?

— У тебя характер такой, — Вэрт сморщился, — вдруг тебе резко захочется раскопать эту тайну и отомстить за них.

Я споткнулась, о таком я определённо не думала. Кто я, и кто тот, кто смог безнаказанно провернуть такое, да и к тому же насколько я знаю добыть магический огонь не каждый сможет, это ведь довольно сильное оружие и используется редко. Хм... наверняка, это такая покупка, которая не может пройти незаметно...

— Да не смей, — на меня сверкнули сине-зелеными глазами. — А то я тебя из дома не

выпущу.

— Хорошо, не буду. Лучше скажи мне, что происходит.

— Ты о чем?

— О свадьбе. Твоей свадьбе. Разве не ты меня убеждал, что раньше пятидесяти ни одна особь женского пола не заполучит твоё трепыхающееся сердце?

Вэрт отпустил мою руку, но я успела почувствовать недовольство, растерянность, страх, а потом...

— Просто я влюбился.

Вэрт улыбнулся мне, буквально окатив каким-то нереальным эйфорическим счастьем, от которого мне хотелось отряхнуться, как от грязи. Странно... неужели я настолько его ревную? Я заткнула свой негатив внутри и выровняла эмоциональный фон, там полно эмпатив, они и так рано или поздно поймут, что я не могу его отпустить в свободное плавание без меня, но раньше времени делать этого не хочется все равно.

— И кто она?

— Кэсси? Просто прелестная девушка.

Далее следовал полубессвязный монолог о её достоинствах, красоте, доброте и прочих прелестях, выносящий мне мозг меня каждым новым словом. Я была ужасна благодарна миру, что ло-укки не умеют читать мысли, а лишь улавливают эмоции, потому что в моей голове бродили странные и довольно злые мысли, которые удивляли меня саму, ведь я никогда не отличалась кровожадностью. Мысли были невесёлого склада, потому что я знала Вэрта хорошо. Очень-очень хорошо. Маленький обжора, вечно съедающий в три раза больше нормы, грубиян, чавкающий за едой и готовый есть круглые сутки напролёт, боящийся пауков, потому что в детстве один из них, ядовитый к тому же, так сильно укусил его, что тот едва не отправился к праотцам, прекрасный боец, ловкий, быстрый, вспыльчивый, горящий идеями, то и дело вспыхивающими в его голове, добрый до невозможности, готовый в убыль себе спасать кого-то целыми днями. Но вот желания иметь семью, детишек и свой дом в нем никогда не было, наоборот, быт он ненавидел лютой ненавистью, готовый играть со мной в деревяшки каждый раз, когда требовалось убрать со стола, отнести кружку или чего-то там убрать. При чём играл он явно лучше меня и мухлевал, так что убирала всё обычно я и мыла тоже я, а стоило кому-то заикнуться об уборке, след юного демона тут же простывал и до самого вечера он где-то пропадал, за что ему конечно попадало и от меня, и от маты Таренны. Я вообще с трудом представляла этого раздолбая на месте умудрённого опытом отца семейства, скорее всего даже в пятьдесят у него будет свербеть где-то очередная идея, и он будет нестись куда-то её проверять. Так что у меня возникало, глядя на его счастливое, немного глуповатое лицо, несколько вариантов развития событий: Кассандра была ведьмой и околдовала его, на крайне случай опоила, либо она настолько невероятно красива, что там просто без вариантов, либо Вэрт резко проникся идеей семейности, либо Вэрт влюбился, действительно влюбился. Второй вариант мне не нравился, третий — я даже не рассматривала, потому что это не в его характере, да и не меняется человек так внезапно, четвёртый — тоже рассматривать не хотела, пока первый мне казался самым логичным, однако у ло-укков сильная сопротивляемость любым ядам и прочему, так что как? Ещё был вариант, что она его шантажировала или заставила, но нет... там же все эмпатив, несогласие было бы тут же замечено и выставлено на всеобщее обозрение, да и эмоции Вэрта... он ведь так радуется этому...

В общем, когда мы прошли сквозь портал и почти подошли к деревне, я почти

возненавидела ту, что стала избранницей Вэрта и перешла мне дорогу. Мне хотелось с ней поговорить, взглянуть ей в глаза, спросить, понимает ли она, что я не такая наивная, как он, и если она смогла запудрить мозги ему, то мне не сможет в любом случае. Так я и решила для себя, втапывая в землю свою злость и оглядывая деревню, расстилающуюся перед глазами.

Мне всегда нравилась деревня ло-укков под названием Лойнес, небольшая, уютная, стоящая между холмами, каменные домики, будто бы из сказки, множество цветов, деревьев, садов и детей. Обычно в семье было трое-четверо детей, шумно галдящих и бегающих по местным полям. Деревня была маленькой, вообще это был даже уже небольшой городок, а не деревня, но тут было так хорошо, да и привыкла я так думать об этом месте. Вокруг было шумно, передвигались повозки, многие махали мне, а я им в ответ. Когда мата Таренна и её муж любезно приняли меня в свою семью и воспитывали как своё дитя, многие соседи были против, потому что не было ещё такого в истории ло-укков, но боги меня приняли, к тому же я спасала одному из них жизнь, да и Вэрт сражался за меня как настоящий боец. Но в итоге за столько лет все привыкли ко мне и полюбили как родную.

— Алексия... — Мы замерли на мощёной камнем дорожке за пару домов до нужного, Вэрт, глядя себе под ноги, запустил пальцы левой руки в волосы, растрепав их ещё больше. — Нам нужно поговорить...

Его лицо было несчастным и встревоженным.

— Да?

Что он мне сейчас такого скажет? Сердце забило в тревоге.

— Слушай... моя мата, она... в общем мои против свадьбы и Кассандры вообще, мата её прям не выносит на дух, даже говорить об этом не хочет.

Неудивительно в принципе, тут её сына отбирать собираются.

— Вряд ли она меня послушает...

— Да нет я не про это... слушай, не нападай ты хоть на Кэсси, я так надеюсь, что вы подружитесь с ней. Она так переживает, что мои её ненавидят, вечно плачет из-за этого...

Образ злой Кэсси в голове никак не вязался с тем, что говорил сейчас Вэрт, да и к тому же я хотела «серьёзно» с ней поговорить и расставить все по местам, а тут такая просьба...

— А... да... посмотрим...

А что мне ещё оставалось?

Глава 6. Деревня ло-укков

Вот так с очень странным настроением мы и подошли к дому Вэрта. Дом был большим, каменным, двухэтажным, что мне всегда казалось странным, так это что вход и на первый этаж, и на второй этаж были с улицы, при чём не только тут, а везде. В человеческих домах, чаще всего все лестницы располагались внутри дома, а тут нет... И все это потому, что на втором этаже жили дети, практически всегда, за исключением семей, у которых их не было. Обычно дом строился, когда мужчина достигал определённого возраста, он ходил, искал по округе место, где понравится душе, потом начинал строить дом и вскоре перебирался туда, а там уже обустроивал его, по пути работая или занимаясь своими делами. Некоторые начинали строить ещё раньше, как только достигали совершеннолетия и потом жили обособленно от родителей, сами себя кормя и одевая. После того как дом был построен, и мужчина принимал решение жениться, он искал себе девушку, они общались, потом была

свадьба и адаптация дома под жену. Через какое-то время семья осознала своё желание пригласить в дом ребёнка, все это понимали, когда пара доставала инструменты и шла строить второй этаж, это было словно заявление всему обществу, что скорое в семье будет пополнение. Дети появлялись у ло-укков довольно чудно для меня, как для человека, я привыкла, что дети иногда появляются, иногда нет, и вообще сами выбирают и место, и время, и родителей, к тому же существовало в человеческом обществе и такая проблема, как нежелательная беременность и бастарды, что в принципе порицалось и не считалось нормой, но это было... А вот у ло-укков такой проблемы не было, потому что когда пара приходила в храм, хранитель проверял родителей, задавая им вопросы и ответы должны были быть искренними, если нет — придёте потом, так что дети всегда были любимыми и долгожданными для ло-укков и всегда запланированными. Обычно если хранитель давал согласие, и боги ничего не имели против, то уже через девять месяцев на руках у счастливых родителей был ребёнок. Иногда боги принимали просьбы даже о поле ребёнка, а иногда отказывали, давая то, что надо, а не что хочет демон, но с богами обычно не спорили...

После лет пяти-шести ребёнка отселяли наверх в свою собственную комнату, а до этого он спал и жил внизу с родителями, и так каждый следующий поселялся наверху, если детей становилось много, то этаж расширяли, но обычно к этому времени старшие уже покидали дом и строили свои дома. Такой вот круговорот детей в природе. Мне нравился уклад жизни ло-укков, они были честными и очень спокойными, но порой чрезмерно эмоциональными, сказывалось, что они питались эмоциями, так что порой бурно порадоваться или бурно поспорить для них было обычным делом.

Вэрт как ни удивительно был не единственным ребёнком в семье, когда меня приняли к ним, я стала вторым ребёнком, первенец — Вэрт, за мной шла Милира, младшая сестра Вэрта, и тогда больше никого не было, но после пары лет появилось ещё трое малышей практически один за другим: Олли, Теренс и Мия. Теренса назвали в честь моего отца, так как по традиции младшим детям имена давали старшие. Стоило мне переступить порог, как трое демонят буквально повисли на мне, галдя и прыгая от счастья, однако стоило мате Таренны грозно глянуть на них, как ребятки тут же переместились на брата, а я наконец смогла обнять свою мату. Она стала мне мамой, самой любимой и дорогой, и хотя мы обе понимали, что иногда я немного смущалась так её называть, я все равно любила её до беспамятства.

Мата Таренна считалась по местным меркам очень хорошей матой, потому что у неё было пять детей, хотя... судя по тому как выпирал у нее живот, может скоро будет и шестой. К тому же у нее был состоятельный муж по местным меркам, рыбак, кормивший свою семью без особых усилий, да и дом у них был большим, каменным, с отделкой. Ах да... ещё она была удивительно красива и добра. Красота местных девушек определялась формами, чем пышнее формы, тем красивее, но при этом нельзя было становится такой тушкой, наоборот, надо было чтобы все эти формы смотрелись изящно. А также у маты была очень тёмная синяя кожа, так что её светлые голубые глаза просто сияли на лице, как и зубы, порой появляющиеся между пухлых губ. Волосы у ло-укков всегда были черными, только иногда могли оттенком отличаться, у кого светлее, у кого больше в стальной оттенок, вот, например, у маты Таренны волосы были довольно светлыми (а может она их и высветляла тихонько, чтобы никто не видел), длинными заплетёнными в тугую косу и уложенную на голову, а вот у всех её детей были темными, почти черными.

— Деточка моя, Алексия, как же я тебя ждала, — меня стиснули в крепких объятиях. —

Как же я рада что ты вернулась. Ох, ну ты и исхудала...

Да... мата очень переживала из-за этого, потому что в моем роду пышек не было и есть много я не умела, увы. Так что глядя на мои «сиротские порции» (есть много и хорошо тут считалось хорошим тоном), она лишь вздыхала, бурча про нос про худых, словно щепки, человеческих детей и ставя в пример Вэрта, который ел так, словно у него был портал в другое измерение в животе, потому что я лично не понимала, как можно съесть столько. Кстати быть пышкой совершенно не относилось к понятиям о мужской красоте, тут наоборот приветствовались ловкость, изящность и подтянутость, потому что большинство ло-укков мужского пола были бойцами, охотниками, рыбаками. В общем, занимались такой работой, где излишний вес был только помехой.

— Мата, — укоризненно протянула я, оглаживая её по руке, — у меня просто такая комплекция... даже если буду есть много, я не стану больше.

— Я знаю, кто тебя такую худенькую замуж возьмёт?

— Да уже предложили, — заявила я, присаживаясь на скамью, дети унеслись бегать во двор, так что на меня уставились три пары глаз, третья как раз высунулась из-за угла. Её обладательница радостно взвизгнула и повисла на моей шее. — И тебе привет, Милира.

Милира была меня младше всего на пару месяцев, но иногда мне казалось, что на пару лет, такой она была легкомысленной и наивной. Она была красивой, глаза её были не зелёными, синими или голубыми, как у большинства ло-укков, а желтоватыми, как у отца, что делало её почти писаной красавицей, пышной фигурой она явно пошла в маму, а вот шептунным характером — в брата.

— Ты выходишь замуж? — Меня оглушил её рёв. — Ну наконец то, а то чего тебе все в девках ходить.

К слову Милира была уже как год замужем, родители её были состоятельными, а сама она — красивой, так что женихи выстроили в очередь, и она быстро нашла общий язык с одним из них, и уже через пару месяцев сыграли свадьбу, несмотря на то, что тот её был раза в три старше. Так что теперь она была уже мата Милира, и насколько я знала, по последним новостям, они начали строить второй этаж.

— Ну да, замуж я выхожу, только вот не за него.

— Вот как, а почему? — Мата Таренна, пихнув сына, вручила ему тарелки, и он со страдальческим выражением поставил их перед нами.

Я быстро взглянула на Вэрта, но тот отвёл глаз. Значит не сказал. Однако эта заминка объяснила мате Таренне больше, чем тысяча слов.

— Кирина? — Тут же догадалась она, я кивнула.

— Ты же не хотела? — Милира сжала мою руку.

— Мы заключили сделку, она оплачивает мне оба года и не трогает меня, если я выйду за того, кого ей надо.

На меня воззрились три пары укоризненных глаз, браки по расчёту тут не уважались от слова совсем.

— Могла бы попросить у нас, — мата Таренна, кажется, была теперь совсем не в духе. — Мы всегда рады помочь тебе.

Я опустила глаза в пол, я чувствовала уколы вины, что не попросила у них помощи, но я знала бабушку, она женщина упорная и всегда добивалась, чего хотела, либо уходила только тогда, когда поле боя было разрушено окончательно. Таким полем боя могла оказаться моя жизнь, я и сама не до конца осознала, как мне повезло вот так легко заключить с ней сделку,

чтобы она правда успокоилась и больше не лезла ко мне. Впрочем, мою душу порой точили и сомнения: а что, если ей и этого будет мало?..

— Мата, это её выбор. Оставь её. — Вэрт опустил на мою голову ладонь и спутал причёску, которая и так уже была похожа на метёлку, ну что ж... буду красавицей, но слегка лохматой. — И покорми нас, пита то долго ещё не приедет.

Мата Таренна как-то сразу потеряла интерес к прошлому разговору, нагружая стол снедью так, словно я приехала с голодного края, и несмотря на то, что съесть всё это у меня не было ни сил, ни живота, я с радостью уминала то, что любила — рыбу и иже с ней. Рыба тут была в почёте, а вот в академии её готовили всего раз в неделю, а морепродуктами нас и того баловали редко, а тут — раздолье. Мясо в лесах ло-укков было и довольно много, а вот рыбу приходилось добывать, посылая рыбаков каждый раз порталом в другие страны к морям, и часто их не было неделями, и все же ло-укки не смотря на дороговизну рыбы, любили её куда больше мяса и ели очень часто. Особенно были популярны такие блюда как рыбка в сладком соусе, в морских водорослях, всякие морепродукты потушенные, жареные и сваренные. В детстве я искренне считала, что синеватый цвет кожи у демонов именно из-за того, что они много едят морепродуктов и рыбы и часто объедалась ими, потому что верила, что моя кожа станет такого же цвета. Кстати, мне повезло приехать так удачно, что пита возвращался именно сегодня... по нему я часто скучала даже больше, чем по мате Таренне, но никогда никому об этом не говорила, даже Вэрту, потому что я боялась обидеть их.

— Кстати, даада в этот на раз на берегу остался, проведать не хочешь? — Как бы невзначай уточнила у меня мата Таренна, стоя ко мне спиной, хотя я могла поспорить, она улыбалась, зная, как я обожаю дедушку Вэрта. Так что после ужина, оставив всех ома, я отправилась к большому каменному дому даады. Тот нашёлся во дворе, колющим дрова.

— Даада! — Воскликнула я, подбегая к этому огромному мужчине и повисая у него на шее, если бы я не знала его и не знала, что у него пятеро детей, порядка пятнадцати внуков, а может уже больше, то никогда бы не подумала, что это чей-то дедушка. Дедушки, которых здесь называли «даада», таким вот странным именем, почти всегда были очень мощными мужчинами во всех планах, как физическом, так и моральном, а уж про финансовый и говорить не приходится. Раз ты даада — значит тебе надо держать планку, чтобы твои дети и их дети равнялись на тебя, а это очень высокая планка, как по мне. В нашем мире дедушки — это такие старички, очень добрые, очень мудрые, которые рассказывают детям сказки и прощают шалости и хотя и бывают строги, они уже в основном не у дел, но у ло-укков не так... Даада тут очень влиятельны, особенно на мужскую часть общества, если ты даада, считай, что к твоему голосу и мнению плюсуешь ровно столько, сколько за тобой родственников, ведь если ты смог вырастить столько детей, они поднялись и вырастили своих, значит, ты времени даром не терял, и ты хорош в своём деле.

Меня сжали в медвежьих объятиях и усадили на пенёк, топор даада Нам отложил рядом и сам присел на соседний. Кроме громадного телосложения, коротких черных волос, по лбу перехваченных широким кожаным обручем, даада обладал мощным волевым подбородком, яркими синими глазами и... носом-картошкой. В детстве меня это ужасно веселило, потому что мне казалось, что это нос подпортил ему весь имидж, но его характер и харизма обволакивали настолько, что ты даже не замечал потом этого.

— Как твои дела, Алексия? — Басом спросил у меня даада Нам. — Как поживаешь? Как Кирина, не мучает тебя?

Я вздохнула, улыбаясь, говорить с ним о бабушке мне не хотелось. Даада всегда

выражался предельно честно: не нравится, что она говорит или делает — не слушай её и не делай. Ему было легко сказать, мне не очень легко опробовать в деле.

— Да хорошо все... Даада?

— Ммм... — Мужчина потянулся к топору и мягкой тряпочкой стал протирать его, любовно оглаживая.

— Что не так с Кассандрой? Почему все так против свадьбы с ней?

Свой ответ на этот вопрос я знала, а вот родственничков расспросить ещё не удалось. Синие глаза на меня взглянули.

— Твои варианты?

— Мне просто не нравится, что Вэрт так поступит и такое ощущение, словно она его обманула.

— Вэрта не обманешь и силком не затащишь, да и не из тех она людей... не хищница, таких Вэрт даже за милую к себе не подпустит.

— Но тогда почему?

— А у него не спрашивала?

— Он ведёт себя как юродивый... — буркнула я, поджимая губы и складывая руки на груди. — Мне кажется дело в ней.

— Хорошо, но тема закрыта, если он решил туда лезть — пусть. Я не одобряю этого, и он моё мнение знает, если он решил что-то, его упрямство не сломить. Ты же такая же.

Даада Нам хохотнул, снова полируя топор, к этой теме вечером мы и правда не возвращались, просто болтая о том и о сем, я рассказывала ему об артефакторстве и о том, что узнала за это время, даада пожалуй, кроме Вэрта, был тут единственный кому действительно это было интересно. Иногда мне казалось, что не будь у него этой семьи, он бы ушёл отсюда и пошёл учиться на артефактора, до того его интересовали всякие тонкости этого дела. Хотя я и наслаждалась этим вечером, мои мысли все время возвращались к Кассандре, тревожились, метались и снова думали о ней. Придя вечером домой, я узнала, что рыбаки задержатся, так что питы сегодня не будет, пришлось ужинать без него и без него же отправляться спать.

Моя комната давно была превращена в детскую для Олли, и хотя она много что изменила в ней, какие-то черты все-таки остались, деревянные стены пестрили рисунками, как моими, так и её. Я в то время бредила артефакторством, я желала стать им так сильно, что постоянно придумывала что-то новое, рисовала, создавала причудливые формы, названия к ним, а потом мы с Вэртом и Милирой мастерили из них какое-то подобие и игрались с ним, бегая друг за другом. Вот и сейчас на стенах остались мои «изобретения», а рядом висели новые рисунки — Олли, и в основе своей они были про одежду, даже странно, что мои диковатые изобретения она не сняла. На время приезда Олли переехала к Мие в комнату, а мне отдали старую. Комната была большой, ненамного больше моей комнаты в академии, но простор чувствовался, большие два окна освещали днём комнату, а сейчас в них заглядывала тьма, слева стояла большая кровать с балдахином из тонкого тюля — кстати тоже моё творение. Я почему-то считала, что настоящие леди спят только на кровати с балдахином и, сдавшись моему нытью, пита с Вэртом быстро соорудили мне эту конструкцию, а мата сшила занавески, получилось очень уютно, даже скучаю по ним немного.

Я прошла до кровати, медленно избавилась от платья, нижнего платья и юбки, и переодевшись в чистое упала на кровать. О, чудо, большая кровать, на которой можно спать

хоть звёздочкой, хоть птичкой, хоть как — не упадёшь. Меня это радовало, хотя на кровати я спала всегда очень компактно, я все думала о словах Вэрта в глубоком детстве, что я сплю словно скомканный кусочек бумажки, и несмотря на столько прошедших лет никак не могла придумать достойного ответа. А потом меня поглотил сон своими мягкими лапками...

Глава 7. Тайные желания

Утром на первом этаже меня, зевающую, встретил пита, являющий почти копией своего отца — даада Нама, он также сжал меня в объятиях, и пока мы обменивались любезностями, сверху спустился Вэрт, они перекинулись с ними парой фраз, погрузив кухню в напряжённую атмосферу, из которой тут же растворились дети. Да и Вэрт, захватив что-то из выпечки, спокойно объявил, что ушёл искать место для дома и покинул дом, напоследок сообщив мне, что скоро придёт Кассандра. После его ухода, пита вздохнул, оглаживая меня по голове.

— Когда же у него все мозги на место встанут?

— Ты против Кассандры?

— Нет, я против его брака целиком, — голубые глаз сверкнули на меня, пита сел за стол, взглядом попросив магу Таренну накрывать на стол, пока та суетилась, мы продолжили разговор. — Он не готов.

— Почему?

— Тебе тоже разжевать и в рот положить?

— Я пытаюсь понять, кто из вас прав, а кто виноват, — я поёжилась, я совсем забыла насколько суровым характером может обладать мой любимый пита Сагард.

— Тебе все ещё это не очевидно? Или ты сомневаешься в моих словах? — Я покачала головой, сжимаясь. — Этот щенок...

— Сагард, — мата Таренна грохнула тарелкой перед ним, тот бросил на нее взгляд и всё же смягчился.

— Этот мальчишка настолько глуп, что считает, что оттого что он просто заведёт жену, в его жизни что-то наладится. А у него ничего нет за спиной: ни сбережений, ни дома, ни опыта, ни даже представлений о семейной жизни, да и мозгов у него тоже нет ещё. А всё туда же...

— Может одумается ещё, — протянула мата Таренна, громко отхлёбывая из кружки травяной чай и теребя косу, что выдавало её волнение.

— Да куда там, если он что-то себе в голову втемяшил, так будет стоять на своём.

Даада то же самое сказал про Вэрта вчера, неужели всё настолько плохо.

— Да ладно бы отсрочили ещё, — фыркнула мата в кружку, — пожилы чутка, он бы дом построил, подготовил все, ладно с ним с возрастом, с опытом, но чего торопиться то?

— Да куда он жену собрался привести? На пустырь с травой? Не понимаю... — Вторил ей пита.

Логика их мне была понятна. И правда... Вэрт только собирался выскользнуть из-под крыла родителей, семейностью он не отличался, дома его кормили, поили, одевали, так что на свободу он не особенно торопился, и сколько раз ему про поиск места не говорили, он всё время это откладывал «на будущий год», а тут словно вожжа под хвост укусила его какая. Ещё дом не выбрал, а уже жену сразу. Это и правда было немного странно.

— А чего Кассандра то? Что других девушек нет?

— Да кто ж его знает... — послужило мне ответом.

— Опоила? — Две пары глаз прожгли меня изумлённым взглядом. — А что?

— Не стала бы, она не такая...

— И что теперь делать?

— Да мы уже все перепробовали стоит на своём, упрямец, — мата Таренна покачала головой. — Вэрт хочет, чтобы ты с ней встретилась, да?

— Ага...

Мне эта идея уже не казалась такой уж хорошей, но раз обещала...

— Вот и она идёт. Удачи. Может тебе удастся то, что не удалось нам. Достучаться до его сердца или мозгов, что уж у него там сейчас работает...

Я растерянно оглядела своих мату и питу и вышла за дверь. Там на пороге меня ждала Кассандра.

Кассандра оказалась невысокой пухлой девчушкой, именно девчушкой, чтобы называться девушкой ей не хватало грандиозности и женственности, она вся была такой девочкой. У нее были длинные волосы, украшенные цветами, длинное платье, мягко облегающее формы и яркие живые голубые глаза. Она была ещё ребёнком, чистым, непорочным и абсолютно прозрачным. Честно я ожидала, что она будет злобной стервой, которая строит козни против моей семьи, но она оказалось довольно глуповатой для этого. Просто девчушка, обычная вполне и ни капли не опасная, что окончательно сбило меня с толку. Она не представляла никакой угрозы, либо очень хорошо скрывалась, но ло-укки не люди, они редко скрывали свои эмоции, предпочитая честность, тем более в эмоциях. Мы гуляли с ней, я расспрашивала осторожно её о планах на жизнь, о её семье, о том, что она любит, иногда пыталась задавать каверзные вопросы, на которые она отвечала с обезоруживающей кристальностью. Она радовалась мне и миру, рассказывая, как её любят в семье, как расстраиваются, что она собралась замуж так рано и непонятно за кого, как братик принёс ей утром цветочки, что она сочинила стишок и что-то такое же весёлое и сумбурное.

Она вываливала на меня тонны бессмысленной информации, которую я даже не запоминала или даже не слушала местами, просто пытаюсь понять: КАК? Как этому удалось заполучить Вэрта? Она же просто глупышка, пустышка без ценной мысли в голове. Вэрту и правда нравятся такие? Неужели я совсем его не знаю?.. Я ничего не понимала. Абсолютно... теперь я понимала дааду и питу, которые говорили, что она не такая. Охмурить Вэрта? Не думаю, что она способна на подлость, хитрость или обман, слишком проста и прозрачна, что в голове, то и на языке, ничего не утаит, такая простая, что даже страшновато, как она вообще живёт на этой земле, где иногда хитрить, все-таки надо уметь.

— Ты хочешь замуж за Вэрта? — Осторожно спросила я, наконец, устав от бессмысленной болтовни, Кэсси подпрыгнула на месте, сорвав с дерева сливу и оттерев её о платье, улыбнулась мне красивыми маленькими зубами.

— Конечно, он красавчик, мне с ним очень повезло. У меня будет праздник, свадьба. Подружки обзавидуются.

Её эмоции гласили, что самой свадьбе она радуется куда больше, чем Вэрту. Может родители с обеих сторон и правда были против не только из-за их возраста, а из-за того, что они банально не любят друг друга? Эх... моя бы бабушка об этом беспокоилась... я отогнала эту мысль как назойливую муху, сейчас надо было разобраться с этой свадьбой, чем грустить по собственной.

— Ты лишь Вэрта? — Я остановилась, оглядывая Кассандру, она наклонила голову, стала жевать сливу медленнее, слизнула синеватым языком сок с пухлых губ.

— Конечно, он ж красавчик и богат. И такой умный. Он просто лапочка.

И те же эмоции, что я видела у Вэрта: радость, эйфория, фонтанирующие как из источника. Только вот у нее они были другого вкуса и окраса. Что-то тут не так...

— А он тебя?

— Конечно, он влюблён в меня, иначе бы он же тогда меня замуж не позвал бы.

И тут в моей голове что-то щёлкнуло, мозаика встала на свои места, я начала думать, на время отвлекшись от того, что там бормотала эта девочка. Все и даада, и пита, и мата, говорили об одном, что она не такая, что виноват Вэрт, все ниточки вели к тому, что это был его идея. Но Вэрт и свадьба?..

— Это была его идея, да?

— Ага, он вдруг пришёл и сказал, что нам надо пожениться. Я согласилась.

Именно. Он хотел этого, но зачем... я посмотрела вдаль, поверх темной головы Кэсси. Вэрт, что ты задумал? Зачем тебе это?

— Ты хочешь разорвать свадьбу?

— Нет, — я вернулась к Кассандре из своих мыслей. — Просто это не похоже на Вэрта, вот и все.

— Ты его не знаешь. Ему это надо. Не лишай его меня.

С этими словами девчушка гордо удалилась, оставив меня недоуменно поглядывать ей вслед. У кого-то явно слишком хорошее мнение о себе. Все бы девушкам такое про себя думать. Да уж... Вэрт, а ты мастак выбирать себе пассий...

Ещё пол дня я потратила, чтобы с помощью Олли и Теренса найти Вэрта, шарахающегося, как оказалось, по местным рощам, при чём по словам его младших брата и сестры делал он это бесцельно. Найдя ту рощу, которая мне была нужна, я отправила младших по своим делам и со вздохом полезла через колючий кустарник искать своего братца, затерявшегося в лесу. Конечно сама идея, что кто-то из рода ло-укков мог там потеряться была абсурдной, ведь они выросли в этих рощах, они из знают наизусть, но что-то же он там делал? Не место же для дома искал, ей-богу. В лесу? Упасите боги...

Вэрт нашёлся минут через сорок моего блуждания и поиска следов его эмоций, он сидел на обрыве, которым заканчивался лес, уткнувшись лицом в колени, и тосковал. Начинаящее садиться солнце его явно не интересовало, как и виды с обрыва.

— Вэрт... — Я села за его спиной, обняв его за талию и прижавшись к его спине лицом. — Я с тобой.

— Ты не понимаешь... — Злобный рык, синеватые пальцы вцепились в черные волосы так, словно хотели выдрать их с корнем. — Я хочу этого, не отговаривай меня. Не надо...

— Абсолютно не понимаю... Но Вэрт, не начинай, я не верю тебе. Ты фальшивишь. Твоя радость грязная, она не настоящая, невкусная, фальшивая насквозь. Зачем ты это делаешь?

— А это... новый трюк... с другими срабатывает. — Вэрт откинул голову, скосив на меня синий глаз, он был меня старше, но черт в собственных эмоциях легко мог заплутать. — Набрасываешь чужие эмоции на себя. Просто попробовал.

— Вэрт... — Я сжала его ребра, вдыхая его пряный запах, впитывая тепло и прислушиваясь в наших эмоциям. Он... он боялся... но кого или чего? Кассандры? Боги, да чего там бояться? — Скажи мне... зачем ты это делаешь?

— Я...

— Ты ведь не этого хочешь? Что ты пытаешься доказать? И кому?

— Я не пытаюсь доказать. — Его лицо опустилось в ладони. — Ты права... я обманываю себя. Как глупо... я просто трушу.

— Вэрт...

Страх стал почти паникой, заполняющей все вокруг и вызывающей у меня приступы тошноты.

— Я не могу сказать им, что не хочу тут оставаться ни секундой больше, меня выворачивает от этого городка с его мирной жизнью и устоявшимися правилами. Тошнит! Болото...

Он него полыхнуло эмоциями. Боль, страх, отчаянья, грусть, печаль, тоска, надежда... Словно я вскрыла большой нарыв его души, его спина была каменной и источала такую тоску, что мне самой стало ужасно грустно.

— Я хочу быть целителем, ты же знаешь. Я давно отказался от этого, понял, что они меня не пустят, это не в наших этих правилах. Все пытался себя убедить, что быть рыбаком, построить дом и завести жену — это предел моих мечтаний. Думал, когда появится семья, у меня просто не будет времени об этом думать, что оно затмит всё это. вот и все.

— Не затмит. — Со вздохом признала я. Мне стало немного легче, когда я поняла, в чем проблема всей этой катавасии. — Это твоя мечта. Но почему ты думаешь они откажут? Между двух зол, по-моему, это меньшее.

Вэрт развернулся ко мне, синие глаза с болью зацепились за мои, нижняя губа была измучена и искусана, даже капелька крови выступила. Вэрт часто, когда сильно нервничал, начинал кусать губы, отдирая кусочки кожи. Меня это постоянно раздражало, потому что потом все это бралось ужасной корочкой, потом трескалось — в общем ужас-ужас.

— Идём, пора им сказать.

Пока мы в молчании выходили из рощи, держась за руки, я и сама немного паниковала. Я ведь и правда не могла предсказать реакцию маты и питы на такую новость. Конечно, всё это не было так уж удивительно, то что Вэрт грезил целительством, также, как и я артефакторством, мне было давно известно, но я никогда не думала, что для него это настолько важно и что он будет так переживать. Перед входом мы задумчиво переглянулись и все же вошли внутрь. Также молча явились в общую гостиную, породив тишину, младшие, устраивавшие что-то вроде сценки для родителей, изумлённо оглядывали нас и наши напряжённые лица.

— Мы можем поговорить? — Откашлявшись, спросила я, мата переглянулась с питой и кивком указала Олли и остальным на выход из гостиной, через секунду их уже не было. Все также держась за руки, мы сели на диван. Воцарилась тишина. Я не знала, как начать, Вэрт смотрел в пол, сжимая мои пальцы и молчал.

— В общем свадьбы, наверное, не будет, — не очень уверенно проговорила я, пита Сагард прикрыл глаза и вздохнул, начав натирать подбородок с щетиной. Он был недоволен, мата пока молчала, выбрав роль наблюдателя. — Тут такое дело... Вэрт он... короче, отпустите его в академию целителей.

Тишина стала изумлённой. Наверное, так не бывает, но таких удивлённых лиц я ещё у них не видела, особенно, когда они переглянулись, словно сверяясь услышали они одинаковую информацию или нет, потом снова уставились на меня. Мата Таренна заулыбалась, однако все эти переглядывания были прерваны питой:

— Пусть говорит сам. Вэрт, скажи, как оно есть, глядя прямо мне в глаза.

— Пита!

— Алексия, помолчи лучше. — Мата Таренна кинула на меня грозный взгляд. — И не перебивай старших.

Я сжала пальцы Вэрта, он боялся. Боялся, что они отринут его или, скорее, что скажут, что его мечта не осуществима. Впрочем, сканируя наших родителей я не видела в них злобы или отторжения. Они были удивлены, поражены и совсем немного раздражены, точнее, недовольным почему-то был только пита, прожигая взглядом своего сына.

— Почему твоя сестра отвечает за тебя? Это твоя мечта, так ведь? Какая же это мечта, если ты не можешь встать и сказать нам, что она твоя? Может тебе это и не нужно?

Вэрт вскочил с места, обводя разъярённым зеленоватым взглядом гостиную, его лицо было перекошено и от него расползалась аура ярости, от которой мне тут же захотелось держаться подальше. Просто потому что это был не тот Вэрт которого я знала.

— Я ненавижу это место! Я не хочу такой жизни! Я не останусь здесь ни минутой больше, даже если ты запретишь мне. Я уезжаю обучаться целительству. — Первая волна ярости схлынула и Вэрт продолжил осипшим, но уже спокойным голосом. — Этот моя мечта.

Если честно, я уже готовила была пойти одеваться в траур и собираться хоронить Вэрта, потому что после такого выжить вряд ли кто-то мог. Пита никогда не позволял даже мате Таренне повышать на него голос, а тут сын, пусть и первенец. Но внезапно атмосфера резко изменилась в гостиной, напряжённость куда-то исчезла, хотя подозреваю, что её просто впитали, и вот пита встал со своего места. По его лицу ничего нельзя было понять, идёт ли он к Вэрту чтобы разозлиться на него, выставить за дверь или сделать что-то ещё. Когда они замерли друг напротив друга, смеряя оценивающими и вызывающими взглядами друг друга и позволяя нам с матой только наблюдать, в комнате повисла тишина, давящая на уши и пугающая меня. Вздохнув, я собиралась уже заступиться за Вэрта, а то ведь и правда могли из дому выгнать за такие слова, как вдруг...

— Хорошо. Я даю своё согласие.

— Что? — Мата Таренна вскочила с места. — Ты его отпустишь?

— Это его мечта, он доказал, что готов. Я отпускаю его, — огромная рука питы Сагарда опустилась на плечо опустошённого и ещё ничего не понимающего Вэрта. — Однако в следующий раз просто давай спокойно поговорим, без свадьбы и криков.

— А да... прости, пита... — Вэрт слабо улыбнулся и обнял своего отца. — И спасибо.

— Ты и правда хочешь уехать?.. — Мата шмыгнула носом, привлекая все внимание к себе.

— Прости, я не могу тут...

— Хорошо, только пиши нам ладно...

Остальные три дня мы провели, наслаждаясь отдыхом, Вэрт собирал вещи, прощался с родными и друзьями и... объяснялся с Кассандрой.

— И как она? — Спросила я по истечению трёх дней, когда мы с вещами шли по дороге, уводящей нас из деревни ло-укков. Вэрт мечтательно оглядывал все вокруг и был предельно счастлив, только сейчас его эмоции были искренними и яркими, ему больше было не нужно скрывать, кто он и чего хочет.

— Как-как? Она была очень зла на меня и сказала, что никогда не вышла бы за такого олуха, как я. И что она обязательно найдёт себе нормального мужа.

Я хохотнула в кулачок, признавая, что тут она ему точно не пара.

Глава 8. Академия целителей

Столица радовала оживлёнными улицами и хорошей, хоть и прохладной погодой. Мы с Вэртом пробирались по улицам Столицы, вертя головой, как дети, впервые попавшие в город мечты. Я конечно бывала тут и раньше, но обычно просто добиралась до портала и не особо разглядывала город, да и максимум добиралась всегда только по одной дороге. А тут... такое раздолье для взглядов. Столица была прекрасным городом и очень-очень красивым, я даже пожалела немного, что Академия Целителей находится в центре города и добраться туда от портала, где мы вышли, легко и просто. Я бы с удовольствием прогулялась по этим широким улочкам, разглядывая красивые и вычурные дома. Академия появилась неожиданно для меня, потому что я не сразу сообразила, что это поистине великолепное здание не театр, не здание суда, а сама Академия.

Вокруг нее расстился парк, окружённый высоким кованым забором, чьи ворота были приветственно распахнуты сейчас. Мы с Вэртом, взявшись за руки, переступили ворота Академии Целителей и продолжили наш ход по аллее, украшенной изысканными кустами, оформленными в виде животных, людей и других фигур, мимо клумб, полных цветов, мимо скамеек, где, посмеиваясь, сидели студенты, читали что-то и писали, порой сидя даже на траве, хотя было уже довольно холодная пора. Когда мы подошли ближе, я осознала, что Академия Целителей огромная. Настолько огромная, что моя Академия Артефакторов казалась предбанником к ней. То здание, что мы видели было главным корпусом, как объяснил мне Вэрт, он подготовился, взяв откуда-то брошюру с картой студенческого городка, помимо этого здания тут было ещё около семи корпусов, соединённых между собой вот такими аллеями и парками, украшенными фонтанами и цветами, а также были студенческие общежития и всякие хозяйственные постройки. В общем, построено на века и с размахом... Сколько у нас студентов учится во всей академии, тут, наверное, столько на одном курсе, думала я, оглядывая все это с открытым ртом. В принципе я понимала, почему наша гильдия была не самой популярной и отчего люди, в чьих семья рождались дети с даром артефактора, не отправляли своих чад к нам. Не особо хотелось... я тоже выбрала бы какое-то более презентабельное место... только вот все равно жалко... чем меньше этот дар принимают в этом мире, тем он реже появляется. Ещё пара десятилетий и артефакторов не станет вовсе, если только... не случится чудо, и люди не станут этого чураться.

Вэрт о чём-то болтал всю дорогу, бурля эмоциями, которые просто разрывали его на части, оглядываясь, бегая и просто фонтанируя энергией творчества и созидания. В центральный корпус он буквально влетел на крыльях и, оставив меня в холле, унёсся куда-то наверх искать ректорат. А я осталась внизу, оглядываясь и поражаясь роскоши, размаху и людям. Понятно, что они были в форме и мантиях, которые выглядели новее и лучше, чем наши, но поражало меня не это. Их глаза... они горели собственным делом, с жаром рассказывая друг другу что-то и также жадно слушая других. Словно я попала в совершенно другой мир...

— Да-да, лекция по лечению открытых переломов, представляешь? Да, свободный допуск, — светловолосая девушка тонким голосом рассказывала своей подруге, проходя мимо меня и заставляя буквально выворачивать шею ей вслед. Вот ещё пара студентов что-то разглядывали в своих тетрадах, какие-то сложные схемы и пассы. Из окна я видела зелёное

поле, где порядка полсотни ребят стояли перед учителем в спортивной форме и, покачиваясь, повторяли за ним мягкие перетекающие стойки, издавая мелодичные выкрики.

Удивительно... просто удивительный мир, случайно открывшийся мне. Я вышла из холла, каменного, роскошного, с колоннадой и росписью на стенах снова на улицу и начала спуск по лестнице вниз, заглядываясь на всё вокруг. Небо нестерпимо сияло, припекая солнышком макушку. Я, запрокинув голову и прищурившись, смотрела на облака, как вдруг потеряла опору и упав на пятую точку, проехала на ней до следующего лестничного пролёта.

— Ауч... — простонала я, пытаюсь подняться и ругая себя за неосмотрительность, платье было пыльным и грязным, а уж представлять какого размера синяк на филейной части теперь у меня мне совершенно не хотелось.

— Больно? — Участливо уточнили у меня сзади, я обернулась, все ещё морщась и придерживая ушибленную пятую точку. Передо мной замерли два очень похожих лица, так что с минуту я просто переводила взгляд с одного на другое и не могла сообразить, как это так. Близняшки — осенило меня. Нет, точнее двойняшки. Передо мной стояли парень и девушка, одинаково поглядывающие меня и, да они правда были словно копиями друг друга, только у нее черты нежнее, мягче, ресницы гуще и длиннее, как и волосы, распущенные сейчас, да и взгляд синих глаз казался куда более глубоким. Да и ещё эта синхронность, когда они головы наклоняли и казалось даже моргали синхронно. Это немного пугало...

— Да... — Я зашипела, сделав шаг в сторону. Пятая точка болела... девушка, разорвав эту странную картину синхронности, подала мне руку, и я благодарно оперлась на нее.

— Здесь абсолютно не практичные гладкие ступени, — сообщила она мне как-то очень весело, от нее пахло мятой. Одной рукой она поддерживала меня, а второй все время убирала тёмные волнистые волосы, лезущие ей в лицо. — Я Леона, это мой брат, Марко. Давай отойдём от лестницы, попробуем тебя подлечить.

Марко вдруг отдал сестре свою сумку, которая висела у него на плече, и подняв меня на руки, словно это не доставляло ему никакого труда, понёс вниз по ступеням, а потом в сторону одной из скамеек, Леона же с улыбкой засемила за ним. Я молчала, испуганно сжимая край его рубашки и стараясь не ойкать от боли. Меня приземлили на скамейку без всякой патетичности, и мои новые знакомые замерли напротив меня. Тут же стала очевидна их разница в росте и комплекции, да и не так уж, к слову, они были похожи. Если присмотреться, начинаешь замечать, что Марко более собран и отстранён, а Леона больше похожа на такой цветочек, очень улыбчивый и добрый. А вот про синхронность мне не показалось, они и правда делали все одинаково.

— Ты боишься нас? — Леона, в который раз убрала волосы за ухо и упёрла руки в боки, поглядывая на меня уже как-то неодобрительно. Её вздёрнутый носик, усыпанный веснушками, наморщился.

— Я просто... спасибо.

— Да рано ещё, — довольно грубо осадил меня Марко, расстёгивая манжеты на рубашке, сестра ему вторила, делая тоже самое со своей блузой.

— Что вы делаете?

— Лечить тебя будем.

— Это больно?

— А ходить больно? — В ответ смерил меня взглядом Марко, я нехорошо сощурилась. Грубость мне не нравилось в свой адрес. Уже второй мужчина после мистера Д'армэ пытается на мне сорваться, может это со мной что-то не так? Я нахмурилась:

— Если ты не хочешь, зачем помогать?

— С чего ты взяла, что не хочу? — Марко остановился, вскинув брови вверх, я отметила, что одна из них разрезана пополам шрамом.

— Ты грубишь мне.

В тот же момент Леона от души впечатала брату подзатыльник, от чего я вздрогнула, но тот лишь потёр затылок и словно бы не заметил этого.

— Он просто грубиян. — Девушка пожала плечами. — Тебе придётся встать и повернуться к нам спиной, хорошо?

— Л-ладно...

Я встала, морщась от боли, и повернулась к ним спиной, оглядывая злополучную лестницу. Вдруг там появился Вэрт, он шёл в окружении нескольких девиц и что-то, улыбаясь, им рассказывал, и даже несмотря на дальность, я слышала отголоски его самоуверенности и мужских флюидов. Когда по телу разлилась тёплая волна и медленно начала концентрироваться внизу, я прислушалась к ощущениям: боль словно растворялась в этой тёплой волне. И к тому времени когда Вэрт прошёл всю лестницу и взглядом нашёл меня, все уже закончилось и меня развернули лицом к моим спасителям. Марко на меня не смотрел, слишком увлечённо застёгивая манжеты, а вот Леона наоборот очень внимательно рассматривала меня, снова уперев руки в боки.

— Ты эмпат, да? — Вдруг спросила она, удивив меня.

— Как ты узнала?

— Когда ты начала считывать чьи-то эмоции, я просто почувствовала. Это входит в базовый набор умений целителя, — она рассмеялась звонким смехом. — Кстати, это ещё что за синее чудовище?

Я обернулась к вышеозначенному. Вэрт как оказалось, стоял за моей спиной, с любопытством оглядывая парочку, и так же как и до этого я переводя взгляд с одного на другого.

— Это Вэрт, он мой брат. Кстати я так и не представилась. Я Алексия.

— Странно все это, — ответила Леона, протягивая мне руку, я с запозданием пожала её, она также спокойно протянула её Вэрту, и тот тоже пожал. — Вы же не родные брат и сестра, но вы... как бы сказать... пульсируете на одной волне. Как мы с Марко.

— Мы по крови брат и сестра, — пояснил Вэрт. — Твой брат Марко, а тебя как зовут, красавица?

Леона мягко улыбнулась Вэрту, но было видно, что такими пустыми комплиментами её не проймёшь:

— Я Леона, чудовище.

— Я не чудовище. Я демон, ло-укк.

— Правда? — Наконец, подключился молчавший Марко. — Я думал, они все уже вымерли.

— Не все. — Вэрт развёл руками. — А что тут вообще происходит?

— Я упала с лестницы... — Я вздохнула.

— А мы её лечили, — Леона белозубо улыбнулась нам, видимо у них в паре, она была самой разговорчивой.

— Спасибо вам.

— Пожалуйста, — снова подал голос Марко, подбирая с земли сумки.

— Ладно, нам пора, — Леона приняла сумку у брата. — Я так понимаю, ты и чудовище

скоро будете учиться тут?

— Только он, — я кивнула на Вэрта, немного недоумеваю, почему Леона продолжает называть его чудовищем, хотя не испытывает к нему негатива, и почему Вэрту это нравится.

— Ну что ж, чудовище синее, удачи тебе и увидимся на парах, — они помахали нам и отчалили.

— Она мне нравится, — задумчиво выдал Вэрт после этого. Я удивлённо покосилась на него, но с эмоциями у него было всё нормально: никакой эйфории или чего-то такого. — Я женюсь на ней.

— Вэрт... — протянула я. Что опять, что ли?

— Да не, это я серьёзно, — он повернулся ко мне, зеленоватые глаза были спокойными и мудрыми, повергая меня в шок. — Сначала завоюю, а потом женюсь, если согласится, конечно.

— Ты с ума сошёл, — сообщила я ему, но он лишь пожал плечами. — Как хочешь, в общем... Лучше скажи, как всё прошло?

— Меня приняли. — Вэрт сел на скамейку, вытянув свои длинные ноги в темных штанах и подставив кожу слабым лучикам солнца. — А всё почему? Потому что я синий.

— В смысле?

— Оказывается, раньше ло-укки часто были целителями, но после того как им пришлось уйти в свои деревни, мало кто из них становился целителем и тем более мало, кто помнил об этом. Как мне объяснили, то, что мы чувствуем и питаемся эмоциями, может помогать людям с нестабильными эмоциями, или помогать в сложных ситуациях, или, например, ещё лечить болезни, которые вызваны эмоциями. Ну то есть психосоматические...

— Ясно...

Мне мало что было ясно, но я решила не спрашивать. Он в этом явно смыслит больше, чем я.

— Учиться естественно я буду с начала года, но мне разрешили посещать свободные лекции и ещё помогут с работой. Осталось только найти жилье и все. Как раз заработаю немного и оплачу первый год, благо здесь цены не особо кусачие на обучение.

— Вот так легко... — прошептала я, и правда не особенно веря, что всё это происходит наяву. — У нас получилось.

— Благодаря тебе, — Вэрт поднялся и порывисто обнял меня, а я, сжимая его талию своими руками и вдыхая его запах, словно на секунду снова оказалась в доме маты Таренны среди деревни ло-укков. Словно оказалась снова дома... Только уехали, а я уже скучаю...

— Ты тоже молодец.

— Мы оба молодцы. А теперь давай провожать тебя до академии.

— До портала?

— Да нет до ворот школы, вдруг опять там та таинственная фигура объявится.

— Точно... совсем про нее забыла...

Страх накатил с новой силой, и я покрылась мурашками, ещё крепче прижимаясь к Вэрту. После этих слов вся поездка была испорчена для меня, теперь краски Столицы не имели значение, я все время оглядывалась, пытаюсь найти ту фигуру в тёмном и пугаясь неизвестных людей, попадавшихся нам на пути. Перед воротами школы я немного выдохнула, прощаясь с Вэртом и стараясь утихомирить боль в сердце от расставания.

— Ну что встретимся на твоей уже свадьбе, — синеватая рука прошла по моим

волосам и убрала прядь волос с лица, я кивнула.

— Дальше не иди, тебя не пропустят, — я напоследок снова горячо обняла Вэрта, и он крепко сжал меня своими руками, вдыхая мой аромат. Он всегда говорил, что я пахну чудом. Кто знает, может он и прав...

— Ну все... я пошла.

С трудом оторвавшись от него и словно покидая свою тихую гавань безопасности и принятия, я пошла к воротам, а вслед мне понеслось:

— Эй, Алексия, — я обернулась к нему с улыбкой, волосы лезли в глаза. — Наподдай там своему директору!

Радостно проорал мне мой любимый демон, я в ответ только и смогла, что укорить его возгласом: «Вэрт!», он расхохотался и тут по законам подлости и жанра, за моей спиной раздался тягучий мужской баритон:

— Майорс, что тут происходит?

По телу сразу пронеслись тонны мурашек, волосы встали дыбом, а сердцу захотелось остановиться. Заранее. Я обернулась к мистеру Д'армэ.

— Здравствуйте...

— Кто это? — Его взгляд темных глаз остановился на фигурке уже удаляющегося Вэрта.

— Э... мой брат... про которого я говорила.

— Странно, что он не проводит этот день со своей новоиспечённой женой, а с вами.

— Ммм... — неопределённо выдала я и потом под его приподнятыми бровями сдалась. — Свадьба сорвалась...

— Я так понимаю не без вашего участия.

Вообще это была наглая ложь, но я покраснела так, что казалось загорюсь от этого, и это было куда более красноречивым ответом.

— Я не удивлён даже.

С этими словами мистер Д'армэ покинул меня, оставляя и дальше наслаждаться учащённым сердцебиением и горящими щеками.

Глава 9. Моя свадьба

Так вернулись мои будни, которые не прервались даже на время празднования Рождения Мира, потому что мистер Д'армэ частенько напоминал, что времени осталось всего полгода до окончания шестого года обучения и этого катастрофически мало, чтобы сделать из нас что-то стоящее. Так что перед Рождением я связалась с Вэртом, а потом с деревней ло-укков и после короткого разговора распахнула шторы, чтобы наблюдать таинство Рождения. Я открыла окно, ёжась от ночной прохлады, и выглянула туда, отмечая, что я не одна такая, почти все окна рядом были открыты и там виднелись головы студентов, обращённые на небо.

Ночь уже вступила в свои права, окутав город тьмой и заполнив собой все пространство вокруг, на небе сияли яркие колючие звезды, а потом словно по мановению волшебства по очереди появились три луны. Я как замороженная и будто бы в первый раз наслаждалась этим танцем на небе, представляя сколько людей сейчас по всему миру на всех трёх континентах стоит, запрокинув голову и вглядываясь в яркие луны и сияние звёзд, все усиливающееся с каждой минутой. Эта ночь была особенной, всего одна ночь в году, когда мир всю свою мощь пускает на последний рывок. Рывок перед смертью, приковывающий к

себе миллионы глаз. Эта ночь делала всех нас равными, потому что мир умирал, а в смерти все равны. Кто бы сейчас где не находился и каким бы ни был, счастливым или одиноким, семьянином или холостяком, богатым или бедным, знатным или нет, он мог просто стоять и наблюдать за небом, не в силах пошевелиться или как-то повлиять на ход событий.

Я вздохнула, мне всегда было грустно в этот момент. Мир умирал. Все было правильно, ведь прежде, чем родиться — надо умереть. И сейчас мир, показав всю свою мощь, гасил свои огни: звезды, зажжённые всего пару минут назад и светившие, словно тысячи фонарей, сейчас гасли, будто бы их гасил фонарщик поутру — вот уже нет четверти огней, половины, ещё больше, ещё. Вот на небе остались лишь три луны... две. Одна. Мир погрузился во тьму. Вечную тьму. Вечную загадку. В такой тьме не видно ничего, как ни подноси руки к глазам — ты ничего не увидишь, какие ни зажигаешь лампы или свечи — ты ничего не заметишь. Мира не существовало, и нас в этом мире — тоже.

Я наощупь опустила вниз и легла на пол, подложив под голову подушку, специально приготовленную. Тьма нагоняла тоску, я все вглядывалась в неё, пытаюсь поймать этот момент, когда уже всё, когда мир снова оживёт и засияет красками. Слезы как-то сами собой выступили на глазах, и хотя я не любила плакать лёжа, потому что слезы затекали в волосы, щекотали шею и попадали в уши, я все равно не могла даже сдвинуться с места. Сейчас мне казалось, что ничего не существует, ничего и никого, кроме меня. Одиночество и жалость к себе пронзили меня, буквально выворачивая наизнанку. Проблемы с Вэртом были решены, директор не так уж слишком мучал меня, следующей проблемой на повестке дня — моя собственная свадьба, до которой оставалось какие-то то там два месяца. Так мало и так много. Я боялась этой даты, я переживала, не знала, как об этом думать и что делать.

С одной стороны, дело это было решённое, сомнениям и обжалованию не подлежит, я ведь сама согласилась, с другой стороны — я не знала, что меня ждёт после этого момента. Быть женой? Мне? Нет, я не готова, и понятия не имею, что это такое. Быть такой, как бабушка? Которая просто выпивает мужчину, его связи и ресурсы, и идёт дальше? Тоже не хочу. Быть любящей и заботливой женой, как мата Таренна? Да, пожалуй, так бы я хотела, но для этого надо хотя бы любить и уважать того, за кого ты выходишь замуж. Тут об этом и речи не шло... вне зависимости, какой пост он занимал, сколько денег у него было, и как он был красив, когда ему было двадцать, я не могла уважать графа Аббате, который должен был стать моим мужем. Он мне был интересен тогда на балу, и я пыталась с ним поговорить и наткнулась на того, кого мало интересует жизнь вокруг, лишь только он сам. И это скорее вызывало отторжение, чем привлекало. И если в случае со свадьбой Вэрта у меня был реальный шанс что-то изменить или как-то повлиять, то тут... без шансов, без вариантов. Я могла, конечно, отказаться вовсе от этой затеи, но какой ценой...?

К тому времени, когда непроглядную тьму стал разбавлять свет зари, я успела проплакаться и даже немного задремать. Я потёрла заплаканные глаза и подошла к окну, наслаждаясь Рождением Мира из тьмы, на подоконник вдруг приземлилась бумажная птичка и тут же развернулась в лист бумаги, на котором гласила надпись: «С Рождением». Ниже шла подпись: «Директор Академии Артефакторов и Глава Военной Гильдии мистер Д'армэ». То чувство, когда подпись человека занимает втрое больше места на записке, чем само послание. Но все равно приятно... Убедившись, что мир на месте и все-таки смог переродиться, я пошла спать в кровать, захватив подушку с пола.

Следующие дни, недели и месяцы жила я едва-едва, спала плохо, меня мучали кошмары и странные видения, ела тоже без особого аппетита, а кошмар по имени свадьба

приближался... Каждые вторые выходные я проводила в доме у бабушки, где она мне рассказывала, как все будет, что уже готово и что ещё будет сделано, потом мы снова ровняли платье, пока она что-то щебетала о гостях и чем-то таком же бессмысленном. Мы договорились с ней, что за три дня до свадьбы я должна буду явиться к ней, чтобы добрые девушки с ловкими руками привели меня в порядок, а ещё за неделю до этого я должна была появиться в кабинете директора и сообщить ему, что мне надо уйти будет. Но я постоянно об этом забывала, к тому же я практически спала везде, где могла, не смотря на сочувствующие взгляды Рисы и Инга, которые отчего-то считали, что я не сплю, потому что пытаюсь учиться лучше и так мучаю себя. Это было не так, но переубедить я их не стала... Хотя благодаря нескольким бессонным ночам мне удалось вытащить свой годовой проект из «удовлетворительно» в «хорошо».

— Мне нужно отпроситься на свадьбу. Думаю, двух или трёх дней мне хватит. — Отозвалась я, устало оглядывая этот дурацкий кабинет, с которого вскоре смогу писать картины, настолько хорошо я знаю эту обстановку.

— Что ваш друг, который брат, решил жениться повторно? Или у вас их несколько? — Издевательский тон мистера Д'армэ сегодня меня совершенно не трогал, пролетая мимо.

— Нет. Это моя свадьба...

Я немного поморщилась, по головной боли, с которой из-за кошмаров и недосыпа мне приходилось мирить последние недели, больно ударили яркие и сильные эмоции Эвиана Д'армэ. Неудовольствие, гнев, раздражение расходились вокруг него, словно круги по воде.

— Вот как... Я думал вы больше уделите внимание учёбе, но раз вы решили так построить свою судьбу...

О, этот тон... наверное, будь я в лучшей форме и не чувствуя, как буквально отключаюсь стоит лишь мне моргнуть, я бы смогла как-то отреагировать на этот «понимающий» тон и этот неуместный коктейль разных негативных эмоций. Но сейчас мне было всё равно, я не могла даже нормально сфокусироваться на чём-то, что уж говорить про чьи-то эмоции и что он там обо мне думает. Я прикрыла глаза и потёрла лицо, будто снимая плёнку с него, хоть и осознавая, что это не поможет мне. Ну почему вес так сложно.

— Благодарю вас.

— Вы в порядке, Майорс? Неважно выглядите. — Я подняла на него взгляд словно бы смотря на него впервые. Это что забота обо мне?.. Меня так и подмывало спросить мистера Д'армэ, нормальный ли он вообще?

— Если бы... — вместо этого как-то неопределённо отозвалась я. — Если бы...

С этими словами я закрыла дверь его кабинета и ушла. Тревога в его глазах резала душу на мелкие кусочки.

Явившись пред бабушкины очи в положенное время, я отдалась тем самым ловким рукам, позволяя делать со мной все, что им заблагорассудится, а сама временно самоустранилась, изредка включаясь, чтобы улыбнуться и сказать, что все очень здорово и очень красиво или «ой, мне так жаль, что я снова похудела за эти два месяца и вам снова надо ушить платье». Я будто бы отключилась от реальности, позволяя всему течь вокруг меня и не касаться, а сама даже не думала об этом. Мне было бы будто бы все равно на это, а стоило все же включиться, меня охватывали паника и отчаянье, так что я снова погружалась в бессмысленное созерцание.

Первая вспышка осознания произошла перед зеркалом в день свадьбы, когда меня одели, причесали и заплели, накрасили и поставили перед зеркалом. Я взглянула на себя и...

не узнала. Это была красивая девушка, несомненно, с темными блестящими волосами, уложенными в аккуратную причёску с цветами, с яркими глазами, казавшимися сейчас почти черными, кожа выбелена, а губы подкрашены розовым. Платье было кремовым, обнажавшим плечи и обнимавшим небольшую грудь и тонкую талию, от бёдер оно спускалось мягкими складками вниз и длинным шлейфом лежало на полу. В руках девушка держала букет белых и нежно розовых цветов, аллей, которые чудно сочетались с цветами на платье. Горло девушки было украшено конструкцией из цепочек и бус, из-за чего шея казалась тонкой и хрупкой. Это была вроде бы я, а вроде бы и нет... словно из меня сделали что-то другое и несмотря на всю красоту, я себе не нравилась. Это была определённно не я.

— Ты просто красавица, — объявила мне бабушка, поправляя невидимые складочки и держа в руках фату, ту самую, до пола, в которую я буду замотана до самого алтаря, ведь только там жених сможет снять с меня эту многослойную непроглядную сетку и взглянуть мне в лицо. В детстве я присутствовала с бабушкой на одной из великосветских свадеб, пышной и вычурной, я была мала и не слишком понимала все это, так что когда невеста в таком коконе из фаты подошла к алтарю, я громко спросила у бабушки:

— А он уверен, что это его невеста? Её же там совсем не видно...

Это был первый и последний раз, когда бабушка брала меня на подобные мероприятия с собой, и это несмотря на то, что почти все гости тогда отнеслись к этому, как к шутке и весело посмеялись, включая жениха и невесту. Впрочем, мне этот обычай до сих пор был непонятен. Ты не видишь его из-за фаты, а он тебя, вы будто бы женитесь вслепую, а потом он тебя распаковывает и радуется. Все-таки я не зря хотела себе свадьбу по обычаям локков, там каждый обряд объяснён и имеет историческое и практическое значение, а не просто набор заученных фраз и жестов. Только вот я не планировала вообще выходить замуж, а тут... внезапно... и даже не за любимого...

Вторая вспышка осознания случилась уже в храме, мы с бабушкой стояли в специальной комнате, готовые, когда заиграет музыка, открыть двери и выйти в зал, где сидят гости и стоит алтарь. Алтарь, насколько я помню по той единственной свадьбе, на которой я была, стоит посередине зала, около стены, напротив него ковровая дорожка, ведущая к выходу из храма, по бокам от нее сидят гости: справа — гости жениха, слева — гости невесты. К алтарю с двух сторон ведут ещё две дорожки по ним одновременно с музыкой должны пройти невеста и жених, при чём идти должны синхронно и одновременно оказаться напротив друг друга и рядом с алтарём, где и начнётся церемония. Вот этот обряд мне был понятен, хотя не была уверена, что это истина. Мол каждый в семье делает навстречу друг другу равное количество шагов, вроде бы и оба поработали над этим.

Бабушка стояла рядом со мной, сжимая мой локоть, по традиции из комнатки меня должен вывести ближайший родственник, и я надеялась, что это будет Вэрт, но бабушка настояла на своей персоне. Она молчала, также, как и я, созерцая дверь.

— Не будь такой кислой, у тебя свадьба. — Внезапно подала голос она.

— Не хочу. Это просто формальность. Как только это всё закончится, я вернусь в академию.

— Ах да... на счёт этого...

Осознание пришло внезапно, словно меня стукнули по голове, резко придавая яркость краскам вокруг, включая звуки, чувства, эмоции. Я словно проснулась и с изумлением посмотрела на Кирину.

— Я говорила с графом, он не восторге от твоей идеи самообразования, он

предпочитает домашнюю жену, так что не знаю, как там пойдет дальше...

С этими словами моя родственница пожалала плечами и снова уставилась на дверь, словно бы не сказала ничего такого.

— Ты издеваешься надо мной? — Я вырвала руку и всем корпусом развернулась к ней, её эмоциональный фон был абсолютно спокойным. — У нас был договор: я оканчиваю академию, только при этом условии я выйду замуж за этого графа.

— Это не моя вина, граф Аббате сам так решил.

Бабушка никогда не лгала мне в эмоциях и никогда не лгала вообще, она говорила правду, только обычно её скрывала так, что потом не разберёшься, что правда, а что нет. Так вот сейчас она мне искренне сочувствовала, только вот сочувствие это было горьким и фальшивым.

— Ну конечно... ты же там совершенно не при чём и совершенно не подталкивала его к этим мыслям.

— Мы просто немного побеседовали. Хватит истерить, нам вот-вот надо будет выходить.

— Ну уж нет. Ты думаешь, я пойду сейчас туда? — Я швырнула букет на землю. — Ты ошибаешься. Ты играешь не по правилам.

— Алексия!

— Нет. Я туда не пойду.

Я сложила руки на груди и гневно сквозь фату уставилась на бабушку, моё лицо было наверняка не видно, всё-таки на то это и фата, но надеюсь по моему голосу и так всё было понятно.

— Чего ты хочешь?

— Переубеди его, что образованная жена ему просто необходима.

— Это будет сложно, учитывая, что я и сама в это не верю...

— Тебе придётся постараться, если ты не хочешь скандала прямо сейчас. И срыва свадьбы.

— Ты принимаешь всё это слишком близко к сердцу.

— А ты прекрасно знаешь, как для меня это важно.

— Хорошо, — вдруг быстро и очень покладисто согласилась моя родственница, и я бы многое отдала, чтоб задрать сейчас эту гигантскую фату и взглянуть ей в лицо. — Возьми букет и давай уже на позицию.

Кирина подала мне букет, и мы снова замерли перед дверью, только вот созерцательность вдруг пропала и возвращаться не спешила. Меня вдруг охватил страх... И в этот момент, словно сопровождая его, заиграла музыка и запахнулись двери, мы с бабушкой сделали шаг в храм.

Я шла по мягкой дорожке, и каждый шаг словно отнимал у меня последние капли уверенности в себе. Мне вдруг пришла в голову мысль, очень противная, гадкая, заставляющая меня покрываться холодным потом мысль. Что стоит Кирине не выполнить свою часть сделки? Как только наши «Да-Да» прозвучат и нас посыпят лепестками, я буду официально Алексия Аббате — это раз, я перестану владеть своими правами — два, никто за меня не заступится — три. Только ближайшие родственники могут вмешаться в отношения между мужем и женой, и по идее я должна буду полностью подчиниться графу Аббате, но вот что стоит моей бабушке нашептывать ему на ушко все, что ей заблагорассудится? Ничего. И ведь он будет слушаться её. Никто мне не поверит и слушать

меня не будет, а дара вертеть мужчинами как у Кирины, у меня нет. Как только я покину эти стены в новом статусе, она может «вдруг» забыть про условия нашего договора, благо он устный и ничем не подтверждён, и я вылетчу птичкой из академии, не то, что не закончив семь лет обучения, даже и шести не окончив. И это даже не это так обидно, как то, что если ей заблагорассудится, я тогда вообще никогда не смогу быть артефактором.

Мне стало дурно, голова шла кругом, я стала дышать глубже, пытаюсь унять своё сердцебиение. Все эти мысли пролетели как один миг в моей голове и напугали меня до чёртиков... Я вдруг осознала, как это все хлипко и ненадёжно, и что это эксперимент с кучей неизвестных и переменных, с непредсказуемым результатом, и только при самых удачных обстоятельствах, я смогу вообще построить после этого свою жизнь нормально. Сквозь эхо собственной нарастающей паники и вот-вот готовых пролиться слез, я услышала подбадривающие эмоции Вэрта, который сидел где-то там на левой половине храма. И сейчас я жалела, что не умею разговаривать с ним мысленно, мне нужен был совет.

Я заставила себя немного успокоиться и сделать ещё пару глубоких вдохов, алтарь был совсем близко. Хочу я быть его женой? Нет. Определённо нет. Никогда, ни за какие коврижки. Хочу ли я замуж вообще? Не сейчас. Хочу ли я здесь находиться? Нет. Твёрдое и убедительное нет всего организма. Я ненавижу это место, и мне плевать сколько денег бабушка вложила в эту свадьбу, но я не выйду замуж за этого графа, я не хочу этого!

После признания стало легче, грудь, которую до этого стягивал тяжкий обруч отчаянья, словно лопнул, давая мне вдохнуть свободнее. Только вот принять решение, что ты не хочешь этого, было мало. Мы стояли перед алтарём и, чтобы прервать это, нужно было открыть рот и перед всеми этими людьми сказать, что ты не хочешь и тебе наплевать на скандал, который разразится в ту же минуту. А вот тут я окончательно испугалась... я набирала в грудь воздуха, чтобы сказать, но не могла и рта открыть. Всё было бесполезно... Священнослужитель начал заунывное чтение текстов, и в голове мелькнула светлая идея. Когда меня спросят, согласна ли я, я просто отвечу «нет» и уйду отсюда.

Ох, как же это страшно... Боги, прошу вас, помогите мне, я не хочу оставаться здесь. Если вы меня слышите, помогите мне! Прошу вас. Спасите меня от этой свадьбы!

Бабушка отпустила мою руку, оставляя меня стоять перед алтарём вместе с женихом. Я тихо вспоминала все обращения к богам, что знала, и к нашим, и к богам ло-укков, получалось плохо, так как я напряжённо вслушивалась в то, что говорит священнослужитель. Ладони, стискивающие букет, вспотели, да и на голову давили эмоции тех, кто стоял позади нас. Целый зал давящих ожиданием, радостью, весельем, это было почти не выносимо, словно голову пытаюсь подушкой накрыть.

Боги... прошу вас...

Сзади раздался грохот, по залу плеснуло удивлением, недоумением и... страхом. Я только начала разворачиваться, как почувствовала, что меня словно что-то стискивает, букет упал на пол, крики оглушили.

— Всем оставаться на месте. — Гулкий голос взлетел к сводам, я пыталась разобраться, что этот мужчина хочет и почему он меня связывает прямо перед алтарём на глазах изумлённой и напуганной публики. — Не шуми и не пострадаешь, — тихо проговорили рядом со мной.

Отличные инструкции... правда сказали только не шуметь. Дёрнуться и связанной курочкой побежать я не успела, меня подхватили на руки, а потом закинули на плечо.

— Ауч... — отозвалась я, потому что это было неудобно, ведь плечи хоть и были

широкими, были ещё и твёрдыми, и ещё я почувствовала, как дурацкая фата съезжает и падает вниз, наконец-то давая мне полный обзор происходящего. Правда обзор был неутешительным: куча напуганных людей, смотрящих удивлённо на того, чью спину и кхм... другие места я могла наблюдать со своего насеста. Мои руки были привязаны к телу и двинуться я никуда не могла, голосить просто не умела, так что просто обводила взглядом все это безобразие. Но вот в один момент все изменилось. Лица стали и правда очень-очень напуганными, а эмоции почти паническими и душащими меня со всей силы. Что произошло?..

Я вывернулась и посмотрела на руку мужчины, которую он поднял вверх. Твою жешь... магический огонь... Да уж...

— Не приближаться, а то я это разобью. Никому не двигаться.

С этими словами всё также помахивая светящимся фиолетовым шаром, в котором плескалось пламя, он двинулся к той дорожке, что шла на выход из храма. Сначала он шёл медленно-медленно, а потом всё быстрее, почти выбегая из храма и заставляя меня терять туфельки. Там он оглянулся напоследок и в закрывающиеся двери храма швырнул капсулу. Я лишилась дара речи окончательно, испуганно взирая на удаляющуюся дверь. Меня сняли с плеча, и я наконец смогла посмотреть в глаза своему похитителю, этот был тот мужчина, который преследовал меня. Я сразу узнала его, та тёмная фигура... мы встретились глазами с ним, и он, что-то пробормотав, коснулся моего лица. Меня начало накрывать тьмой. По моему, боги выбрали слишком радикальный способ избавления меня от свадьбы, подумалось мне, прежде чем я обмякла в его руках.

Глава 10. Похищение

Я открыла глаза, приподнялась на локтях и тут же застонала, схватившись за голову, та невыносимо болела, с трудом, морщась и щурясь на свет, открыла глаза. Меня встретил напряжённый взгляд ярких голубых глаз. Я села, облокотившись, и огляделась. Ситуация была такова: я сидела в крытой дорожной повозке, кажется, это называется кибитка, такие сейчас уже почти не используются, либо только где-то в деревнях, внутри было две скамьи, несколько окошек и дверь наружу. Я сидела как раз на одной скамеек, мой спаситель-похититель сидел рядом.

— Добрый... — я покосилась в окошко, солнце уже садилось, — вечер.

Похищение похищением, а манеры никто не отменял, напомнила я себе и спустила босые ноги на пол, отмечая, что он не грязный, как ожидалось, а потом всё-таки осторожно перевела взгляд на молчавшего похитителя. Это был высокий, статный мужчина с крупными чертами лица, большими яркими глазами, спрятанными под густыми бровями, сейчас нахмуренными, и сильно выпирающими надбровными дугами, тёмные волосы были длинноватыми и заплетены в низкий хвост, сам мужчина одет в походную плотную рубаху с высоким горлом, подпоясанную сейчас, там же на поясе висело несколько кинжалов и штаны темно-серые, тоже из плотной ткани, заправлены в добротные сапоги. Ну чисто наёмник. Хотя могу поспорить, когда он меня похищал, одет он был в праздничный костюм, как и все гости.

— Добрый, — глухо буркнул он, не сводя с меня глаз и утыкаясь в книжку. Эм... книжку. Мой похититель, пока мы ехали куда-то там, просто сидел и читал. Удивительное рядом. Кстати, а кто тогда ведёт кибитку? Второй?

— Я так понимаю, спрашивать, куда меня везут, не имеет смысла?

— Именно.

— И зачем тоже?

— Именно.

— Мне казалось наёмники действуют несколько иначе и не похищают прилюдно перед всеми гостями чужую невесту.

— Конечно, если только не было иного приказа, — очень спокойно отозвался мужчина, от него веяло непрошибаемостью и нирваной.

— Вот как... вот уж странно... кому вообще такое могло понадобится... — лицо мужчины стало строже, я пояснила. — Это был риторический вопрос и ответа не требует.

— Я знаю, что такое риторический вопрос.

Его интонации напомнили мне Вэрта, и я вдруг вспомнила все: свадьбу, свою панику, решимость, само похищение и... капсула.

— Зачем вы бросили капсулу?

Тишина.

— Там была моя семья... — Слезы набежали к глазам, и я шмыгнула носом, медленно доходило осознание масштабов трагедии, охватывая меня новым кольцом паники. — Зачем?..

— Это была ненастоящая капсула, — с тяжким вздохом поведали мне. — Только не реви, не выношу женских слез.

Эти самые слезы застыли в моих глазах, а волны паники отступили.

— То есть как ненастоящая? Так бывает?

— Да.

— Но тогда зачем?..

— Слишком много вопросов, леди.

Помолчала ещё мнут пять для приличия и все-таки подала голос:

— Что читаете? — Мужчина полыхнул удивлением и промолчал. — Ясно, — ответила я сама себе и, привстав, попыталась посмотреть в окошко.

— Не стоит, я могу рассчитать это как попытку к побегу, — я тут же бухнулась обратно на место.

— И как вы себе это представляете? — Спокойно уточнила я. — Я что по-вашему должна среди этой дороги выброситься из кибитки? В окошко?

— Кибитки? — На меня снова странно взглянули.

— Ну или повозки... она всё-таки называется не так?

— Без понятия, просто повозка.

— Ну да... — я потёрла переносицу. Я была голодной, уставшей, немного болела голова, но боль постепенно отпускала. Я зевнула, после магического сна всегда хочется спать ещё больше, дурацкая система. — А поесть можно?

В такт моим словам желудок издал странный урчащий звук, словно требуя туда что-то положить. Похититель, не сводя с меня глаз, спокойно закрыл книжицу и полез под лавку, там выудил из-под неё корзинку, где лежал провиант, достал булку хлеба и кувшин с водой, молча протянул мне.

— Спасибо, — я с хрустом впиалась в ароматную мякоть и хрустящую корочку хлеба. Свежайший хлебушек казался буквально раем в моем рту, тая на языке, а вот вода подкачала, отдавала плесенью... — Кстати, — я снова удостоилась внимательного немигающего

взгляда. — Спасибо, что так вовремя похитили.

— Вы настолько не хотели замуж?

Кажется, он и правда был удивлён.

— Да...

— Почему бы просто не отказаться?

— Это было условием сделки.

— Жаль, что она сорвётся. — Ему было нисколько не жаль. Ни капли.

— Мне не особо. Хотя и не знаю, как всё это обернётся. Но мне так даже легче...

Это было правдой. Да, меня похитили и зачем-то куда-то везут, странный похититель вполне образован и не напоминал мне глупых наёмников-головорезов, о которых я слышала раньше, так что это было поистине удивительно и даже немного приятно. Но несмотря на все это, я чувствовала себя свободной и лёгкой. Я была спасена. Конечно, проблема не решилась, она просто была отложена в долгий ящик, но тем не менее сейчас я была временно спасена от нее.

— Я рад, что смог вам помочь, леди, хотя это было и не моё решение.

— Меня зовут Алексия.

— Я знаю.

— Тогда как мне обращаться к вам?

— Никак, я скоро доставлю вас к хозяину, и мы больше с вами не увидимся.

— Не бойтесь, что я могу выдать вас, я же видела ваше лицо. И тогда вы преследовали меня.

— Не боюсь, скорее всего вы не запомните моё лицо. Мне за это деньги платят.

— Жаль... ваше лицо вполне приятно.

Я помолчала, но все равно снова подала голос, после еды стало совсем скучно, да и стоило попытаться выведать хоть что-то.

— Ммм... могу я задать ещё вопрос?

— Если относительно того, кто, как, куда и зачем — то нет.

— Меня будут убивать?

— Насколько мне известно — нет.

— Это радует, — я попыталась улечься на скамью, глядя в потолок.

— Вы совершенно не бойтесь. Почему?

— Вы же сами скажами, что меня убивать не будут, а остальное пережить можно.

— Вы же леди, вряд ли вы можете пережить все. — Я улыбнулась насмешке и превосходству, прозвучавшим в его голосе.

— Пережить смогу, а вот оправлюсь или нет это уже другое. Это разные вещи, мистер. — Я прикрыла глаза, равномерное покачивание вызывало тошноту и никак не укачивало меня. — Если честно, мне ужасно скучно, у вас не найдётся ещё одной книги для меня, чтобы я не отвлекала вас.

Мне подали такую же маленькую книжку, как и у наёмника. Я села, забирая её и открывая тонкую обложку, до меня вдруг дошло, что она самодельная и рукописная, я облокотилась на стену и вчиталась в понятный, но излишне иногда вилявший подчёрк. Было интересно... Книга повествовала о странствиях целителя, проклятого одним из своих пациентов за то, что он отказался помогать тому, у кого не было на это денег, так что с тех пор каждый, кому он помогал, причинял ему ужасную боль, однако проклятие можно было снять, только излечив сто людей. При чём с каждым следующим боль усиливалась, так и

жил бедный целитель, странствуя и помогая людям, а по пути его посещали добрые и мудрые мысли. Странная книга, но она затягивала в свой сюжет.

Книгу я почти дочитала, как вдруг кибитка остановилась, я вопросительно взглянула на наёмника, и он кивком указал на дверь. Первым на выход, к счастью, пошёл он и даже подал мне руку, в ответ я благодарно кивнула ему, опускаясь ногами на влажную и прохладную землю. Я бы не могла представить, как я спускалась бы без помощи в длинном платье из подобного транспорта, разве что только птичкой вылетев оттуда и приземлившись лицом на землю. Я огляделась, вокруг было тихо и сумрачно, солнце почти село, окрашивая небо в красноватые и розовые полосы, кибитка оказалась пустой, на козлах никто не сидел, а за ней возвышался как-то дом, видимо куда меня и привели.

— Знаете, Алексия, для девушки, которую похитили, вы ведёте себя более чем достойно. — Неожиданно отозвался мужчина, я повернулась к нему с улыбкой.

— А вы ожидали, что я буду вопить и брыкаться?

— Я не первый раз выполняю подобные задания по похищению различных леди, поверьте мне, обычно они все вопят и брыкаются или, как минимум, пытаются сбежать, покрывая меня проклятиями.

— Может быть. Но, во-первых, я не в той категории по росту и силе, — я оглядела почти двухметрового наёмника, — чтобы сопротивляться, во-вторых, я хочу доехать целой и в хорошем настроении. К тому же к вам у меня никаких претензий нет, вы просто выполняете свою работу, в конце концов, вам за это платят.

Я развела руками, чувствуя, как прохладный ветерок, казавшийся мне после духоты кибитки вполне уютным, вдруг стал ощутимо морозить плечи.

— Рад, что хоть кто-то это понимает, — осклабилась мне мужчина. — Всё равно вы довольно спокойны, я уже даже начинаю волноваться, ту ли леди я поймал.

— Ту, это просто шоковое состояние.

— Вот как, а что будет после?

— Я упаду на пол и не буду ни на что реагировать. Совсем. — Лишь вполголоса проговорила я, обхватывая себя за плечи.

— Не надо так, хозяин расстроится. А вам не стоит его злить, если вы хотите все ещё остаться в добром здравии.

— Это просто реакция организма на стресс, вот и все.

— Идёмте, леди.

Видимо мне ни капли не поверили и, взяв за плечо, ощутимо, но не больно, повели внутрь дома. Там было темно, пахло сыростью и плесенью, а чем ниже мы спускались по лестнице, тем темнее становилось и холоднее. Когда ног коснулся каменный ледяной пол, я осознала, что кажется, меня привели в темницу или тюрьму, в общем что-то такое же неуютное и непонятное. И тут же над нашими головами зажглись несколько светильников, которые не сильно освещали дорогу, оставляя низ стены и пол во мраке, но остальное было освещено, оголяя каменные стены, каменный же пол и решётки. Ну точно камеры...

— Может не стоит меня туда?.. — Неуверенно произнесла я, когда мы замерли перед одной такой.

— Это входит в условия сделки, он придёт, как только мы закончим оплату, так что не переживай об этом.

Маленькая комнатка давила на меня, мне даже показалось, что стены надвигаются на меня, сзади с клацаньем захлопнулась решётка на замок. Ну отлично... а ведь всё так хорошо

начиналось...

— Ммм... а может все-таки оставите ту книгу мне?

Я взялась пальцами за решётку и тут же отдёрнула их, мало того, что ледяные прутья, так и ещё грязные, оставлявшие черно-рыжий след на ладони. Я отряхнула их, брезгуя прикоснуться к решётке ещё раз.

— Боюсь, что нет.

— Жаль, мне понравилось, да и не дочитала... а кто автор?

— Я.

— Что ж, понятно... — я улыбнулась наёмнику. — Спасибо за доверие, это хорошая книга.

— Благодарю, Алексия.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

С этими словами он быстро поклонился мне и, улыбнувшись, ушёл. Я обернулась, оглядывая камеру, есть деревянная грубая скамья, уже неплохо, потому что ноги кажется я уже отморозила себе, к тому же тут и правда было очень холодно, не только стены и пол были холодными, дуло по полу и из маленького окошка под самым потолком. А на улице ночью было совершенно не тепло... Я вздохнула, ну как можно оставить леди тут?.. вот как? Пф... конечно, моя злость была скорее на ситуацию в целом, а никак не на наёмника, ведь как я и сказала, он просто выполнял свою работу, при чём, судя по всему, делал это хорошо, так что... ничего личного. Но легче от этого не становилось... и теплее тоже. Я забралась с ногами на скамейку и подтянула ступни поближе, обхватив их ладонями. Ноги были ледяными, а руки не теплее, так что минимум, чем я отделаюсь после этого приключения — это простуда. Надеюсь, ничего страшнее простуды мне не грозит... Я положила голову на колени и закрыла глаза, погружаясь в дрему.

Разбудил меня звук шагов и звон замка об решётку. Я зевнула и подняла голову. За решёткой в коридоре стоял высокий мужчина, оглядывавший меня. Я села, спустив ноги на пол и также оглядывая его, но при таком свете мало, что было видно...

— Прошу прощения за столько неуютную атмосферу и всю эту суматоху, пройдёмте со мной. — Мужчина посторонился, выпуская меня из камеры, я смерила его долгим взглядом и, подобрав юбку, все же вышла оттуда. Он шёл справа от меня, изредка на ступенях и порожках подавая руку, когда я все-таки в полутьме спотыкалась об них. Рука была горячая и сухая, словно раскалённый камень, я принимала помощь и тут же отдёргивала руку, будто бы и правда боялась обжечься об неё. За всю дорогу мы так и не проронили ни слова, меня это вполне устраивало, так как говорить, выбираясь из подземелья, как мне казалось, ужасно. Когда мы поднялись наверх, там горели огни и было светло, я последовала за ним на второй этаж по скрипучей лестнице, а затем свернули в гостиную. Дверь за мной сама захлопнулась. Гостиная пахла еловыми ветками и отчего-то цитрусом, меня пропустили внутрь и предложили кресло у камина, я с радостью в него опустилась, впрочем, сохраняя достоинство. Хотя ноги ужасно замёрзли подниматься по холодным ступеням и вообще каменным подземельям, где ледяной пол и весьма грязно, да и устали собирать порошки там же. Однако ноги я прикрыла шлейфом платья, который конечно не был уже чистым после всех моих приключений, но все-таки сидеть без обуви было как-то неловко. Тепло потрескивавшего камина радовало мои ножки, да и меня саму, расслабляя.

Я бегло огляделась: симпатичная такая гостиная в коричневато-зелёных тонах, однако она всё равно казалась неуютной, несмотря ни на обилие огня, камин и шторы, которые

обычно придавали уютности любому даже самому убогому интерьеру. Кресло подо мной было каким-то пыльно-зелёным и на ощупь противно бархатным, да и ткань казалась какой-то замызганной, меня передёрнуло, когда до меня дошло, что от него на коже остаются зелёные пыльные следы, и постаралась не касаться её руками и не думать, какого цвета будет моё платье, когда я встану, а тем временем мой таинственный похититель уселся напротив в кресло и тут уже при свете я смогла его осмотреть. Одет он был дорого, это первое, что бросалось в глаза, так дорого, что в этом странноватом и старом интерьере он смотрелся как минимум дико и неуместно: сюртук из синей дорогой ткани, с золотыми пуговками, украшенный тесьмой, сидит хорошо, я бы даже предположила, что шилось на заказ; светлые штаны, заправленные в высокие, до колена сапоги, не такие удобные и добротные, как были у наёмника, тут скорее больше было вычурности и позёрства, чем практичности; светлая рубашка, была заправлена в штаны, их разделял тёмный кожаный пояс, на горле красовался светлый платок. Будто бы из лавки моды сбежал, ей-богу, отметила я и приступила к оглядыванию лица мужчины, он также разглядывал меня, не прерывая нашего молчания. Его лицо самым обычным мужским лицом, даже возможно его признавали красивым: немного северные черты, узкое лицо, узкие же губы и прямой нос, темно-русые волосы, немного выющиеся и по мне длинноватые для мужчины, гладко выбритый подбородок и щеки. Его лицо мне было чем-то неуловимо знакомо, но я никак не могла вспомнить, где я видела его, такую бы яркую птичку я бы запомнила сразу. Да и ещё эти глаза... насыщенного янтарного цвета в обрамлении темных ресниц. Такие глаза я бы определённо запомнила, уж очень красивые... В общем, мужчина был явно небедным, судя по одежде, довольно знатным, как я могу предположить, и приятным, единственное, что было мне совершенно было не понятно, так это что тут делаю я.

— Может быть вы представитесь? — Подала голос я, откидываясь в кресле и прикрывая глаза. — Как я понимаю, моё имя вам и так известно.

— Да, Алексия, ваше имя мне известно, — а вот голос у похитителя был приятным, зычным, с хрипотцой, пробиравшим до костей. Я даже открыла глаза и ещё раз на него посмотрела, настолько не соответствовали голос и внешность друг другу. — Но не вижу смысла представляться, вам ни к чему знать моё имя.

— Вот как... что ж, тогда к делу. Чего вы хотите?

— Предложить вам чаю, вы совершенно продрогли. — Мужчина поднялся с места и под моим взглядом подкатил к нашим креслам чайный столик, где парил заварник и стояли две кружки, а рядом на блюдце лежали печенья. — Плед?

Я повела плечами, мне и правда было холодно, но учитывая чистоту местных кресел мне было страшно представить, как будет выглядеть плед и откуда его достанут, но все же кивнула. Мужчина также легко встал с места и откуда-то принёс вполне чистый и тёплый на вид шерстяной плед, да и не один, а целых два, потом бережно накрыл мои плечи и закутал ноги, и я порадовалась что он смотрит вниз а не на моё лицо, отражавшее, наверное, сейчас всю гамму удивления, на которую было способно. Ну допустим, если с наёмником мне просто повезло, и я его банально не злила, поэтому он был вполне нормален, то тут... чем обусловлена такая забота этого странного мужчины обо мне?

— Благодарю вас, — с запозданием отозвалась я, когда тот блеснув на меня глазами, разливал чай по кружкам. В пледах, перед камином, да и ещё с кружкой горячего ароматного чая, дразнившего мятой, жизнь казалась прекрасной и все беды терпимыми. Так что я даже робко улыбнулась своему странному знакомому. — И все-таки назовитесь хоть каким-то

именем, меня это смущает.

— Мне нравится ваша улыбка, улыбайтесь чаще.

Улыбка погасла, меня отчего-то всегда настораживали и даже пугали такие фразы, я тут же отпила горячего чая, прокатившегося по озябшему организму обжигающей волной.

— Зовите меня Данэйл.

Я примерила это имя на него, как примеривают одежду на человека. Оно подходило. Какова вероятность того, что он под видом ненастоящего имени сказал мне своё имя? Я усмехнулась.

— Это вряд ли.

— О чём вы?

— Вы знаете значение этого имени с одного из языков демонов? — Мужчина улыбнулся мне, он знал. — Бог — мой судья. Так вот вряд ли. Вам боги явно не судьи, иначе бы вы не похищали невинных дев из-под венца.

— А может я хотел сам сделать вам предложение?

Я замерла и едва не поперхнулась чаем. Кажется, той фразой, что вокруг меня вьются женихи, а я им всем отказываю, моя бабушка меня прокляла, или как это понимать вообще тогда? Я с трудом проглотила застрявший глоток чая и подняла на мужчину глаза, он улыбался мне, оглядывая меня таким взглядом... оценивающе-предвкушающим. Мне сразу захотелось закутаться ещё в три слоя пледов и желательно с головой. Только вот его эмоции... знал ли он, что я эмпат или нет? Наверное, нет, потому что его эмоции гласили, что хоть я ему и симпатична, такой уж прекрасной он меня не считает, только вид придаёт, что он сражён мной. Зачем-то. Голос вон мёдом так и сочится, а сам ни сном, ни духом на эмоциональном фоне. Не хочет он меня в жёны брать, это лишь ловкая манипуляция.

— Боюсь, я вам откажу.

— Тот старикашка вам настолько запал в душу? — Нисколько не обидевшись, уточнил Данэйл, все также не отрывая от меня взгляда.

— Граф Аббате достойный человек, — я едва сдержалась, чтобы не поморщиться, на самом деле я так не думала, тогда зачем это сказала? — Не говорите о нем столь пренебрежительно.

— Ах, простите. Тогда почему вы отказываете мне?

— Вы похитили меня.

— Алексия, это была любовь с первого взгляда, я увидел вас тогда. И я не мог допустить вашей свадьбы с другим. Я... мне так хотелось, что вы были моей... простите меня, Алексия. Я сделаю для вас все, что угодно.

Жаркий голос и яростно блестящие глаза, прожигавшие меня словно угольки, совершенно не вязались с тем, как выжидательно спокоен он был внутри. Хм...

— Я не верю вам. Ни единому слову.

Я выдержала его взгляд, который тут же сменился, и из-под маски выплыл тот самый выжидательный созерцатель, что до этого был внутри. Мужчина расслабленно откинулся в кресле, уже не играя в пылкого влюблённого, закинул ногу на ногу и облокотился на свою руку головой.

— Что ж... я рад, что мне не придётся играть влюблённость в вас.

Я украдкой выдохнула, мне становилось страшно, тот Данэйл, который был сначала, и который проявился сейчас, были разными, так что теперь я всерьёз опасалась за себя. Что этому страшному человеку понадобилось от меня?

— Вы могли с самого начала не делать этого и перейти сразу к делу.

— Вы леди, это избавило бы нас от многих проблем, Алексия, вот и все. Стали бы моей женой, делали, что я скажу и жили бы припеваючи.

Ещё один... чай стал горчить даже для меня, да и остывал, так что под взглядом янтарных глаз, я потянулась к заварнику и долила в кружку чая, она снова обожгла мне руку горячим боком.

— Когда уже научатся спрашивать мнение и самой девушки? — Будто бы в воздух спросила я. — Вот, например, я совершенно не имею желаний становится чьей-то женой и тем более собственностью. Я хочу жить своей жизнью, а не выполнять чьи-то указания.

— Алексия, вы родились женщиной, что, признаюсь, не самая лучшая партия в этом мире, да и к тому же не в том веке и не в той стране. Сейчас это невозможно... нет, вполне возможно, наверное, но очень уж сложно выжить женщине совершенно без защиты. А муж, хоть какой, вполне хорошая защита и отличный полигон для исполнения собственных желаний.

— Данэйл, не вы ли только что сказали, что хотели бы, чтобы я выполняла то, что вы скажете?

— Уж извините, такова плата.

Мужчина улыбнулся мне коварной улыбкой, несмотря на то, что он меня пугал, теперь его эмоциональный фон вполне соответствовал внешнему виду, и даже голос уже не так выделялся из общей картины, так воспринимать его было гораздо проще.

— Итак, чего вы хотите?

— Мне нужен артефактор.

— Смею вас разочаровать, я вам не подхожу. Я начинающий артефактор — это раз, не окончила академию и не имею допуска — два и не то, чтобы я недооцениваю себя, но считаю, что даже на нашем потоке можно найти более сильных артефакторов, чем я. Это три.

Я сделала долгий большой глоток, почти выпивая кружку целиком за раз.

— Как самокритично.

— Реалистично, скорее.

— Вы внучка Джойля Майорса, не так ли?

— Так и есть, — я вздохнула, ставя кружку на столик и закутываясь в плед плотнее, — но я уже устала повторять, что это никак не влияет на мои способности к артефакторскому делу. Он был моим дедом, а не учителем.

— Допустим. Однако, я думаю, любопытство, пылливый ум и страсть к артефакторскому делу вам вполне передались. Отчего бы не передаться, например, таланту?

— Хм... вы меня совершенно не знаете.

— И все-таки я хотел бы вам предложить кое-что сделать для меня.

— Не за деньги, я так понимаю?

— Естественно, иначе мне бы не пришлось вас похищать, верно? Хотя в принципе, если вы станете моей женой, жертв будет меньше. Просто небольшая помощь мужу.

— Именно поэтому я разочарована в вас. — Твёрдо отозвалась я. — Возможно, я была бы более сговорчива и внимательна к вам, если бы это было в другой обстановке. Это всё влияет на мой ответ.

Данэйл улыбнулся, скрывая улыбку в кулаке, который быстро поднёс ко рту, а когда уже убрал, то он снова был серьёзен и собран. Кажется, его всерьёз веселила я и моя реакция на

его слова.

— Поверьте мне, ответ тут может только один, как вы понимаете. А при цивилизованной встрече их может быть два, и это меня не устраивает.

— Полностью понимаю вас. — Я покивала ему, сохраняя невозмутимое выражение лица. — И именно поэтому мой единственный ответ нет.

В этот раз Данэйл откровенно расхохотался, напугав меня своим громогласным хохотом, разнёсшимся по всей гостиной, я удивлённо взглянула на него и смолчала, откровенно недоумевая, что такого смешного я сказала. Отчего мой отказ такой смешной?..

— Вы даже не видели задания.

— Мне не нравится ваш подход.

— Вы не в той ситуации, чтобы вам что-то нравилось или нет.

— Я не говорю вам исправить это, мне просто не нравится ваш подход.

— Поверьте, чем дальше, тем меньше он будет вам нравится. — Я напряглась, сжимая грязными побелевшими пальцами шерстяной плед. — В вашем чае были растворены особые частицы, которые, я надеюсь, помогут вам с положительным ответом.

Я испуганно глянула сначала на своего похитителя, потом на чай, отмечая, что чай я пила одна, выпила две полных больших кружки. И что ещё за частицы? Они должны взять меня под контроль? Заставить меня говорить только «да» на все его предложения? Что? И не соврал ли он мне?

— Негодяй, — сообщила я Данэйлу, он кивнул, как бы признавая мою правоту. — Итак, вам нужен опытный артефактор с пытливым умом, страстью к собственному делу и родственником артефактором, либо просто кто-то очень талантливый. И знаете, что? Данэйл, вам проще нанять кого-то, чем пытаться что-то выжать из меня. Я повторяюсь, я не самая лучшая в этом деле, есть куда более опытные артефакторы.

— Возможно. Значит ваш ответ нет?

— Да, — со вздохом и замиранием признала я. — Так и есть.

И что он сделает теперь?..

— Вставайте, Алексия. — Данэйл поднялся со своего кресла, ожидая от меня того же. — Вы возвращаетесь в камеру до завтра. У вас есть вся эта ночь, чтобы все обдумать ещё раз.

— Вы весьма благородны, — проговорила я, подымаясь и придерживая пледы и надеясь, что по моему издевательскому тону понятно, что я подразумеваю, что в реальности думаю совершенно иначе о нем.

— Вы даже не представляете насколько. Кстати, можете взять эти пледы с собой. Ночи там холодные.

— Ваша забота просто не знает границ, — пробурчала я, схватив в охапку плед и выходя из гостиной, из её тепла, окутывавшего меня весь этот неприятный разговор. Согревшимся ногам даже деревянные полы казались ледяными. Я вздохнула, спускаясь вниз по скрипучей лестнице.

Глава 11. Мучитель и спаситель

Я проснулась днём, почти к полудню. Спала я долго и без снов, что радовало. Голова болела, но уже не так сильно после вчерашней демонстрации власти Данэйла надо мной. Вчера, спустившись вниз, я осмелилась бросить ему в лицо бумагу, на которой был описан

артефакт, который он хотел заполучить, и предположила в гневной форме, что Данэйл вообще тут не имеет власти и лишь пугает меня. На что он поднял руку вперёд и сжал пальцы в кулак, а меня и моё тело пронзила такая боль, что я едва устояла на ногах.

— Надеюсь, это придаст тебе немного ума и послушания.

Сообщил этот негодяй напоследок мне, оставив меня ночевать в холодной темнице с головной болью, ещё долго тяжело пульсирующей, несмотря на холод. Заснула все равно я довольно быстро, почти отключившись на деревянной неудобной скамье и зябко кутаясь в пледы. Спать было неудобно, потому что скамья была маленькая, было холодно, да и в свадебном платье особо не полежишь, так что удивительно, что я не просыпалась посреди ночи. Я поднялась, зевая и пытаюсь продрать глаза, получилось с трудом, оглядела свою темницу, сейчас в солнечном свете, пробивающимся в окошко под потолком, все казалось не таким уж мрачным. А это что... Я встала и морщась от холодного пола, подошла к листу бумаги, лежащему там же, где вчера мы его и уронили — примерно в сантиметрах двадцати от решётки, так что я без труда просунула руку сквозь прутья и достала его.

Ух ты... это была подробная инструкция к тому артефакту, что я должна была сделать для Данэйла, при чём подробно было расписано, что нужно, какие силы и какие энергии, и даже как все это делать. Удивительно... кто ему такую инструкцию написал? Я бы не отказалась от подобного на экзаменах. Я просмотрела пару раз по диагонали инструкцию и отложила её. Не по зубам мне такие вещи, даже при всём моем желании, которого ещё и к тому же нет.

Остаток дня до вечера я сидела, лежала, дремала, ходила по темнице, делала из инструкции журавлика и так далее. Было скучно, а Данэйл так и не объявился. Ближе к вечеру к моей решётке, вызвав у меня сдавленный крик, подошёл странный человек, словно бы слепленный из глины или земли, примерно высотой с полметра, он оставлял грязные следы на полу и на вытянутых руках держал поднос с едой, кстати, который тоже теперь был в земле. Поднос будто бы прошёл сквозь решётку и с грохотом упал на пол, а человек растёкся грязной лужей. Земляной голем?.. разве это не запрещено?..

Я подошла к подносу, там на была бутылка с водой, довольно чистая даже, учитывая, кто это нёс, тарелка с хлебом и какая-то похлёбка в миске, к тому же явно холодная. Кушать хотелось и очень сильно, но памятуя о каких-то там частницах, из-за которых мне так неплохо прилетело по голове вчера вечером, есть в этом несомненно гостеприимном доме мне не хотелось. Так что я просто игнорировала поднос.

Когда я почти заснула, уткнувшись носом в колени, явился мой мучитель. Я смерила его недовольным взглядом, когда он осмотрел всю камеру, особенно остановившись на нетронутой еде и журавлике из того листа бумаги с инструкцией.

— Боишься частиц? — Насмешливо уточнил у меня Данэйл, кивнув на поднос.

— Есть такое.

— Зря боишься, они все равно уже внутри тебя и никуда не денутся, пока я сам этого не захочу, а ты останешься голодной.

— Жаль, конечно, но эта пища не для меня. Спасибо.

— Всегда пожалуйста. Итак, продолжим наш разговор. Ты смотрела бумагу?

— Смотрела. — Я встала, говорить, находясь так далеко от собеседника, было неудобно, подошла ближе, окидывая взглядом Данэйла. Он был невозмутим. — Интересный. Очень энергоёмкий, как я поняла, как для артефактора, так и для того, кто его будет использовать.

— Верно.

— Я не смогу его сделать.

— Что?

— Во-первых, для моих возможностей это слишком, даже при максимальном напряжении мозгов вариант в виде полного провала скорее всего более вероятен. Во-вторых, для моего резерва это неподъёмно, а сделать надо за один присест. Мне ещё лет десять надо учиться, чтоб делать такие артефакты.

Небольшая задумчивость.

— На счёт твоих возможностей, может быть и так, но вот на счёт резерва — ложь. Твой резерв не настолько мал, он впритык, но подходит.

Конечно, ложь. Вопрос: как ты на взгляд умеешь определять размер магического резерва? Это куда интереснее.

— Данэйл, я думаю, что для вас не станет это новостью, но минимум двадцать пять процентов моего резерва, да и любого человека, используется для поддержания жизни, здоровья и красоты этого самого человека. Вы всерьёз считаете, я этим пожертвую ради какого-то артефакта? Нет. Мне даже не заплатят за это. Говорю же, вам будет проще нанять кого-то, чем использовать меня.

— Вот как... не люблю отказы. — Задумчиво протянул Данэйл, вызывая озноб по коже. — Я настаиваю на том, чтобы вы согласились.

— И пожертвовала собой и возможно даже жизнью? Нет.

— Алекси, я не заставляйте меня использовать силу.

— Я принципе не в том состоянии, чтобы чего-то заставлять вас делать.

— Вы знаете, о чём я, мне бы очень не хотелось калечить вас.

— Интересно получается, — я сложила руки на груди, — не хотите меня калечить, но при этом вы мне угрожаете? А это значит вы готовы и применить силу, и покалечить, чтобы достигнуть желаемого эффекта.

Опять у меня включилась непробиваемость, стресс зашкаливал... Странно, что в банальных перепалках с директором я пугалась, а тут, когда серьёзная угроза мне и моей жизни, я спокойно с врагом рассуждаю на подобные вещи. По-моему, мой инстинкт самосохранения работает как-то совершенно неправильно. Тяжкий вздох пролетел по коридору.

— Вы меня вынуждаете, не подчиняясь и не соглашаясь на мои условия.

— А собственно почему должна? Это не такое уж заманчивое предложение.

— Алекси, вы вынуждаете меня...

Я лишь успела осознать это движение руки, а потом почувствовать покалывающую боль, словно рождающуюся где-то в глубине головы. Секунда, и наваждение оставляет меня, прислонившуюся к стене и тяжело дышащую, на лице моего мучителя спокойствие и даже сожаление, и как ни странно, он не радовался моим мучениям, а и правда сочувствовал, жалея, что приходится использовать грубую силу против меня. Ну хоть что-то... не садист и то хорошо...

— Итак, вы согласны?

— Нет. — Я ответила даже прежде, чем осознала свой ответ. А собственно какая разница умереть так, под его пытками или там, вложившись в странный артефакт, назначение которого мне даже не известно.

— Не упрямитесь, я же делаю вам больно.

Боль повторилась. И также внезапно оборвалась, оставив чувство потери ориентации и

тошноту, которая желала вывернуть мой желудок наизнанку, но к счастью, там просто ничего не было.

— Алексия... просто скажите мне да, и все прекратится.

Стоит ли моё упрямство того или нет? — думала я, пока боль, кусаясь, пробежала по спине вверх и вниз, не сильно, будто бы дразня. Ну что ж... дубль два. Боги, прошу вас, помогите мне... просить их было страшновато, со свадьбой они мне помогли, конечно, только вот вылилось это во что-то совершенно безобразное... новая вспышка была сильнее, почти ослепляя и лишая органов чувств, охватив все тело и впиваясь в голову. Пол ударил по коленям, роняя меня на пол, ладони следующими приземлились туда же, но я будто бы не замечала этого. Боль все усиливалась, пока не потонула в вязкой темноте.

Я чувствовала головокружение и тошноту, мне было дурно... голова была чумной и какой-то странно пустой...

— Майорс?

Я открыла глаза, пытаясь сфокусироваться, напротив меня было лицо директора.

— Я умерла и попала во Тьму? — Уточнила я, пугаясь собственного хриплого голоса, такого тихого и невнятного, что вообще удивилась, что он что-то понял из этого.

— Насколько я знаю — нет.

— Почему же тогда я вижу вас?

— Потому что я вас спасаю, Майорс, но похоже зря. Ни капли благодарности.

Его привычный эмоциональный фон ударил по голове раздражением и ослепляющим гневом, от которого тошнота стала почти невыносимой, я хотела прижать руку ко рту, но поняла, что тело не слушается, руки словно не мои, впрочем как и ноги, и вообще... кажется я лежу на полу... и кажется, он сказал «спасть меня»... Оу...

— Простите... мне плохо... — пролепетала я, закрывая глаза и чувствуя, как щупальца тьмы куда-то утаскивают меня вглубь тёмного омота.

— Майорс, — меня встряхнули, я открыла глаза, — оставайтесь в сознании, прошу вас. Алексия...

А что я могу быть без него?.. Меня подняли на руки, провоцируя новую волну тошноты и куда-то понесли, я с трудом соображала и вообще не понимала, что происходит. Внезапно шевеление закончилось, спине и ногам стало холодно, меня посадили около стены, я приоткрыла глаза, выплывая из дыма и цветных кругов.

— Ты меня слышишь? — Тихий шёпот, я кивнула. — Держи. — Мне что-то вложили руку. — Держи крепко и не выпускай.

— Что это?

— Это моё кольцо, оно защитит тебя, посиди тут и никуда не уходи, я сейчас вернусь.

Он серьёзно? Куда я могу уйти, если я то пальцами двигала едва-едва, что уж говорить про остальное тело. Я напоминала сама себе сломанную куклу, потому что тело было тяжёлым и ватным, но я честно старалась удерживать маленькую вещицу в непослушных пальцах. Сам директор из поля зрения попал. Ушёл... куда он ушёл? Он меня пришёл спасать. Спать меня... как странно... а он не бросит меня тут одну?.. Кольцо я с трудом сажала в ладони и прикрыла глаза, меня снова окружали вязкие щупальца тёмного омота, тащившие меня вниз, во тьму. Однако я почему-то не хотела падать туда, идя за странно знакомым голосом, звавшим меня. Меня встряхнули, и я вяло приоткрыла глаза.

— Алексия?.. Майорс?..

Я повернула голову, передо мной на корточках сидел директор, пытавшийся поднять

меня с пола, поскольку я завалилась набок. Кольцо... я сжала пальцы. Его не было... холодок скользнул по спине, вгоняя меня в ужас...

— Ваше кольцо... — слезы отчего-то сами заструились по щекам, вгоняя мистера Д'армэ передо мной в полнейший ступор. — Ваше кольцо...

— Что с ним?

— Его нет... — почти одними губами прошептала я. — Я потеряла его...

— Напугала. — Шумно выдохнул мой директор. — Я забрал его уже.

— Да? Ну... ладно... — Я снова расслабилась, решив, что теперь то можно перестать титаническими усилиями держатся тут и можно просто отключиться, а там мистер Д'армэ пусть спасает меня столько, сколько ему будет угодно, пусть злится или раздражается, мне будет все равно, пусть делает, что хочет. Но меня снова прервали:

— Тебе плохо?

— Да...

— Сейчас будет легче, — пообещали мне, — держись.

С этими словами моё лицо было накрыто его ладонью, какое-то время ничего не происходило, а потом вдруг в голове стало яснее, тошнота ушла, а тьма и вовсе растворилась, оставляя звенящую пустоту в голове.

— О, — воскликнула я, поднимая руку и понимая, что мои ноги и руки снова слушаются меня, хотя слабость все же осталась. — Спасибо... как вы это сделали?

— Тебе лучше не знать. — Мистер Д'армэ поднял меня на руки, будто бы и не испытывая от этого труда и устало сообщил. — Держись за меня, сейчас открою портал.

Я прижалась к нему, поистине испытывая гигантскую благодарность к этому человеку, спасшему меня из этого ужаса и кошмара. Через секунду перед нами раскрылся одноразовый портала, и мы шагнули туда. А когда я открыла глаза, мы стояли посреди коридора, обшитого деревом. Меня опустили на пол.

— Это мой дом, пока побудете здесь, а потом я вас отправлю в академию.

— А... да... — Проговорила я, хватаясь за его руку, меня шатало. — Спасибо вам большое... что спасли меня... хотя не знаю, как вы меня нашли.

— Пришлось присутствовать на вашей свадьбе.

— Вы там были? — Я удивлённо перевела взгляд на директора, отмечая круги под глазами и уставшее лицо.

— Я прибыл сразу как узнал, что одна из моих учениц пропала.

— И как... люди?

— В порядке, если вы беспокоитесь на счёт магического огня, который он кинул, то это просто была обманка, чтобы замести следы и посеять панику.

Хм, как и сказал наёмник...

— Оу... значит все целы... слава богу...

Не знаю, как я потом жила бы, если бы узнала, что с Вэртом что-то случилось...

— Не считая пострадавших от давки.

Меня начало тошнить. Да и ещё так сильно... я скривилась и согнулась пополам.

— Вам плохо?

— Мне не хорошо, — согласилась я, раздумывая, насколько это эстетично тошнить при том человеке, который тебя спас из какого-то замызганного подземелья, учитывая, что этот человек все-таки мужчина, а я женщина? Ответ был неутешительным, но убежать... куда? Это не мой дом... — Уже лучше.

— Я понимаю сейчас не самый подходящий момент, но все же... Майорс, вы запомнили человека, который вас похитил?

Я сглотнула, прогоняя тошноту окончательно и разогнулась, но руку мистера Д'армэ не выпускала на всякий случай.

— Меня похитил из храма наёмник, а тот который держал дома был другим...

— Вы уверены?

— Да, я... — Я остолбенела. Вместо их лиц в голове была пустота, и даже имя этого негодяя словно стёрлось из памяти. — Я... я... я не могу вспомнить их лиц... я же видела их... и имя... он даже сказал мне имя... оно ещё было таким...

Мои губы задрожали, и я с обидой взглянула на своего спасителя.

— Как же так?..

— Возможно это из-за болевого шока, который вы испытали. Либо он просто как-то воздействовал на вас, чтобы вы это забыли. Такое тоже бывает. Не волнуйтесь.

С этими словами меня приобняли за плечи и повели по коридору.

— Идёмте, вам лучше присесть.

Я растерянно шмыгала носом, шерстя собственные воспоминания и пытаюсь вспомнить хоть что-то из того, что там было, но все было обрывками, и если даже цвет кресел я помнила прекрасно и даже цвет глаз наёмника — голубой, то всё остальное было скрыто от меня так, словно я никогда и не помнила этого. Это было поистине ужасно...

Глава 12. Странные вечера...

Меня ввели в гостиную и усадили на тёмный диван, где я согнулась пополам, обхватывая голову руками, она гудела, и я будто бы в прострации разглядывала исцарапанные руки, отмечая пятна на платье и представляя, как выгляжу со стороны. Сбежавшая невеста...

— Ваш жених был несколько староват для вас, по-моему, — голос мистера Д'армэ прозвучал гулко и насмешливо.

— Да... — Жених, сделка, бабушка, похищение, мои мысли метались от предмета к предмету, — мне нужно вернуться... бабушка будет волноваться.

— Бабушка?

— Да... вы, наверное, её видели, — я оправила прядь волос, от кудрей мало что осталось, да и волосы были покрыты пылью и грязью, я вздохнула. — Кирина Майорс.

— Которая Кирина Мора? Та самая? И она ваша бабушка? — Тихий смешок. — Ах да... последний брак Джойля. Что ж... это многое объясняет, зная её и её репутацию, становится понятно, отчего вы решили так рано создать семью, да и ещё выбрали себе подобного мужа. Решили пойти по её стопам?

В голове словно порвалась ниточка, с глаз соскользнула пелена, очищая разум, я разогнулась на диване и подняла глаза от своих испачканных рук, сфокусировавшись на главе военной гильдии, который стоял рядом. И ещё эти эмоции? Его разочарование скользнуло между лопаток холодком.

— Что вы себе позволяете, Эвиан Д'армэ? — Уточнила я у замершего от моего тона мужчины. — Как вы смеете высмеивать моего жениха или мою бабушку? Кто дал вам на это такое право? Вне зависимости от того, какие причины привели меня под венец или мою бабушку, вы не имеете никакого права осуждать меня.

Его удивление, смешанное с восторгом, дали мне силу и уверенность, я встала с дивана, надвигаясь на мистера Д'армэ. Его глаза неотрывно смотрели в моё лицо.

— Сейчас я не ваша ученица, я девушка, которую похитили с собственной свадьбы и пытали, и хоть она мне была и неприятна, но она входила в сделку. И если эта сделка провалится, черт... — Я резко выдохнула, сжимая кулаки. — А вы сейчас не мой директор, так что я могу вам высказать с полным на то правом, что ваша ненависть ко мне несколько... — я пыталась подобрать слова, — оскорбительна, как и ваши слова о моих талантах, внешности или поведении. — Я сверкнула глазами, надеясь, что выгляжу вполне грозно, по лицу моего оппонента это было не понять, он был все также неподвижен и невозмутим и даже его эмоции словно бы замерли. — Вы, Эвиан Д'армэ, превратили мою жизнь в кромешный ад, так нечего осуждать меня всего лишь за этот маленький кусочек его, хорошо? Посмотрите лучше на вашу жизнь.

Мой палец ткнулся в его грудь, его глаза опустились и неотрывно смотрели на мой палец. Я переводила дыхание и с удивлением вдруг вдохнула его аромат, затрепетавший где-то в груди, такой приятный... Мне нравится, как пахнет мистер Д'армэ? Я подняла на него глаза, злость уходила, оставляя странное чувство пустоты и незавершённости, я снова высказала ему все, поставила ещё одну стену между нами, я была так не сдержана... мы встретились взглядами, и я поняла, что его глаза не просто карие, а немного с позолотой. Вот его лицо, оно так близко, мощный подбородок, волевой, украшенный узкими губами и широкими скулами, эти насмешливые, словно издевающиеся над собеседником глаза и нос прямой, аристократичный. Я, едва оторвавшись от разглядывания его губ, вернула взгляд ему в глаза. Потерялась, чувствуя, как от этого уходит земля из-под ног...

Я открыла глаза, попыталась сесть и потрясла головой.

— Не утруждайтесь, Майорс, и ради всего святого, не шевелитесь, а иначе я вас уроню. — До меня медленно дошло, что мистер Д'армэ собственной персоной несёт меня на руках.

— Куда вы меня несёте? — Немея от ужаса, вдруг пролепетала я, в голове проносились разные варианты событий: от пыточной, до тюрьмы, подвала и прочего.

— В спальню, естественно...

— Отпустите меня немедленно! — Я начала вырываться и, когда меня от неожиданности отпустили на пол сильные мужские руки, шарахнулась к стене, уставившись на мистера Д'армэ полными ужаса глазами. Мне было страшно... дико страшно и ещё ужасно-ужасно стыдно, что я думала об этом чудовище что-то хорошее. — Не подходите ко мне, вы...

Я по стеночке отшагнула дальше. Мистер Д'армэ был удивлён. Я замерла, прислушиваясь, он начинал заводиться, таааак... пора уходить.

— Не подходите ко мне...

— Майорс, — в голосе главы военной гильдии мелькнули угрожающие нотки, напугавшие меня ещё сильнее, — вы за кого меня принимаете? — Голос грянул по коридору, оглушая меня. — Вы были в обмороке, я нёс вас в спальню, чтобы вы отдохнули. Вы...

Он закрыл глаза, поток эмоций перекрыли, словно мистер Д'армэ в одно мгновение перестал что-то чувствовать.

— Дальше по коридору будет спальня, будьте так добры, найдите тогда её сами. — Потирая переносицу, мужчина двинулся в противоположную от меня сторону коридора, оставив меня в изумлении смотреть на его большую и гордую спину в светлой рубашке,

изрядно испачканной. Мы так и не успели хотя бы немного привести себя в порядок.

Я сделала пару шагов по направлению коридора и снова остановилась. Как неловко получилось... странно... он ведь и правда хотел просто мне помочь, неужто я могла перепутать добрые намерения с такими вот гадкими мыслишками. Что же тогда меня натолкнуло на такие мысли? Я почти дошла до конца коридора, где возвышались три двери из тёмного лакированного дерева, когда меня посетила мысль, что возможно, я слишком испорчена. Может ли так, что мне нравится мистер Д'армэ и потому его ненависть ко мне воспринимается мною так остро? И что когда он произнёс «в спальню», я подумала не совсем о том, что надо, именно потому, что я хотела бы оказаться в его спальне? Я отмела эти мысли, потому что после них оставалось неприятное послевкусие и начала изучать эти самые двери.

Тревожить главу военной гильдии мне не хотелось лишний раз, да и говорить с ним после этого неприятного инцидента в коридоре? Я умру от неловкости и смущения... Все три двери вели в спальни, и все три были открыты. И в которую мне нужно? Он ведь ничегошеньки не сказал, как должна выглядеть та спальня, где мне стоит отдохнуть? Я зашла в каждую, постояла там немного, в итоге осталась в одной, оформленной в тёплых бежевых тонах и шоколадно-коричневых. Она меня покорила, портьеры были темными, как и покрывало, откинутое на кровати вместе с одеялом, вместе они создавали приятный контраст с остальными более светлыми предметами мебелировки комнаты. Неужели он специально подготовил спальню для меня? Я удивлённо коснулась подушки, уложенной и даже будто бы с ямкой под голову, одеяло откинута, словно бы приглашая меня внутрь. Ох... как же мне стыдно за своё неверие в него...

Я легла на кровать, тело блаженствовало, после ночи то на скамейке, эта кровать казалась раем. Я лежала, смотря в потолок и испытывая лёгкую вину за то, что я в разорванном и испачканном платье, не умыта и у меня просто нет сил, чтобы даже встать с этой кровати и что-то сделать. Я лежала и думала о том, что произошло в коридоре, почему я так плохо подумала о нем? Момент, и меня осеняет. Его эмоции... я тогда ещё толком не пришла в себя, а потому воспринимала только эмоциональный фон вокруг, а он чувствовал это... я закрыла лицо руками. Не может быть! Наверное, это была просто ошибка. Уже засыпая и обнимая подушку, мне мерещилось, что она пахнет как мистер Д'армэ. Мой сон был недолгим, когда я засыпала, закат только начинался, а когда проснулась, всего лишь едва стемнело. Проснулась от каких-то ужасов, словно бы гнавшихся со мной по пятам, и да... кажется, я кричала. Дверь распахнулась, явив мне испуганное лицо мистера Д'армэ, сердце и так колотившееся, словно ненормальное, сначала замерло, а потом снова пустилось в пляс, заставляя меня буквально содрогаться от этого стука.

— Майорс? — Его изумление и веселье застали меня врасплох. Я сжалась.

— Да?

— Вы что, спали тут?

— Да... вы сказали в спальню, но... но я не знала в какую... а эта мне так понравилась... простите... — Не знамо за что извинилась я, вдруг покраснев и опустив глаза. Почему я краснею?

— М-да... действительно, чего ещё от вас ожидать? — Будто бы в воздух спросил меня мой директор, я вздохнула, он опять мной недоволен. Ну что на этот раз? Неужели я и спальню не могу выбрать правильно, так, что бы не было этой насмешки в голосе? В глазах стало горячо, меня все ещё преследовал страх из сна, я никак не могла от него отделаться, а

тут ещё это... А ощущение, что мистер Д'армэ на меня смотрит и вот-вот увидит мои слезы, добавляло градус к расстройству.

— Извините, если я выбрала не ту... — Я упала лицом в подушку, лишь бы не видеть эти глаза и это лицо, это невыносимо... Только не всхлипывать, я осторожно втянула воздух носом, он не должен заметить.

— Хм... Ну как сказать не ту... — эти смешинки в голосе и это глупое, неуместное веселье, вдруг плещущееся вокруг него и достигающее до меня урывками, отнюдь не удовлетворяли меня. Он смеялся надо мной! — Просто на этаже три спальни, две нежилые, где я наделся, вы, Майорс и поспите, а третья — моя, где обычно сплю я. Угадайте, какую вы выбрали?

Я сжалась, слезы сами собой заструились сильнее. Действительно? Как? Из трёх выбрать только ту, что напоминает о его карих глазах и (ну надо же) пахнет им? О да, может он прав, и я безнадёжна? Я все-таки не сдержалась и всхлипнула.

— Мало того, что спали в моей кровати, так теперь решили ещё и намочить её своими слезами?

Он бездушен. Я не хотела, чтобы он видел мои слезы именно поэтому... я думала он увидит, что я слаба, приголубит. Он увидел, и вместо того, чтобы успокоить меня, как делают все нормальные люди, он ругает меня... кто там говорил, что он мне нравится? Нет, как можно говорить о симпатии к такому бездушному человеку? Я медленно встала, утирая слезы и смотря в пол.

— Простите меня, мистер Д'армэ, я не знала... что она ваша. — Задев его плечом, я проследовала в коридор босиком, шурша свадебным платьем, наступая на его подол и спотыкаясь.

— Майорс, стойте. — Я остановилась, перестав утирать слезы. Что? Это? Было? Я только что уловила от него... нежность? Я обернулась, стараясь, чтобы на моем лице не было такого уж сильного удивления, только грусть и печаль. Лицо мистера Д'армэ было строго и невозмутимо, когда он сделал ко мне пару шагов. — Там в шкафу есть одежда, присмотрите себе что-нибудь, меня нервирует это свадебное одеяние в моем доме. Но для начала может быть примите ванну?

— Ванну? — Переспросила я, вдруг заметив, что мистер Д'армэ в отличие от меня одет в чистое и сам сияет свежестью и чистотой, а вот про меня то же сказать нельзя. — Да, наверное...

— Идёмте, я вас провожу, а то вы опять зайдёте не туда. — Ворчливо сообщил мне директор, я со вздохом поплелась за ним.

Мы пришли в небольшую комнату, где пол был выложен светлой мозаикой, а посередине комнаты в полу была ванная, сейчас пустая. Внутри было гулко и пусто, я растерянно оглянулась в поисках ведра или бочки с водой.

— Сейчас. Я её позову.

Её? Я озадачено оглянулась, пока мистер Д'армэ сложил руки в странный знак и вдруг произнёс:

— Ома, иди сюда.

Ома? Через минуту посреди ванной появилось странноватое облачко, напоминавшее большую каплю воды, через минуту из капли начала выливаться вода, наполняющая ванну, при чем довольно горячая, судя по пару.

— Ого... кто это?

— Это Ома, она дух воды. Она поможет вам с ванной, Майорс.

С этими словами мой директор попытался покинуть меня, но я его остановила:

— А чем вытираться?

— Сейчас...

Так я осталась одна, поглядывая на изрыгающего воду духа, и попыталась снять платье. Вот тут появилась проблема — корсет, его надо было там расшнуровать сзади, да и вообще, как я поняла, это платье мне без помощи не снять. Так что, когда явился мистер Д'армэ, я озадачила его этой проблемой. При чём он ей было не рад также, как и я.

— Позовите какую-нибудь служанку, она поможет мне... — Не очень уверенно произнесла я под взглядом мужчины, тот вздохнул, потирая переносицу.

— У меня нет слуг.

— Как нет?

— Не признаю их.

— Вот как... и кто же мне поможет?..

— Похоже остаюсь только я.

Я тут же ощутила, как мои щеки заливают румянец. Опустив ту интимную подробность, что в принципе с меня платье может снять только муж, тем более свадебное, я молча развернулась спиной к мистеру Д'армэ, буквально сгорая от смущения. Боги... ну за что мне это? Но и в самом деле не в платье же принимать ванну. Я держала платье и чувствовала неприятное жжение на щеках, я вот-вот испепелюсь, настолько я покраснела, думала я, чувствуя, как его сильные руки дёргают шнуровку корсета, освобождая меня от этого плена. Какой ужас...

— Д-дальше я с-сама... — пролепетала я, придерживая платье, готовое вот-вот с меня свалиться и радуясь, что на мне есть ещё комбинация и нижняя юбка. Так что я дождалась странного звука от мистера Д'армэ, а потом он ушёл, бросив напоследок:

— Потом спускайтесь вниз, я пока накрою на стол.

Он ушёл, я прислушалась, мне даже слышались его шаги на лестнице, а я все также стояла и переваривала его эмоции. Это была симпатия, хотя голос был словно закован в лёд и этот взгляд... Если бы я не была эмпатом, то наверняка снова бы подумала, что он ненавидит меня, но нет... Это была забота, но отчего? Отчего он такой?

Глава 13. ...и странные разговоры

Оказывается, принимать с духом воды ванну довольно приятно, Ома постоянно держала воду горячей и помогла мне помыть голову и тело, избавив от грязи и подарив телу лёгкость. Поблагодарив духа, я завернулась в ткань и робко выглянула в коридор. Там было тихо и ни души, так что я на цыпочках, бросив платье прямо в купальне, прокралась обратно в спальню и там, заперев дверь, смогла спокойно выдохнуть. Насухо вытеревшись, я таки открыла шкаф и осмотрела одежду. Как ни смешно, она вся была мужская, и да, его. Моего директора. Мой тяжкий вздох не был услышан. Я нашла себе рубашку, которую никогда бы не одела в люди, потому что плечи свешивались очень сильно и только плотные манжеты помогали рукавам не сползать на кисть. Рубашка свешивалась мне почти до середины бедра, вызывая у меня покачивание головой. Штаны пришлось взять для езды верхом, но они все равно были очень велики, не спасал даже ремень, в котором (о, ужас) просто не было такой дырочки, соответствующей моей талии. В общем, облачившись в это безобразие и подкатав штаны, я

распустила волосы, чтобы они сохли, и вот в таком виде босиком прошлёпала к лестнице и потом вниз. Взгляд мистера Д'армэ был более, чем многозначителен, а его приступ хохота поверг меня в тихий ужас, я тут же развернулась, чтобы уйти.

— По... подождите... Ма... Майорс, — выдавил он, и я, надувшись, остановилась на лестнице. Мистер Д'армэ, заливающийся хохотом, словно ребёнок — такое не увидишь в академии. Я хоть и пыталась выглядеть несколько задетой, все равно наслаждалась его смехом, впитывая его и запоминая. — Просто вы так очаровательны в этом костюме...

Щеки обожгло, я отвернулась. Очаровательна?.. а его эмоции? Я ему нравлюсь, нет этого привычного раздражения, ненависти и гнева, но почему? Что изменилось? Целых два неловких события за все это время, что я нахожусь у него дома, в первый раз я накричала на него и обвиняла, а во второй... опять обвиняла, но тем не менее, его отношение ко мне изменилось. Что не так с этим мужчиной?

Я не могла поднять на него глаза, просто не могла посмотреть в эти карие смеющиеся и сейчас искрящиеся улыбкой глаза. Я там утону и тогда уже точно не смогу думать о нем, как о каком-то чудовище, я просто влюблюсь. А любить такого холодного человека, который только изредка бывает тёплым и отзывчивым и настолько хорошо скрывает собственные эмоции? Ужасная участь...

— Садитесь уже, Майорс.

Мистер Д'армэ, накрыл на стол в гостиной, поставив на кофейный столик бутерброды с... кажется, это мясо, и что-то вроде рагу, и пока я пристально разглядывала все это, думая, готовил ли он это сам или нет, раз у него слуг, он спокойно накладывал себе еду и ел. Наконец, я тоже решила. Оказалось, довольно сносно. Пока мы ели, ни один из нас не проронил ни слова, я чувствовала себя неуютно, да и кусок в горло не лез. Глаза я старалась не отрывать от столешницы, лишь изредка оглядывая комнату. Она мне нравилась. Вокруг были развешаны картины, стояли вазы, было очень уютно, несмотря на то, что в доме почти не было слуг или не было совсем даже, сейчас и такое можно встретить. Неужели он делал всё сам это? Одна из ваз, в углу, привлекла моё внимание почему-то, и я все время смотрел на неё, сгорая от желания потрогать, но не решаясь спросить разрешения. Наконец, когда ужин был закончен и мистер Д'армэ собирал посуду (сам!), вызывая у меня приступ удивления, я подала голос:

— Мистер Д'армэ... — Короткий взгляд на него и снова опустить глаза в пол, — ммм... могу я посмотреть вазу?

— Да.

Короткое и вполне прохладное «да», больше от него не веяло ни теплотой, ни заботой, он снова стал собой. Какой все-таки он странный, этот глава военной гильдии... пока он ушёл и не видел, я подкралась к вазе и коснулась её кончиками пальцев. Меня словно пробило током. Я провела пальцами вниз, следуя нарисованному рисунку, касаясь искусно выведенных цветов и лепестков, узоров и волн. Что за мастер сделал эту вазу? Почему я не могу оторвать от неё взгляда? И почему по рукам пробегает ток, когда я касаюсь глазированной поверхности этой вазы? Мне хочется обнять её, касаться снова и снова...

— Майорс? — Я отдёргнула руки, чувствуя себя ребёнком, которого застукали за воровством печенья, но продолжала усиленно разглядывать это произведение искусства. — Как вы считаете, ваша интуиция сильна?

Я замерла, раздумывая. Ну я эмпат, это даёт мне некоторые преимущества.

— Пожалуй, да.

— То есть, если бы вам дали несколько конвертов, вы смогли бы угадать, что там?

Я обернулась:

— Ну да, пожалуй... цвета я так раньше угадывала, в детстве. Сейчас не знаю.

— В детстве?

— Да, все вокруг это умели. — Я прикусила язык, я забыла, что воспитывалась я в деревне ло-укков, а там все прирождённые эмпаты и питаются эмоциями. И зачем я это сказала?..

— Да? — Такой задумчивый взгляд на меня. Эвиан Д'армэ, прислонившись к стене и сложив руки на груди, наблюдал за мной. Сейчас он был облачен в светлые штаны и светлую же свободную рубашку, наподобие той, в которую была облачена я. Он выглядел очень домашним и совсем не вызывал негатива в моей душе...

— К чему эти вопросы?

— К тому, что этот дом наполнен вазами и другими произведениями искусства, но только около этой вазы вы стоите и ещё пытаетесь потрогать её.

Я смутилась, убирая прядь волос за ухо. Черт, я думала он не заметит.

— Ну... просто она тёплая... наполненная энергией. — Рука сама потянулась к вазе, когда я снова как зачарованная загляделась на её рисунок. — Не могу удержаться, рука словно не слушается...

— Действительно. Это единственная ваза в доме, которая сделана мной.

Рука замерла, я опустила её и поймала насмешливый взгляд его карих глаз.

— Сделана кем?..

— Мной.

— Вы умеете..?

— Да, что в этом такого, Майорс? — Эвиан Д'армэ явно наслаждался моим удивлением, — Неужели человек не может иметь хобби?

— Да, пожалуй, — я снова обратила взгляд на вазу. Сам глава военной гильдии сделал её, да уж... неожиданно. Но эти линии, они такие нежные и плавные, вот уж точно не догадалась бы, что такой человек как Эвиан Д'армэ может сделать что-то такое настолько трогательное и нежное. — Поразительное мастерство.

— Спасибо, я много лет его оттачиваю. Скажите, Майорс, как вам удалось увидеть энергию?

— Не увидеть, почувствовать. — Я отошла от вазы и села в кресло на некотором отдалении от хозяина дома. — Я эмпат. От рождения, так что для меня это не доставляет труда.

— Ооо... вот оно что. — Озарение, понимание, восхищение. И... полный блок. Тишина словно бы я не была эмпатом вовсе. Отлично, теперь он знает. — Неплохо.

— Не думаю, что это я моя заслуга, мне просто повезло такой родится.

— Да. То есть вы все это время знали все мои эмоции и чувства. — Холодок пробежался по лопаткам и спустился вниз по спине, жутковато...

— Ну относительно... — промямлила я, пугаясь. Надеюсь, он меня не приберёт, узнав о таком. — Только очень сильные и яркие...

— Что ж... тогда это объясняет то, что вы считали, что я вас ненавижу.

Что?

— А разве нет? По-моему, ваши действия были вполне очевидны.

— Вот как...

Глухое раздражение неизвестно откуда взявшись, зарокотало в душе, поднявшись с самого дна, да и ещё теперь, когда его эмоции были под его ментальным блоком, я просто не чувствовала ни в чем уверенности, ведь единственное, что давало мне опору при общении с ним, теперь было мне недоступно. И почему снова разговор вернулся к неприятным темам? Неужели весь вечер будет потрачен на пререкания о том, ненавидит или нет Алексею Майорс данный субъект?

Я уже готова была сказать что-то, что опять бы поставило ещё одну стену между нами, когда вдруг меня перебили:

— Разве не вы говорили, что вам нравится мой гнев?

С изумлением я уставилась на мистера Д'армэ, невозмутимо осматривающего моё лицо, наверняка сейчас начинающее краснеть, сначала пятнами, а потом и вовсе превращая меня в ягоду.

— Откуда вы..?

— Меня случайно застали две девушки в парных комнатах при церемонии окончания в академии артефакторов, где я собирался скрываться от надоедливых поклонниц и возможно поспать. — Лицо мистера Д'армэ было невозмутимо, он задумчиво смотрел куда-то поверх меня. — Однако я не успел прийти в себя, как две девушки уже начали сплетничать, так что я решил, что, если я сделаю вид, что меня там и не было, все будет замечательно.

Взгляд на меня.

— Вы слышали... — Мягкая полуулыбка, заставляющая мурашки носиться по телу. — И неужели именно это вас так... разозлило? Или что? Вы решили, что если будете срывать на меня и всячески выказывать свою неприязнь, вы сможете завоевать моё сердце? Я думаю, это был плохой план.

В глаза я ему не глядела, увлечённо рассматривая собственные руки.

— Не думаю, что это был мой план.

— Ну что ж...

— Просто я ожидал большего от внучки Джойля, вот и все. К тому же той, что смогла меня заинтересовать своими словами.

Заинтересовать? Его? Он случайно умом не тронулся? Это как же я могла его заинтересовать? Простыми словами о гневе? Что-то слабо верится.

— Мне приятны ваши слова, хоть в них и плохо верится, — я все же подняла глаза и прямо встретила взгляд его карих глаз. Его лицо было внимательным, взгляд цепким. — Однако... мистер Д'армэ, могу сказать, что ваши ожидания от меня были ошибочны. Мой дедушка был достойным человеком и прекрасным артефактором, но я хоть и его родственница, все же не обязана быть, как он. Ни в чём. Родство с ним не обязывает меня хорошо делать артефакты, быть такой же умной или что-то вроде такого.

Разговор напомни мне о моем похитителе, и хоть я не помнила его лица, наш разговор вспоминался довольно чётко. Я молчала, раздумывая, что он скажет на счёт этого. Странные все-таки мы ведём разговоры, и вот снова я ему перечу и осекаю его. Да что же за вечер такой?

— Думаю, вы правы, Майорс. Ждать от вас многого, как от внучки Джойля было несколько ошибочно. — Он что согласился с моими словами? А где же гневные выкрики и прочее? И ещё этот блок на его эмоции, как бы я хотела знать, о чём он сейчас думает, о чём чувствует? — Что ж... тогда... я жду от вас много, как от девушки, впечатлившей меня в

первую встречу, как просто от вас.

Я нервно хихикнула, растрепала влажные волосы одной рукой, закрывая глаза в бессилии. Его не переспорить, по-моему, это просто нереально...

— А вы можете вообще ничего от меня не ждать? Меня это немного напрягает, признаюсь...

Он случайно в еду зелье правды не подмешал?

— Отчего так?

— Мои способности не великолепны, чуть выше среднего. Я не собираюсь лезть из кожи, чтобы впечатлить кого-то, свою бабушку, учителей или... вас. Я просто получаю удовольствие от того, что делаю артефакты. Мне необходимо, жизненно необходимо, отучиться эти два года, а потом уйти от бабушки и все. Не думаю, что в моих планах есть вы и тем более такой пункт как «оправдать ваши ожидания».

На губах мистера Д'армэ появилась странная улыбка и тут же угасла. Он отвернулся, безразлично оглядывая комнату и вертя кольцо на руке.

— Жаль... Тогда я не думаю, что вам вообще стоит возвращаться в академию.

— В каком смысле? — оторопела я.

— В прямом. Если вы не хотите меня ничем поражать, а в академии лишь так, для развлечения, зачем вы там вообще? Вы занимаете место тех, кто возможно хочет этого больше жизни, делать артефакты и быть в этом лучшим. Я пришёл в эту школу, чтобы избавить её от таких, как вы, Майорс, не считающих артефакторское дело чем-то важным, это не цель вашей жизни, лишь один из пунктов, ещё и не самый важный. Вы знаете, что когда от дара отказываются в этом мире, он перестаёт приходить? Там вот от дара артефакторства отказываются и, если не предпринять хоть какие-то действия, он исчезнет. В академию просто некому будет приходить.

Я молчала. Его слова были оскорбительны, но он был прав. Я и правда не была фанатом своего дела... К тому же Эвиан Д'армэ говорил довольно разумные вещи, я и сама это знала всё, только вот я просто знала, а он и ещё что-то делал.

— С тех пор как я пришёл в академию и взял над ней главенство, ко мне поступило столько заявок на поступление в академию, что их количество превысило количество учеников во всей академии в три раза.

Я изумлённо хотела было распахнуть рот, но вовремя сомкнула челюсти. Это было невероятно... я просто ушам своим не верила. В три раза больше?..

— Как это возможно?..

— Людям нужна стабильность и уверенность. — Снисходительно ответил мне глава военной гильдии, и который явно получил это звание не за красивые глаза. — Жалкая и слабая Гильдия Артефакторов ещё имела какие-то шансы на выживание, когда её главой был ваш дед, но сейчас... люди боятся отдать в академию своих детей, какие шансы, что это актуально, что там безопасно? Зато нам не боятся. Вы понимаете это, Майорс?

— Да...

Мне было стыдно, но я так тоже думала, и если бы сама не была артефактором, не училась в этой академии, то своих детей бы вряд ли отдала туда. Он был полностью прав. Однако.

— Это, конечно, все очень замечательно и невероятно, я очень воодушевлена и восхищена проделанной вашей работой, но претензии к вам все равно есть... — Я сглотнула, смачивая пересохшие губы, — Например, вы забываете о выборе. О моём выборе и тех, кто

сейчас учится в этой академии. То, что вы делаете действительно потрясающе, однако я, например, не хочу быть военным артефактором. Совершенно. Когда я поступала, я думала, я буду обычным артефактором, да и многие мои одноклассники думают точно также. Почему вы лишили нас выбора? Или тех, кто поступит ещё к нам? Отчего бы вам, например... не поделить школу на корпуса? Половина обучается также, как и десятки лет до этого, а ещё половина углублённо занимаются военным артефакторским делом? Разве это не логично? И это тоже увеличит приток учеников.

— Интересная идея, не хотите случайно сместить меня с должности директора?

Наклонив голову мистер Д'армэ с улыбкой посмотрел на меня, отчего-то вызывая толпы мурашек по телу. Я сглотнула.

— Не думаю. Я не готова отдаться полностью этому делу и стать профессионалом в этом.

— И именно поэтому вы никогда и не сможете им стать. — Я прищурилась, мне не понравился поворот нашего разговора. — А вы знаете, как люди становятся профессионалами своего дела?

— Не думаю.

— Они каждый день себя совершенствуют и достигают успеха, а вы просто тут отговорки ищете.

— Довольно, — я встала с кресла. — Мне перестал нравится этот разговор... знаете, что? Хотите, хоть сейчас выставьте меня за дверь и из академии. Мне уже все равно. Вы меня...

Я сжала зубы, чтобы так не позволить оскорбительным словам сорваться с губ.

— Почему, когда я начинаю говорить правду или что-то подобное, вы так резко реагируете и убегаете от разговора с лицом девушки, которую я только что сильно оскорбил. Я просто высказывал своё мнение. Расслабьтесь и сядьте обратно. У меня ещё есть на вас планы сегодня.

Я изумлённо оглянулась на мужчину, поглядывающего на меня. Не думать о постели и поцелуях... слава богу, он не эмпат и, слаба богу, не умеет читать мысли, и я надеюсь оные не написаны так явно на моем лице. Однако на место села.

— Почему вы меня всегда останавливаете?

— Бросьте, это первый раз.

Не удалось...

— Вы, как и все женщины на этом свете, просто ведьма... — Задумчиво поведал мне мой собеседник, буквально лишая меня дара речи, таких обвинений в своей адрес я ещё не слышала.

— Что, простите?

— Прощаю. Да, я считаю, что все женщины ведьмы или по характеру, или по профессии.

— Сильное заявление, но думаю, вы ошибаетесь. Например, я не ведьма и обладаю поистине ангельским характером.

— Вы? Майорс, это не смешная шутка.

— Я вполне спокойна и лояльна ко многим событиям в моей жизни. Например, к вам. Но если ситуация выходит из-под контроля или, ещё хуже, угрожает моему благополучию...

Меня резко перебили:

— ...Вы становитесь по-настоящему невыносимой. Как например, сейчас.

— Мистер Д'армэ, это простая самозащита, а вовсе не сто и один способ вывести вас из себя.

— Вы упрямы, как и моя жена. — Мужчина покачал головой, закрывая глаза и откидывая голову назад. Дыхание перехватило:

— У вас есть жена?

Видимо в моем голосе что-то промелькнуло все же, потому что мистер Д'армэ тут же вернулся в вертикальное положение и, внимательно вглядываясь в моё лицо, уточнил:

— А вы что, ревнуете?

— Нет-нет, — беспечно протянула я, взмахивая рукой. — Я просто удивлена, что кто-то мог выносить ваш скверный характер.

— Она уже бывшая жена, так что по-видимому никто.

— Дайте угадаю, у нее был дрянной характер, она ведьма и по характеру, и по профессии, слишком упряма, своевольна и трепала вам нервы.

Внимательный взгляд, и я поняла, что попала в точку, даже сквозь блок меня коснулась его грусть и боль. Я, тут же пожалев о сказанных словах, опустила глаза долу.

— Простите. Хотя вы мастак встречать женщин, которые вас злят и выводят из себя. Может быть вы мазохист?

Я встала с кресла, собираясь уйти, мне было неловко оставаться тут после всех этих слов.

— Стоять. Куда вы?

— Наверх.

— Я же сказал, что у меня на вас ещё планы.

Я уняла своё сердцебиение и постаралась не думать о неприличных вещах, а то ещё покраснею.

— Ладно. Чего вы хотите? — Я с ногами забралась на кресло и уронила голову на руку, оперевшись ею о подлокотник.

— Давайте проверим вашу интуицию?

— Это ещё как?

— У вас будет хм... десять попыток. Десять попыток угадать вещь, либо под чайной чашкой, либо в руке. Посмотрим, как пойдет.

По-моему, это довольно сложно...

— Не думаю, что это хорошая идея. Я эмпат, я не могу видеть сквозь предметы, да и угадывать могу разве что эмоции, связанные с этим предметом, а не сам предмет.

— Попробуем? Иди у вас есть другие идеи на этот вечер.

— Есть. Почему бы нам не сесть и не поговорить нормально?

Два удивлённых карих глаза.

— А ничего... Забудьте. Несите вещи.

Глава 14. Новый уровень эмпатии

Мистер Д'армэ, все ещё поглядывая на меня, поднялся по лестнице на второй этаж и вскоре вернулся с гигантской чайной чашкой из сервиза. Она была фарфоровая и тонкая. Он перевернул её кверху дном и поставил на кофейный столик. Потом подошёл ко мне и сказал:

— Закройте глаза.

Я послушно выполнила, сосредоточившись на своих ощущениях. Меня вдруг накрыла

гармония. Не знаю даже... умиротворение, спокойствие. Мне было хорошо и мирно, ничего не хотелось: ни спорить, ни быть грубой, ни что-то отстаивать, хотелось просто быть тут. Я открыла глаза по команде и уставилась на мистера Д'армэ. В мягком полусвете камина и приглушенных лампах всё было так прекрасно, даже он.

— Ну угадывайте же. — Кажется, он даже забыл про блок, потому что меня коснулись искрений интерес и вполне очевидное веселье и удовольствие. Ну что ж... я спустилась на пол, села на пушистый ковёр, мимолётно погладив его рукой. Чашка стояла на столе передо мной. Я посмотрела на неё, провела рукой над ней. Ничего. Никакого эмоционального фона.

— Ничего не чувствую.

— Естественно. Потому что вы даже не включаетесь, Майорс, так просто поводили руками.

Я вздохнула. Потом попыталась закрыть глаза и напрячься. Там предмет, он какой? Он маленький, наверняка. Он такой... ну что туда он мог положить? Ручку? Зажим для галстука? Шнурки?

— Не угадывайте. Вглядитесь в суть, растворите чашку, она вам не преграда.

Нет чашки. Ага. Легко ему говорить... Вот я смотрю сразу на этот предмет, будто кружки не существует, он... я застопорилась, а потом вдруг увидела. Что это? Я открыла глаза и встретилась взглядом с Эвианом, а потом снова закрыла глаза. Картинка настраивалась долго. Что-то красненькое. Красненькое, определённо, но это что вообще?

— Оно красное. — Задумчиво и не очень уверенно выдала я.

— Красное?

— Ну да... красное пятно такое...

— Нет, Майорс, вы не угадали.

Но я вижу, я не угадывала... это маленький предмет, покрытый красным облаком, совсем как... Как что? Я расширила свои границы, передвигаясь взглядом с закрытыми глазами по гостиной. Глаза тут же начало нестерпимо щипать, а голова ныть, и я тут же согнулась, отпуская напряжение. Стало легче, но совсем немного, голова гудела от перенапряжения.

— Майорс, только чашка, не переключайтесь на другое.

— Она красное, а больше ничего не вижу. Красное как... как...

Какая эмоция может быть красной? Любовь? Нет, там все розовое. Злость? Нет, она зелёная. Ярость? Жёлтая, тоже не то. Гнев? Гнев...

— Как что?

— Как гнев.

Это эмоциональный окрас предмета? Я раньше предметы чувствовала, если они были наполненные или помечены какой-то эмоцией, например, если этот предмет часто носил злящийся человек или если предмет делали с такой эмоцией, но чтобы окраска. Что это? Может быть такое вообще? Да и гнев? Что может вызвать гнев? Или что могло кого-то разгневать? Я вздохнула.

— Вы сдаётесь, Майорс?

— Да... я не могу.

— Вот поэтому я и говорю, что вам нечего делать в этой академии. Никакого упорства и желания что-то продолжать.

Его холодный тон неожиданно сильно меня задел. Я на мгновение открыла глаза, чтобы бросить в него раздражённый взгляд, который должен был его задеть тоже, но вряд ли,

конечно, добилась этого эффекта, но хоть что-то. Пусть не считает, что может говорить столь грубые вещи так просто, а потом со вздохом снова напрягла зрение и вгляделась в предмет.

— Подскажу на первый раз. Это ювелирное украшение

— Кольцо? — Без особой надежды спросила я. — Брошка?

— Не угадывайте, смотрите.

Я облизнула губы, коснулась чашки. Начала примеривать имена на этот предмет. Брошь? Нет, не то. Кольцо? Нет, тоже не то. Вот бы стереть это облако гнева, чтобы посмотреть, что там за ним. Я подняла руку и словно потёрла ладонью над кружкой. Колючее. Я нахмурилась, напрягаясь, пытаюсь разглядеть это нечто. И да, кажется, оно и правда не красное... а зелёное. Я вдруг увидела. Увидела кусочек...

— Майорс? — Встревоженный голос мистера Д'армэ вывел меня из транса, я попыталась сфокусироваться на своём директоре, от него за милю разлило тревогой, которая, кстати, плескалась в его карих невозможных глазах.

— Что?.. — Я облизнула губы, они были мокрыми, сладковатыми с металлическим привкусом, я испуганно посмотрела на мужчину. Мы оба сидели на ковре, только вот я почти лежала у него в руках, что вызывало массу вопросов. Я подняла руку и задумчиво отёрла верхнюю губу, рука была красной...

— Ты перенапряглась... — едва слышно ответил мне мистер Д'армэ, все также оглядывая меня. — Потом побледнела и я едва успел тебя поймать.

— Вы просто мой ангел-хранитель... — также тихо ответила я, отодвигаясь и принимая от него платок. От него засквозило чем-то тёплым, вроде радости или благодарности, а потом он снова заблокировал свои эмоции.

— Ты в порядке? Если хочешь, можем закончить...

Я его до чёртиков напугала, вдруг дошло до меня. Я замерла, потирая виски и подняла на него глаза. Он и правда за меня испугался, весь его напор сразу куда-то делся, я больше не ощущала этого эмоционального давления на себе, он готов был отступить. Неужели до него только сейчас начало доходить, что он не в своей гильдии с тренированными бойцами, которые готовы извернуться наизнанку, но впечатлить его? И что я не боец, я девушка, априори хрупкое и нежное существо, так банально могущее перенапрячься.

— Я видела. — Его светлые брови приподнялись в вопросе. — Видела кусочек.

Когда я снова села на ковре перед кофейным столиком и сосредоточилась, то услышала шепот:

— Я знал, что у тебя получится.

Знал он... странно все это. Он беспокоится, но пытается выжать из меня максимум? Я для него вроде и инструмент, вроде и живой человек, было бы проще, по-моему, если бы он уже определился на этот счёт. Я закрыла глаза, решив ничего не отвечать на эту фразу, да и не знала я, что тут можно сказать. Мне требовалось время, чтобы настроиться, когда я почувствовала знакомое напряжение в глазах, я попыталась как бы растянуть тот видимый кусочек, стянуть покрывало невидимости, что ли. И вдруг... Я оторопело уставилась на вещь, открывшуюся мне так ясно.

— Это серьга. Зелёная. — Я открыла глаза и снизу-вверх посмотрела на главу военной гильдии, он также смотрел на меня. Я подняла чашку и увидела её. Это была она, я коснулась холодного металла и грозди зелёных камней. Меня наполнила радость и гордость от содеянного. — Я видела её... именно такую...

— Поздравляю. — Скупно улыбнулся мне мой директор. Но я, вдруг позабыв о своей неприязни, быстро поднялась с пола и кинулась ему на шею. Ну... точнее, я изобразила, что забыла. Это был повод. Он сжал меня от неожиданности, и я, уже готовая поставить себе за актёрскую игру отличную оценку, вдруг задохнулась. В прямом смысле. Мы касались и раньше друг друга, но вот сейчас меня бросило в жар, по мне пробежал тот самый ток, как от касания с его вазой. Я поняла, что его тело... как бы это сказать, я нравлюсь его телу. Я не могу это объяснить, его эмоции были также полностью заблокированы от меня. Хотя может я все придумала...

— Простите. — Я отстранилась, отворачиваясь. Мне было жарко и ещё кружилась голова. Но его объятия мне понравились, они были тёплыми и манящими, да и сам этот мужчина, он пьянил меня, и это пугало...

— Вы покраснели.... Это так мило.

Я поняла, что краснеть дальше уже просто некуда.

— Извините...

— Да ничего. — И снова эта насмешливость. Надо перевести тему.

— А почему одна?

— Моя мать имеет сестру-близнеца, когда они выходили замуж, моя бабушка подарила им эти серьги, которые должны были напоминать им о друг друге.

— О... это так... трогательно, — я погладила серьгу. А потом вдруг усмехнулась пришедшей в голову мысли.

— Почему вы смеётесь?

— Просто я подумала, что вы будете, скорее всего, отцом близнецов.

Я замерла, мистер Д'армэ смотрел на меня с непередаваемым изумлением на лице и даже его рот немного приоткрылся, а рука, которой он собрался поправлять волосы, замерла в воздухе.

— Что?

— Говорят, это передаётся через поколение... — пролепетала я, когда до меня дошло, что я тут сказала и кому, я тут же извинилась. — Извините. Это было неуместно. Продолжим?

Я с готовностью закрыла глаза. Пусть забудет всё, что я лягнула. Ох... вот же...

Послышался стук.

— Готово.

Следующие пять предметов, хоть и с подсказками я худо-бедно опознавала. Застопорилась на носовом платке, ибо у него не было эмоциональной окраски и вообще опознавался он как-то странно. Видимо, у меня это часть самая сложная будет. Ещё три вообще очень легко узнались мною, поражая меня и приводя в дикий восторг. После каждой удачи я поворачивалась к своему директору и благодарно ему улыбалась, больше бросаться на шею не спешила, но выразить свою признательность хотелось. Я яснее видела линии, те эмоциональные линии, что-то незримое, что подсказывало мне, как правильно, и вело меня, и когда я не сопротивлялась, открывало новое. Один раз я даже, преодолевая боль в голове, взглянула на мистера Д'армэ, но тут же отвернулась. Его эмоции теперь были мне видны, цветом, а не только ощущениями. Так что я видела целое облако разноцветных вихрей вокруг него.

— Итак, — услышала я с закрытыми глазами и предвкушая очередную такую же победу, — последний лот, господа.

Я хихикнула. Настроение было просто отличным. Я потянула руки к чашке и замерла тут же. Это был ювелирный предмет. Определённо. Из последних девяти мне уже попадались несколько, как та серьга, у таких предметов был определённое металлическое послевкусие. Я не смогла бы о нем рассказать, это было на каком-то интуитивном уровне. И ещё... этот предмет окутывал такой же туман, как и самого мистера Д'армэ, целый вихрь разных эмоций. И у них знакомых привкус, этот предмет мистер Д'армэ часто носит с собой, иначе было бы не так ярко. Но только все эмоции были какими-то тяжёлыми: боль, гнев, злость, отчаянье, тревога, но в тоже время какая-то странная нежность, любовь, и вот опять отчаянье, тоска, грусть. Стоило мне подойти ближе, предмет будто бы заметил меня, он обратил на меня внимание. Я испугалась. До этого это просто были предметы, как стул или стол, они были неживые, бездушные, а тут... Я отдернула руки, вскакивая на ноги, кинула быстрый взгляд на владельца этого предмета:

— Что это такое? Оно... будто живое. И ещё очень мощное.

Мистер Д'армэ сменил позу с расслабленной, будто он просто приятно проводил время, на более собранную, весь подался ко мне, внимательно вглядываясь:

— Попробуй ещё.

Я снова села и уже с опаской потянула руки туда. Стоило мне это сделать, как почувствовала зов. По телу пробежали мурашки, мне стало холодно, я слышала, как оно звало меня... Оно что-то шептало мне, говоря, что я ему нравлюсь, что мне не надо бояться, что оно хорошее. Я провела кончиками пальцев по кружке, даже сквозь тонкий фарфор я чувствовала мощь, власть. Древняя вещь, передающаяся через многие поколения, сила, накопленная и сконцентрированная в этом предмете и пугающая меня.

Коснись меня. Открой кружку, дотронься до моего металла.

Серебро. Это определённо оно. Да. Оно... это — кольцо. Я вдруг словно прозрела увидев во всех деталях, словно открыла глаза и держала кольцо на своей ладони. Это большое такое кольцо, даже скорее перстень, представляющий целое произведение искусства, настолько искусно выполнено оно. Я видела его пару раз на руке у директора, и, наверное, именно его он мне тогда давал, чтобы защитить, но я никогда не всматривалась в него так пристально. Посередине был изображён скипетр, который был украшен довольно большим ярко-золотым камнем, а его по бокам держали два небольших дракона, чьи тела и составляли почти все кольцо.

Сделай это.

Я замерла, в моей голове вдруг возникла картинка, я поднимаю кружку, достаю кольцо и одеваю себе на палец, а кольцо, вдруг ожив, двумя змееподобными дракончиками обвивает мою руку и ползёт выше. Дракончики были как живые, их глаза сияли золотыми камнями и языки шевелились на манер змей. Картинка была настолько реальной, что я, вскрикнув, отползла от столика, пытаюсь смахнуть что-то с руки, мне даже будто бы мерещилось движение на руке.

— Майорс?

Я потёрла руку, приходя в себя после этого странного видения.

— Что ты видела?

Говорить ему или нет? Может это галлюцинации? Перенапряглась и теперь вижу странное. Ведь предметы, даже древние, не приказывают и не посылают всякие картинки прямо в голову. Ведь так?

— Это кольцо. Оно очень древнее, наверное, семейная реликвия. Из серебра и с

золотым камнем.

Мистер Д'армэ судя по всему хотел сказать что-то каверзное, но тут его лицо замерло, а потом он настороженно уточнил:

— Золотым?

Я кинула, но правда уже не так уверенно. Я же видела с золотым, верно? Как глаза у тех дракончиков, покусившихся на мою руку, которых я никак не могла выкинуть из головы. Но с чего ему так удивляться? Это же его вещь, он точно должен знать, какого цвета там камень, разве нет?

— Золотым, значит...

И такой странный понимающий взгляд, который окончательно выбил у меня из-под ног почву уверенности.

— А что нет? — Зло спросила я, сердце стучало, и руки немного тряслись, когда я рывком отодвинула кружку и посмотрела на кольцо. Такое же, как я видела, но вот камень был не золотым, а черным. Черным. Но как же так?.. Я ведь так ясно всё видела... Я, позабыв о своём страхе, осторожно взяла довольно тяжёлое кольцо и подняла его повыше, взглядывая в грани и камень. Он завораживал меня.

Одень меня.

Я тут же выпустила кольцо из рук, едва почувствовала, как оно буквально начало охотиться за мной, оно со стуком упало на ковёр. Я нужна была ему, словно эта сила тянулась ко мне. Я отодвинулась назад, не сводя с глаз с этого опасного и древнего предмета. Странно, что мистер Д'армэ носит такие вещи с собой каждый день.

— Бывают, люди ошибаются.

— Да...

Я отвела глаза, рассказывать про свои ощущения не хотелось, было даже немного стыдно за них, потому что мой директор смотрел на меня так подозрительно, словно я сокрыла нечто очень важное и сейчас, как последний негодяй, молчу.

— Знаете, я очень устала, пожалуй, я пойду спать.

Я так и смотрела куда угодно, только не на кольцо, потому что мне сразу начинал мерещиться голос, звавший меня, и ни не в глаза мистеру Д'армэ. — Куда мне лечь? Куда угодно, только не в вашу спальню?

— Отчего же?

— Что?

— Я вам уступаю её, все равно вы там уже спали, а если ложиться мне, то надо менять и постельное бельё и всё остальное. Так что не утруждайте себя, ложитесь там.

— Мне право очень неловко забирать у хозяина спальню.

— Идите уже, Майорс, пока я не передумал.

Отступление. Фейнир

Мистеру Д'армэ не спалось в эту ночь, он сидел внизу, смотря то в камин, то в книгу, иногда вслушиваясь в тишину и потом быстрыми шагами взбегая наверх и входя в свою спальню по зову крика оттуда. Что ей снится такого, думал мужчина, облачиваясь на дверной косяк и замирая, что она с криком посыпается? Виноват ли тот мерзавец, что мучил её?

В первый раз он зашёл, но остановился в дверях, прислушиваясь к гулкому вою в

подушку, которой стих уже через пару минут, и она снова спала. Второй раз она заснула почти сразу, уже не воя так тоскливо, что у мужчины волосы на теле вставали от ужаса. Каждый раз он подходил, собираясь дотронуться до её тонкого плеча, милого личика и отступал... И вот уже утро, он стоит рядом, разглядывая её в его собственной рубашке, в его собственной кровати, лежащую и крепко стискивающую подушку. Те женщины, что ему встречались, обычно разваливались звёздочкой на кровати, выталкивая самого хозяина, а тут... милое создание ютилось на самом краю, едва прикрывшись одеялом, но зато стискивающее подушку мёртвой хваткой. Она занимала так мало места, а ведь она и так довольна мала, что по росту, так и по размеру, хорошо, если до плеча потянет мужчине.

Покачав головой, Эвиан Д'армэ вышел из спальни, сна было ни в одном глазу, не только от того, что видел, как эта девчонка совершала то, чему опытные маги обучались десятками лет, но и того, что его кольцо, Фейнир, рвалось с руки, обжигая пальцы и желая остаться там, где маленькая хрупкая девушка спала, буквально притягивая к себе взгляд хозяина этой спальни. Эвиан сопротивлялся, как мог, но древняя вещь почуяла свою добычу и желала её получить любой ценой. Рано или поздно так и получится, но не сейчас.

— Оставь её, — тихо попросил глава военной гильдии, откидываясь на подушки, разбросанные на диване.

«Упустиш-шь», — прошелестело кольцо, но затихло. Он и сам не понимал, почему не может прямо сейчас подняться к ней в комнату, взять её тонкую ручку, которая будет казаться совсем маленькой по сравнению с его, большой, и осторожно надеть громоздкое кольцо на один из её миниатюрных пальчиков. И тогда на ней будет его метка, никто не тронет её, не обидит, она всегда будет в безопасности, с ним. Никуда от него не денется. Правда вот, когда она узнает... на тонких губах мужчины заиграла улыбка. Мда... перед глазами тут же встало её лицо, гордое, строгое, эти укоризненные тёмные глаза, смеряющие его оценивающим взглядом. Она будет так возмущена, что наверняка даже лишится дара речи.

«Мальчиш-шка, ты упустиш-шь её. Глупец...»

Может так и оно лучше. Подумаешь, золотой...

«Действительно, такое ш-ше случш-шается каш-щдый день» — шипящие нотки из издевающихся стали угрожающими. — «Не прощ-щу» — сообщил древний дух и затих, оставляя мужчину сверлить взглядом потолок.

Глава 15. Голос сердца

Прошло какое-то время, прежде чем я смогла свыкнуться с мыслью, что бабушка отступила ненадолго, и я могла выдохнуть. Все продолжалось, как и обычно, хотя порой замечания кое-кого кололи меня даже больше и обиднее, чем раньше. А мистер Д'армэ решил видимо довести меня своими приставаниями совершенно до безумия, и потому придирки были постоянными, грубыми, но как ни странно всегда по делу, потому что этот невозможный мужчина везде находил даже малейший недостаток. Первое время я злилась и неистовствовала, но потом это даже пошло мне на пользу, я просто не могла уже обижаться на него, когда тебя отчитывают десятки раз за день и, судя по смешкам, я стала девочкой для битья.

Каждый раз я стояла, слушала всё это и спрашивала себя: доколе? Доколе всё это безобразие будет происходить? И доколе я буду это терпеть? Стоит ли мне сейчас

взбунтоваться и кааааак высказать ему все это? Что мол это как-то совершенно меня не устраивает. Наверное, нет... если не воспринимать всерьёз все его слова, а пропускать через себя, то становится легко и не обидно, будто бы и молчит. Но совершенно непонятно: собственно, в чем проблема то? Из такого поведения мистера Д'армэ можно сделать два вывода, как мне кажется: либо я чем-то его ужасно разозлила (покусилась на его семью, разбила любимую вазу, али ещё что), либо он испытывает ко мне симпатию. Оба варианта были странными. Первый оттого что, что, когда мы расстались утром того дня, мистер Д'армэ хоть и был немного уставшим и не выспавшимся, был весьма мил и радушен, улыбался и прямо-таки излучал позитивную энергию, правда не захотел отдавать моё свадебное платье... сказав, что он его сжёг. Ага. Ночью. От испуга. Потому что принял за привидение. В купальне. Пришлось поверить, потому что другого варианта как-то не было. Не любит же он там на него, ей-богу? Второй вариант казался мне ещё более нелогичным, я о таком слышала и в романах читала, но вот всегда была несколько удивлена, услышав подобное. Это же так нелогично, что тебе кто-то нравится, и ты вместо симпатии пытаешься обидеть или задеть этого человека. Разве это правильно? Разве что... вдруг пришло мне в голову, пока я смотрела на то, как рот мистера Д'армэ распахивается и закрывается, как сменяются эмоции на его лице, как он взмахивает руками, видимо пребывая в каком-то совершенном экстазе от того, что он говорил. Разве что он и сам не знает об этом? Нет, это глупо. Он же не глупец? Вот уж точно его я глупым бы не назвала. Тогда может ему не нравятся собственные чувства ко мне? Уже ближе к истине, мне кажется... что ж, это всегда непросто — признавать подобные вещи...

Мне понадобилось довольно много времени, чтобы признать, что меня все же тронул мистер Д'армэ и его неадекватность. Он мне нравился, это было правдой, но это чувство было ещё слабо и неустойчиво. Я рассматривала его со стороны, испытывая странную смесь недоумения и сожаления, ведь вокруг меня находится множество достойных мужчин, но чувство вдруг проклюнулось в моей душе только к одному, продолжающему отравлять мне жизнь. Каждый день я смотрела на свою реакцию на его слова, рассматривала мистера Эвиана Д'армэ и пыталась понять, что я в нем нашла такого, что он начал мне нравится? Может быть я мазохистка? Или что? Это же ненормально, когда ты позволяешь обращаться с собой плохо, особенно если ты женщина, а он мужчина. Ох... нет тут никакой разницы! Все равно нельзя плохо обращаться, какого бы пола не был другой человек. В любом случае это было странно, я должна была возненавидеть его, чувствовать отторжение, отвращение, да что угодно, кроме симпатии. Так что я была также нелогична, как и он. В общем, достойны друг друга...

Я улыбнулась своими мыслям.

— Что с вами не так, Майорс?

Звук все-таки включился.

— А с вами? — Парировала я, он покачал головой в ответ, садясь за стол. Разнос явно был окончен, впрочем, я снова прослушала, что собственно он хотел от меня.

— Идите уже, Майорс.

— Как скажете...

— Вы вообще меня слушали?

— Конечно, — соврала я, не моргнув и глазом, однако мою ложь тут же опознали:

— Ни слова, похоже. Зачем тогда стоило вас чему-то учить у меня дома, если вы все равно не пользуетесь этим? И делаете такое же барахло, как и до этого?

Я изумлённо распахнула глаза, пытаюсь припомнить, чему он обучил меня такому, что можно применить конкретно к тому проекту, что валялся сейчас у него на столе и собственно был рассадником всех разносов в моей жизни, ну и ещё пара артефактов, которые мне также надо было сделать по учёбе. Вне зависимости сколько времени и сил было в них вложено, я слышала лишь одно: ты не стараешься, и ты можешь лучше. Насколько я помню, я научилась видеть эмоциональный фон цветами и ещё немного видеть сквозь предметы. А пока и все... или я что-то пропустила?

— Вы похоже так и не поняли.

— Не поняла что?

— Я не буду вам ничего объяснять, Майорс. Наконец то включите собственную голову.

С этими словами и тяжким вздохом меня нагло выставили за дверь. Пришлось, пожимая плечами, отправится восвояси. До самого вечера меня мучали различные сомнения на счёт слов директора, и я снова и снова обращалась взглядом к ненавистному уже кольцу, пыталась взглянуть в него, но ничего не видела, кроме эмоционального фона, уже изрядно подпорченного моими эмоциями, которые не были положительными в процессе его создания. Так что я просто бросила это дело, поморщившись, когда в голове голос мистера Д'армэ произнёс, что я снова опускаю руки, даже не начав. Он уже и в мою голову забрался...

Посреди ночи меня вдруг посетило вдохновение. Я писала конспект, нужный для завтрашней лекции, и вдруг почувствовала это. Дикое желание начать творить. Чувство мне было знакомо и обычное я с ним не спорила, так что отложив все, я просто села делать новый артефакт. Однако в этот раз все было совсем не так. Где-то через полчаса тщетных попыток я изумлённо уставилась на зачатки артефакта в виде броши. Что-то шло не так... я не могла объяснить это. Стоило мне сесть за работу и попробовать сосредоточиться, меня словно что-то останавливало, я будто бы слышала голос, который твердил, что нет, я делаю все не так. И я замирала, вспоминая основы, перечитывая лекцию по артефакторству для порядка и снова берясь за работу, и снова возникало это чувство. Все было не так, привычные правила и законы словно казались мне противоречивыми и ложными, но я все же не решалась их нарушить, кто я такая, чтобы это делать?

Походя по комнате в задумчивости и поразмышляв на тему собственной раздумывательной невнятности, я вернулась за рабочий стол. Я решила попробовать, рискнуть и сделать не так, как надо. Когда я начала делать, я вдруг почувствовала, как надо делать, словно бы мне подсказали. Мои руки вели, вкладывая в них действия и пассы, энергию, я была лишь наблюдателем, которому показывали. Невероятное чувство, божественное. Артефакт вылепливался сам, будто бы подсказывая мне, как сделать его сильнее, мощнее, лучше, и меня пьянило это странное чувство. Порой мой разум хватался за голову и пытался остановить меня, но я решила идти до конца. Я закончила артефакт, когда уже светало, я разглядывала цветок, с помощью магии застывший и никогда теперь не потеряющий своей формы и цвета, завёрнутый в ткань и украшенный бусинами, снизу была булавка, которая крепила брошь к одежде. Я смотрела на артефакт и оценивала его по внутренней шкале, которая существовала для артефактов в моей голове: были артефакты мощные и очень красивые, то есть по всем параметрам очень хорошие для меня, были также и вещи, которые были сделаны быстро, тляп-ляп или наобум, они были не очень хороши. Чаще всего каждый следующий артефакт был лучше предыдущего: красивее, профессиональнее, эстетичнее, а тут... он был лучше всего, того что я делала раньше. Это

была новая ступень. Я сделала нечто невероятное, впервые в жизни я искренне собой гордилась. Брошь была простой и очень действенной, проверить у меня получилось её только на кровати, хотя, конечно, она живым существом не являлась. Брошь была защитной, отражала лёгкие проклятия и несложные заклинания. Я от пыталась кровать сжечь, но брошь впитала в себя заклинание, и цветок поменял свой цвет с бледно-розового на насыщенно-алый, а потом, когда я одела брошь на себя, она отдала мне всю энергию впитанного заклинаний. Я была впечатлена.

Придя утром не выспавшаяся, с кругами под глазами на пары, я тут же попросила Инга и Рису испытать на мне что-нибудь этакое, и... это снова сработало. Я была так горда собой, что подошла после пары к профессору Теодоросу, готовая похвастаться тем, что сделала. Я и раньше так делала, он почти всегда был рад помочь ученикам с артефактами, которыми мы сделали для себя, похвалить за проделанную работу или просто разделить с тобой гордость за это. И вроде бы сначала все было как обычно, профессор, поправляя очки и цокая, как обычно он делал, оглядывал мою брошь, держа её в тонких и сухих пальцах, но потом... его лицо вдруг потемнело, между бровями родилась складка, заставляя внутри все тревожно ёкать.

— Что это? — Движения его рук поменялись, и теперь он держал мой артефакт на вытянутых пальцах, словно дохлое животное. — Алексия Майорс, я спрашиваю вас, что это?

Он обратился ко мне на «вы», он назвал меня по фамилии, и он был раздражён, в общем, дело было дрянь... я сглотнула. Неужели он понял?..

— Артефакт?..

— Нет, это потенциально опасный предмет. О что ты вообще думала, создавая его?

Он снова перешёл на «ты», — это радовало, как и то, что большинство учеников уже ушли и мало кто обращал на наш разговор внимание.

— Я просто... просто я подумала, что...

— Что ты умнее всех? Что ты можешь обойти все правила? Это не так, моя девочка.

С этими словами сухие ладони сжали мой артефакт, а через секунду мне в ладонь высыпали пепел, который остался от броши и обугленную булавку.

— Никогда больше не смей так делать. На первый раз я прощу тебя, сделав вид, что этого разговора никогда не было, но больше такое не повторится.

Я смотрела на пепел в своих руках, ещё тёплый, и не могла все ещё осознать, что это кучка серого вещества — та вещь, которой я гордилась ещё каких-то пару минут назад, я подняла глаза на профессора Теодоруса. Внутри словно что-то умерло...

— Ты поняла меня?

— Он же работал.

— В этом нет никакой разницы. Либо по правилам, либо... — его взгляд выразительно остановился на пепле. — Это было опасно. Он мог рвануть в любой момент и пострадали бы все. Так что... поверь мне, ты не самая умная здесь.

Уже стоя в коридоре и все также задумчиво пялясь на пепел в своей ладони, я чётко знала две вещи: всё, что только что сказал профессор Теодорус — ложь, и то, что я права. Пепел осыпался на пол, отряхивая ладони, я шла по коридору, в голове зрел план. План нового артефакта. Меня душила обида, вперемешку с гневом, потому что на моих глазах только что убили моё детище, да, эти предметы не были «живыми», как например то кольцо мистера Д'армэ, но черт возьми... Это был мой артефакт, и только я имею право его уничтожить, тем более что он был полностью безопасен. Холодный голосок разума уточнил

в голове: а собственно с чего я это взяла? И не зналась ли я, считая, что я и правда умнее их, людей, которые преподают, которые знают больше, чем я? Это охладило мой пыл, и я, забыв про все остальные предметы на сегодня, помчалась в свою комнату. Там я свалила тетради и учебники на кровать и вывернула ящик стола, там лежало штук десять заготовок для артефактов, как доделанных, так и находящихся в зачаточном состоянии. Я смотрела на них, и я видела, что из них потенциально опасно, где действительно были нарушены жизненно необходимые для выживания законы артефакторства, а где — нет. Я видела. Это не было моей фантазией или придумкой, я прямо-таки чувствовала, что эти предметы лучше не трогать, раньше я просто их обходила стороной, считая, что они неказисты, или просто не обращая на них внимания, но теперь для меня стало понятно это чувство — это было чувство опасности.

Я выдохнула, облакачиваясь на кровать спиной и устало разглядывая на погром, вытащенный из ящика стола. Я видела. Но что это давало мне на самом деле? Неужто то я и правда считаю себя умнее их? Считаю, что могу видеть то, что им недоступно? Что я лучше них разбираюсь в том деле, где профессор Теодорус преподаёт уже почти полвека? Смешно... но в тоже время не доверять себе у меня не было привычки, я не подводила себя...

Меня рвало на части: мои новые возможности распирали меня, я чувствовала, что это нужно и правильно, что там я найду то, что ищу, что там столько всего неизведанного, что мне хватит до конца жизни искать там истину, но в то же время существовали рамки и нормы, из которых выходить было нельзя под строжайшим запретом. Много умных людей составило рамки и законы, чтобы другие умные люди не калечили себя или других, делая опасные предметы. Но эта брошь не была опасной! А если нет?.. вдруг я ошиблась? Вдруг моя гордыня и тщеславие настолько застили мне глаза, что я не вижу опасности? Вдруг мне просто кажется, что это безопасно, но на самом деле меня только что спали от глупости, от которой могла пострадать не только я, но и люди вокруг меня?

Я снова вздохнула. Сложно... куда идти? За сердцем? Или за общими законами?

Поход за сердцем может закончиться печально, все ошибки на мне будут, и за каждую такую ошибку с меня спросят сполна, а если по второму пути... я закрыла глаза. Там нет души и акта творчества, только механика и немного фантазии.

И что же мне делать?

Эти мысли связали мне руки, я так и не смогла больше притронуться к артефактам, как к новым, так и старым. Несколько дней я пребывала в такой прострации от того, что происходило со мной, что вообще с трудом соображала. Я никогда не нарушала правила или, по крайней мере, старалась, а тут я официально пошла на поводу у собственной интуиции, тут же получила щелчок по носу и чёткие указания не высовываться. Намёк был прозрачен и весьма очевиден, как должна быть очевидна и моя реакция на это — подчиниться.

— Да что с вами такое, Майорс? Вы опять меня не слушаете?

Кабинет директора стал мне родным, я перестала мучить обивку кресла, пытаюсь вытащить из нее набивной материал, и задумчиво уставилась на разъярённое лицо мистера Д'армэ.

— Что первично: сердце или общество?

— Что? — Его гнев растаял, явив мне совершенно растерянное лицо. — Вы о чём вообще сейчас?

— Если бы у вас был выбор, как поступить: пойти за своим сердцем или сделать как

«правильно», как бы вы поступили, мистер Д'армэ?

Мой голос звучал жалобно тихо.

— Что происходит?

— Просто ответьте на вопрос.

— Пошёл бы за сердцем. Предательство себя — худший из грехов.

— А если бы это навредило другим? Если бы это был ошибочны путь? — Я подалась вперёд, ловя его ответ всеми фибрами души.

— Значит таков твой путь. Надо принять за это ответственность. Майорс, что вообще за вопросы?

Я встала и забрала со стола директора аграмант и кольцо.

— Мне нужно идти... правда... — прошептала я под его напряжённым взглядом, а потом, будто оправдываясь, объяснила, — у меня вдохновение...

И пока он не одумался, выскочила за дверь. В последний раз я так носилась по коридорам академии в тот день, когда был бал окончания академии, и когда приезжал Вэрт, мы бегали с ним как сумасшедшие. Скинув все со стола, я решительно достала чистый лист бумаги и начала творить, наплевав на все правила и самого профессора Теодоруса.

Глава 16. Ночной гость

Я сидела как раз и тёрла глаза, руки были черными от карандаша, да и лицо, наверное, тоже, часы упорно показывали почти полночь, а я также упорно не желала спать, у меня было вдохновение, и я писала аграмант так, как никогда в жизни. Стук в дверь вывел меня из сонного ступора, и несколько секунд я взирала на дверь, потом на часы, потом опять на дверь, но все же решила открыть. Может Риса чего-то у меня забыла? Я открыла дверь, давя зевок, да так и замерла. Внутри я чертыхнулась, когда до моего сонного мозга дошло, кто стоит передо мной, и второй раз, когда в чём перед ним стою я. Мистер Д'армэ оглядел меня с ног до головы и, оттеснив плечом, закрыл за собой дверь в комнату.

— Чем обязана? — Получилось грубее, чем хотелось, потому что внутри я боролась с собственным стеснением и любопытством. Нелёгкая битва.

— Мне нужно то кольцо, которое не позволяет другим замечать носителя.

— Насколько я помню, вы считали его не слишком полезным, — разворачиваясь к нему спиной и перебирая вещицы в ящике стола, уточнила я. Тогда почему я вообще его ищу для него? Потом я вспомнила, что, наверное, я убрала его в шкаф, поэтому перешла туда и шерстила коробки там.

— И до сих пор так считаю, но сейчас оно мне нужно.

Я одарила его «тёплым» взглядом и протянула, наконец, кольцо ему. Он же пристально взгляделся в моё лицо, неожиданно решившее зевнуть, и вдруг спросил:

— Сколько артефактов в твоей комнате?

— Что? — Я замерла посреди комнаты и задумчиво потёрла переносицу пальцами, — Зачем вам это?

— Просто ответ на вопрос.

Я пожала плечами:

— Много.

— Примерно сколько? Больше ста или меньше ста?

Я попыталась посчитать: есть мешок с каждого курса, там свалены и работающие и не

очень артефакты, но они слабенькие, обычно за год я штук сорок делала и это те, что удались, правда потом многие приходилось все равно выбрасывать, а учитывать надо ещё ту коробку, что стоит под кроватью и те коробки и корзинки, что в шкафу. И ещё есть артефакты, которые стоят на полке, это из часто используемых. Я поймала себя на том, что вовремя думания вытягиваю губы трубочкой, да так и стою, заметив по хитрым смешинкам в глазах мистера Д'армэ, что не я одна это заметила, я тут же сделала нормальное лицо. И чувствуя, как кровь прилила к щекам, пробормотала:

— Больше ста...

Впрочем, его мои артефакты интересовали явно больше, чем мои губы трубочкой.

— И они вот так у тебя и лежат: перемешанные, без бирок, что для чего, новые со старыми, работающие с неработающими?

Я оторопела сначала, потом почувствовала себя уязвлённой. До этого меня ни разу не уличали в неряшестве, и сейчас это было просто унижительно.

— Прошу меня простить, мистер Д'армэ, — начала я, чувствуя, как завожусь и уже хочу проклясть этого злосчастного мужчину, который пришёл в мою комнату и говорит мне столь обидные вещи, — но я сама разберусь, что мне делать с моей комнатой и моими артефактами.

Видя, что он собирается открыть рот, я подняла руку и продолжила:

— Я знаю каждый артефакт в этой комнате, я могу вспомнить каждый аграмант досконально, так что я разберусь с этим сама.

Я сверкнула на него глазами и сложила руки на груди, выказывая недовольство.

— Алексия, меня несколько не волнует уборка твоей комнаты, это и правда твоё решение. — Я оцепенела, недоуменно вглядываясь в его лицо, спокойное и невозмутимое. Он только что назвал меня по имени... в первый раз. И на «ты». То обычно все по фамилии, да и ещё так чопорно. Что это за ощущение?.. — Твой гнев беспочвенен.

— Но вы же...

— Алексия, — от него распространилась по комнате тёплая волна, но увидев мой удивлённый взгляд, она растворилась, сменившись безразличием. С тех пор как он узнал, что я эмпат, он стал настолько хорошо контролировать свои эмоции, что прочитать его было практически невозможно. А вот такие тёплые, почти нежные, волны, как я замечала, частенько проскальзывали, если он забывался в моем обществе. Однако он сразу купировал их, что наводило меня на странные мысли. — Я хочу предупредить тебя, что это может быть банально опасно, кроме того, что хранить так много артефактов в одном месте, это просто безумие, так и ещё перемешивать их и хранить как попало. Хотя бы утилизируй, что не надо. Если тебе будет нужна помощь или комната для хранения, просто скажи, мы обсудим это.

— Да... хорошо. Простите.

Я была сбита с толку... Я не думала даже об этом. Да и к тому же, с чего такая забота обо мне? Для человека, прохладно относящегося ко всем, кроме себя, и достающего меня своими придирками, сейчас он проявлял почти отческую заботу о моем благополучии. А сердце стучало невпопад, и кажется, думая обо всем этом, я снова покраснела. И да... меня это начало вдруг пугать. Сама мысль, что я могу попасть под заботу и доброту такого человека сулила неприятности всем вокруг меня. И не дай бог стать его любимой... я слабо улыбнулась Эвиану Д'армэ. Он поднял руку, внутри всё сжалось, когда он опустил её на мою макушку и погладил вниз по волосам.

— Тебе лучше лечь спать. Выглядишь очень уставшей.

И снова на «ты», будто мы с ним старые добрые друзья и давно знакомы, да и голос такой нежный и тёплый. Заботливый... Волосы встали дыбом. Зачем он это делает? Зачем?..

— Да... я уже скоро... — оправдываясь, пролепетала я, убирая выбившуюся прядь волос за ухо, я чувствовала себя ребёнком, которого уговаривают лечь спать. — У меня там артефакт недоделан. Его надо закрепить, прежде чем лягу спать.

Я махнула рукой на стол, где лежала смятая бумага, инструменты и поверх горы исписанной бумаги моё творение — ещё одно кольцо. Я уже и сама начала уставать от колец и украшений, но другой формы что-то не придумывалось.

— Это то самое кольцо? — Глава военной гильдии с интересом подошёл к столу и уже хотел взять кольцо в руку, но мне пришлось перехватить её прежде, чем он успел дотронуться до него.

— Нет! — Уже через секунду, осознав всё, я отпустила её и испуганно уставилась на мистера Д'армэ, и только потом тихо пояснила. — Оно не закреплено, и это может повредить вам руку.

На его губах заиграла странная улыбка, заставившая внутри всё затрепетать, я тут же отвела глаза и решила сменить тему:

— Это не совсем то кольцо, это другое... я сделала его... я... сделала его по интуиции, а не по правилам...

— О... ты все-таки решилась? — Понимающе отозвался директор, вгоняя меня в краску, а потом... Что? Решилась? Все-таки именно это он имел в виду тогда, в кабинете? Довериться интуиции? Мог бы и сразу сказать, а не играть в игру «прояви свою фантазию».

— Да... правда вот...

— Что?

— Я показала один из подобных, сделанных по наитию артефактов, профессору Теодоросу, и он уничтожил его. — В моем голосе звучала неприкрытая обида, брошь мне была дорога, и я не могла просто так простить своего преподавателя. — Почему вы говорите мне поступать так, довериться себе, а он... он говорит, что это невозможно?..

Я подняла глаза от пола и переступила с ноги на ногу, поглядывая на молчащего мистера Д'армэ.

— И кому из нас ты веришь?

Он серьёзно? Мы немного не то сейчас обсуждаем...

— Я не знаю, кому из вас верить.

— Но ты сделала этот артефакт, — в качестве аргумента сообщил мне Эвиан Д'армэ с улыбкой. Я не знала, что сказать. Конечно, я верила ему больше... ведь только тогда после его слов, что надо довериться собственному сердцу, я смогла дать себе пропуск творить то, что творится, а не то, что надо.

— Вдруг так нельзя делать?..

Мой шёпот прервало поглаживание его руки по плечу.

— Не думай об этом. Можно. Твой дед делал.

— Что?..

— Как-нибудь расскажу тебе об этом, а сейчас мне надо идти... Могу я его тоже взять это кольцо с собой?

Я, изумлённая, поражённая, и его словами о моем дедушке, которые породили массу вопросов в моей голове, и его вопросом, растерянно замерла посреди своей комнаты, оглядывая мужчину так, словно видела впервые. Ну вообще в своей комнате я видела его

впервые, но это мелочи.

— Что? — Я опешила от его предложения, рассматривая его лицо в поисках злой усмешки и издёвки. — Нет! Ни в коем случае. Это тестовый вариант, и вообще... оно... оно другое.

— Лучше, да?

Мистер Д'армэ явно знал об этом больше, чем я, и его явно не пугало то, что я сделала артефакт не по правилам. Что же тут за тайны сокрыты? И как с этим связан мой дедушка?

— Это кольцо гораздо мощнее. А ещё его можно настраивать... от минимального удара, который может заставить человека потерять сознание до самого мощного, который... ну понятно...

— Замечательно, — тонкие губы растянулись в ликующей улыбке, я замерла, рассматривая их, и очнулась только от яркого и тёплого восторга, исходящего от ночного гостя волнами. — Тогда утром я заберу готовый вариант.

Он развернулся, чтобы уйти.

— Это может быть опасно.

— Да, я знаю, — его спина, затянутая в дорожную рубашку, была большой и выглядела нелепо на фоне моей комнаты. — Но зато это позволит тебе удостовериться на практике, что это работает.

Короткая полуулыбка в мой адрес.

— Я не про это... куда вы идёте, это может быть опасно для вас, да?

— Ты боишься за меня? — Его карие глаза впились в моё лицо, заставляя теряться в мыслях. Я смутилась:

— Нет... что вы. Просто я...

Мистер Д'армэ усмехнулся, как-то горько, подходя к двери:

— Неужели так сложно просто признаться в этом?

За ним тихо закрылась дверь, а я все продолжала также смотреть на ковёр и прокручивать в голове его вопрос и ту эмоциональную волну теплоты и нежности, что он послал мне напоследок. При чём очень даже целенаправленно. Я прошла в ванную и посмотрела на своё отражение. Красавица... лицо в чернилах и грифеле, волосы растрёпаны, одета в ночное, руки грязные... ну да, конечно... кто же ещё мог понравиться мистеру Д'армэ? Только странноватая девица-артефактор.

— А почему собственно и нет?..

Мой голос гулко отразился от стен и затерялся в комнате, я пожала плечами и пошла принимать душ. Ночь предстояла длинная и, как минимум, бессонная. За ночь я не только успела стабилизировать артефакт-кольцо и зарядить его, но и ещё добыть старенький амулетик со дна своего сундука с сокровищами, сам амулет был готов, я лишь модифицировала его и утром отдала в руки мистера Д'армэ вместе с кольцом.

— А это что такое?

— Прошу, просто возьмите. Это небольшая, но защита. Выглядит как кулон, вот тут если нажать, то выстрелит ядовитый дротик. Но один. Это как последний вариант защиты. Но имейте в виду яд сильный и смертельный.

— Не стоит, мне вполне хватит кольца.

Я сжала амулет в руке, готовясь.

— Вы хотели, чтобы я призналась, что я боюсь за вас? — Выдохнула я, понимая, что без этого совсем никак, он, одевающий кольцо в этот момент себе на руку, замер и внимательно

посмотрел на меня. Предвкушение. Интерес. Он даже не пытался скрывать свои эмоции. — Так вот, этот амулет и есть моё признание, возьмите же его.

Он закрылся от меня, снова, и я не смогла насладиться его удовольствием, хотя наверняка оно было весьма ярким. Мистер Д'армэ лишь сдержанно улыбнулся мне той же странной улыбкой, что и вчера, и забрал амулет. Когда он ушёл, я начала крутить оставшийся у меня в руках браслет. Амулет был не просто вещицей последней защиты, ещё он был тем, кто следил за уровнем его здоровья и передавал мне его. На браслете, когда он был рядом, я отметила максимальный уровень, минимальный уже был там. Так я смогу следить, будет ли с ним все в порядке или нет, а также для общего успокоения души, я сделала индикатор, чтобы он сменил цвет, когда мистер Д'армэ использует тот самый последний дротик. Зачем я это сделала, я и сама не могла сказать, но зато теперь я почти ежечасно сверялась с браслетом, проверяя уровень здоровья главы военной гильдии. Какая же я все-таки странная... сама же думаю о том, что ему не нужна ни моя забота, ни моя помощь, и о том, что не хочу быть той, кого он полюбит и будет защищать, ведь это довольно страшно, разнесёт же все вокруг. И все же... сама будто бы к этому и стремлюсь.

Глава 17. Пропажа директора

Первые три дня я смотрела на браслет неотрывно, словно боялась что-то пропустить, но все было тщетно — все оставалось также, на четвёртый день — тоже ничего нового, а вот на пятый...

— Алексия? — Мистер Теодорус взглянул на меня с беспокойством и тронул за плечо. — Ты в порядке?

Очнулась я уже на руках у Инга, который спокойно сообщил мне, что я все-таки упала в обморок, и потому он несёт меня в больничное крыло. Мне стоило долгих убеждений отказать ему в этом и упросить не носить меня туда, так как уже было всё в полном порядке. После того как он опустил меня на пол, я, попросив его забрать мои вещи, ринулась в свою комнату и заперлась там, сползая спиной по двери. Зачем? Разве это могло мне помочь? Нет, это вряд ли. Мистеру Д'армэ? Тоже нет.

Я подняла браслет к глазам. Его уровень здоровья был ниже среднего, намного ниже среднего, примерно в сантиметре от того места, которое я схематично пометила крестиком. Я опустила руку и выдохнула. Если до этого я боялась, панически боялась этого, то теперь пришло спокойствие. Вне зависимости от того, что произошло там с мистером Д'армэ, я бессильна помочь ему. Сообщить кому-то? Но вряд ли он отчитывался куда пошёл и что там будет делать. Значит, остаётся только ждать... и верить, что он выживет. Благо, я сноваглянула на браслет, его «последний шанс» активирован не был. Куда вы вляпались, мой дорогой директор?

Следующая неделя прошла как в тумане. Директор не явился, учителя перешёптывались, и из этих шепотков стало понятно, что все-таки что-то пошло не так, и никто понятия не имеет ни где он, ни что с ним. Чудно... Сколько раз за день я произносила «хоть бы жив остался» только одним богам и известно, но даже это ничего не меняло. Мир продолжал жить дальше, только кабинет директора как-то опустел, потеряв своего грозного владельца. А потом...

А потом меня вызвали туда. В кабинет директора.

Я шла, едва передвигая ноги. Одна часть меня с надеждой и замиранием сердца

вопросила: неужели? Вернулся? Но браслет показывал все тоже самое, так что такой вариант развития события был маловероятен. Скорее уж он отправился бы к целителям, а не в кабинет директора, да и все бы были уже на ушах. Значит нет, тогда кто там? И кто меня вызывает?

Я осторожно постучала в дверь и замерла. Как и ожидалось, мне ответил совершенно незнакомый мужской голос:

— Войдите.

Я осторожно вошла и замерла, оглядываясь и не решаясь пройти дальше.

— Проходите. Садитесь.

Мужчина говорил отрывистыми фразами, и я испытывала некое дежавю, когда от него волнами начало расходиться недовольство вперемешку с интересом. Я прошла к креслу и села, смотря на свои руки.

— Алексия Майорс, я так понимаю.

— Да.

Стул с грохотом отодвинулся, мужчина встал, и мне спокойным голосом приказали:

— Смотреть на меня.

Я подняла глаза и только тогда осознала, что подчинилась без промедления, словно сначала тело слушалось его, а только потом осознавало это. Это пугало. Неприятные мурашки поднялись от ступней вверх. Надо что-то спросить, его глаза буквально прожигают во мне дыру, и в его компании я не чувствую себя в безопасности:

— А где мистер Д'армэ?

— Я не знаю. Но я хотел бы спросить это у вас.

— У меня? — Переспросила я, быстро вспоминая, может все-таки он говорил что-то такое. Нет вроде бы... я бы запомнила. — Я не имею ни малейшего понятия.

— Вот как... — Протянул мужчина безразличным голосом, осматривая меня. Мне стало неуютно под этим взглядом разноцветных глаз. Я снова опустила глаза, дыхание сбилось, словно я пыталась с ним сражаться, да и вообще его присутствие начало меня нервировать, словно его взгляд был таким липким, неприятным, а тот продолжал меня осматривать. Мне казалось, он наверняка подмечает и немного растрёпанную причёску, и помятое от сидения платье или ещё какие-то недостатки во мне. Его недовольство остыло, сменившись почти созерцательным спокойствием, однако чувство, будто меня загоняют в странную ловушку и держат под прицелом, никак не пропадало.

— Алексия, мне известно, что вы последняя, кто видел директора в ночь перед его исчезновением. Вы же не будете отрицать это?

— Нет... — К чему он клонит?.. — Так оно есть, мистер Д'армэ заходил ко мне, но он ни разу не обмолвился о том, куда он направляется. Он, знаете ли, передо мной не отчитывается.

В моем голосе будто бы прозвучала обида, словно мистер Д'армэ должен был отчитываться передо мной, но не делает это, такой вот нехороший. Я поджала губы, разговор мне не нравился и хотелось поскорее покинуть общество этого человека. Кстати, да? Кто он? Пока тот раздумывал над моим ответом, задумчиво прожигая взглядом окно, я исподтишка разглядела его: высокий, ростом, наверное, с мистера Д'армэ будет, подтянутый, статный, одет в военную форму, как и мистер Д'армэ тогда перед школой, когда он только явился к нам. Хм... может быть он из Военной Гильдии? Широкое, почти квадратное лицо с широкими скулами, упрямым подбородком и носом с горбинкой было гладко выбрито и

награждено несколькими шрамами, один из которых рассекал лоб, а ещё один — верхнюю губу и делал его похожим на злящегося паса. Глаза незнакомца были разноцветными: правый карий, левый серо-голубой, и отчего-то это отталкивало меня от него и смотреть в них не хотелось, да и сам взгляд цепкий такой, мрачный, будто он что-то запоминает про тебя и подмечает. Картину довершали тёмные, жёсткие волосы, гладко зачёсанные назад. Я поёжилась, когда моё разглядывание было замечено, и смутилась. Разглядывать так бесстыдно человека, да и ещё не награждённого природной красотой, что же он обо мне подумает?..

— Что он делал в вашей комнате?

— Он... зашёл взять артефакт.

— Он вам его давал на время?

— Нет, это был мой артефакт, тот который я сделала.

— Вы настолько хороши в артефакторском деле, что у вас сам Глава Военной Гильдии берет артефакты для своих дел? — В грубоватом голосе незнакомца прозвучала насмешка. Впрочем, я и сама не могла понять, почему мистер Д'армэ это сделал? Но сделал же, значит ему для чего-то это было нужно.

— Это не так.

— Тогда отчего же ему не воспользоваться помощью более квалифицированных артефакторов?

— Вы это спрашиваете у меня? — Вздохнув, спросила и смело встретила его взгляд разноцветных глаз. — Вам стоит у него самого это уточнить. Я не этого не знаю. Он попросил меня дать артефакт, я дала, а отчего и почему ему приглянулись мои артефакты, я не знаю.

— Что ж... вы не лжёте. Это радует. — Я приподняла брови. Он ожидал, что я могу солгать в таком? — И все же что это был за артефакт?

— Он делает человека незаметным для взгляда.

— Невидимым?

— Нет, незаметным. Он отводит глаза, человека видно, но никто на него не смотрит.

— Довольно бесполезная вещь, считаю, — незнакомец сделал несколько шагов туда-сюда, проходя мимо меня до конца кабинета и обратно, потом вдруг остановился и внимательно оглядел меня с ног до головы. — Что это?

— О чём вы?

Я машинально накрыла свой браслет рукой.

— Покажите мне, — моя рука сама по себе поднялась вверх и протянулась по направлению к мужчине, я попыталась её опустить, но не могла, рука не слушалась. Мужчина же задумчиво осматривал артефакт, склонившись над моей рукой, правда не касаясь меня, и пару раз мне даже показалось, что на его лице проскользнула брезгливость, задевшая меня за живое. Я снова дёрнула руку вниз — бесполезно.

— Не тратьте силы, — осадили меня спокойным голосом, — моих приказов невозможно ослушаться. Если я приказал вам, то вы будете выполнять это до тех, пока я не скажу хватит.

Меня бросило в озноб и убраться отсюда стало хотеться в два раза больше. Меня пугает этот мужчина... как прикажет чего, а я потом даже ослушаться не смогу. Мало ли что в его голову придёт за мысль...

— Отпустите. — Мой голос даже не дрожал, когда я попросила его, на меня косо

посмотрели.

— Можете опустить, — я с облегчением выдохнула, потому что снова смогла контролировать свою руку, мужчина разогнулся и требовательно спросил. — Что это за артефакт? Он как-то связан с Эвианом, я чувствую.

— Оно отображает уровень его здоровья.

Я решила не испытывать его терпения и не вынуждать пользоваться приказами, а иначе так можно рассказать чего-то лишнего.

— И каков он сейчас?

— Минимальный... с ним что-то случилось...

— Давно?

— С неделю.

— Но пока жив, да? — Мужчина обошёл директорский стол и быстро сдёрнул плащ со спинки стула. — Снимайте, я его забираю.

— Зачем? — Я вскочила с кресла.

— Это уже не ваше дело. Идите учите, как писать аграманты или чахнуть над очередным детищем, — презрительно сообщил мне мужчина, я поморщилась, но все же попыталась снова:

— Возьмите меня с собой?

— Зачем? Вы только будете путаться у меня под ногами, такие дела оставьте таким, как я.

Я завела руки за спину и грозно выдохнула:

— Да кто вы вообще такой?

Видимо такого неизвестный совсем не ожидал и уставился на меня в некотором удивлении распространяя вокруг себя вялые эмоции недоумения.

— Леди, вы и правда понятия не имеете, кто я?

Мне сразу стало стыдно, кровь прилила к щекам, но я, преодолевая смущение, всё же покачала головой.

— Что ж... это и моя вина. Я совершенно позабыл о манерах и не представился. — Пробормотал мужчина и вдруг церемонно поклонился, будто мы были на каком-то светском рауте и вынуждая моё тело изобразить положенный книксен. — Моё имя Каэн Астольф, я Королевский Прокурор.

Мои глаза приняли, наверное, идеальную форму круга, пока я слушала, как этот мужчина представлялся мне. Это же Пёс Королевской Службы! Я о нём слышала, но только не очень хорошее и... да... могла бы и догадаться по его виду: мужчина, похожий на злящегося пса. Это же очевидно, его же за это и прозвали так.

— Вижу по вашему лицу, моё имя вам все-таки знакомо.

— Да, прошу прощения, что не узнала вас сразу.

— Бывает.

— Значит, ваш ответ нет?

— Именно, — мужчина завернулся в плащ и теперь требовательно протянул руку мне. — Артефакт. Леди, не испытывайте моё терпение.

Помня про «силу» его приказов, я протянула уже снятый браслет ему в руку, тот сжал его и второй рукой указал мне на дверь.

— Благодарю вас за помощь. До свидания.

Мы вместе вышли из кабинета, однако почти сразу тот обогнал меня и большими

размашистыми шагами последовал вниз. Я сглотнула и сжала в руках очень важную часть артефакта. Настолько важную, что без него это — просто безделушка. Мистер Астольф уже спустился на середину лестницы, обгоняя редких учеников, всё ещё бродящих в такое позднее время по коридорам академии, и привлекая излишнее внимание своей формой и видом. Я, наконец, набралась решимости и, до боли в пальцах сжимая ту важную часть артефакта, выпалила:

— Без меня артефакт потеряет силу.

Я боялась, что он не услышит меня, но он услышал. На меня обернулись несколько человек, смущая меня, а потом и сам Королевский Прокурор, затормозив, окинул меня взглядом. Потом также задумчиво полез в карман и смерил браслет таким взглядом, будто тот скрывал от него важную информацию. Проделав все эти манипуляции, мужчина медленно поднялся ко мне и, зажав браслет в двух пальцах, обвинительно сообщил:

— Ты его разобрала.

— Без меня он не будет работать. Возьмите меня с собой.

Тяжкий вздох, Каэн Астольф прикрыл глаза и вдруг усмехнулся, от него плеснуло весельем, смутившись меня ещё больше всей той ситуации, в которую я попала. Что его так развеселило?

— Алексия, могу я на «ты»? За кого ты меня вообще принимаешь? Ты что считаешь, что я сейчас, как рыцарь в блестящих доспехах, вскочу на коня и помчусь в ночь высвободить лучшего друга из беды?

Я потеряла дар речи. С одной стороны, мне было стыдно, что я и правда так думала, а с другой — было непонятно, что я пропустила и где тут в моих размышлениях ошибка.

— Нет? — Робко уточнила я, вызывая у своего собеседника кривую ухмылку и ещё один смешок.

— Конечно, нет. Я не собираюсь это делать прямо сейчас, более того, я даже не буду делать это сам. Есть специально обученные люди, которые выполняют подобную работу. Я — Королевский Прокурор, а не ищейка или наёмник.

— Но...

— Лучше тебе не ставить мне палки в колеса.

— Я могу сделать направитель... Вы так быстрее его найдёте... — Снова попыталась я, но меня прервали взмахом руки.

— Прости, я — не Эвиан и пользуюсь только проверенными и квалифицированными артефакторами, хотя твоё рвение и непонятно мне, но вполне похвально. Я обязательно ему передам ему, как ты о нём беспокоилась. А теперь... Собери артефакт, как было, и иди в свою комнату.

Я, послушно забрав у него браслет, прицепила часть на место, а потом также послушно отдала Королевскому Прокурору, тот с благодарностью кивнул мне и пошёл на выход, но я этого уже не видела, потому что ноги сами несли меня в свою комнату, и сопротивляться этому у меня сил не было. Там в комнате я наконец смогла взять контроль над своим телом и грустно выдохнуть. Артефакт у меня отобрали и теперь было совершенно не понятно, что будет дальше. Впрочем, теперь возможно появился реальный шанс, что его спасут.

Глава 18. Точки на ё

Мои гадания на тему, хорошо ли там всё у директора, ничего кроме головной боли мне

не приносили, мучения мои не кончились, даже когда через пару дней я встретила Королевского Прокурора снова в академии и даже догнала его чтобы спросить, как все проходит. Он от меня отмахнулся привычным: «Не лезьте не в своё дело, Алексия» и скрылся за поворотом. В последствии он просто приказывал мне идти заниматься своими делами, едва завидев меня, и я, злясь, уходила.

Вскоре должны были начаться экзамены, и сейчас активно шла к ним подготовка, но порой я никак не могла сосредоточиться на занятиях, думая о мистере Д'армэ и Королевском Псе, оба этих мужчины, даром что друзья, выводили меня в моих мыслях из себя. Я даже было думала закончить своё обучение этим шестым годом и уйти на вольные хлеба, но все-таки голос разума меня остановил от столь эмоционального поступка. Кому будет хорошо, если я, потратив столько сил и усилий, сейчас все брошу и, фыркнув, уйду? И главное из-за чего? Из-за мужчины. Да ладно бы он продолжал сворачивать мне кровь, так нет же, он пропал и не мешает мне ни учиться, ни совершенствоваться в области артефакторского дела. Так что единственное, что на самом деле мне мешало — это моя сентиментальность и явная симпатия к мистеру Эвиану Д'армэ. Всё это несколько портило мне настроение, заставляя трижды перечитывать один и тот же абзац.

За несколько дней до экзаменов я получила записку, которую мне подсунули под дверь. Записка была от Инга, где он приглашал меня прогуляться после экзамена. Обдумав все за и против, я дала согласие на это, о чём и сообщила ему перед экзаменом. Инг просиял и сжал мою руку в своих тёплых пальцах, прежде чем зайти в кабинет. Его присутствие на экзамене успокаивало меня, я села сразу за ним и старалась ни о чём лишнем не думать. Эмоции Инга, тёплые и завораживающие, успокаивали меня, он чувствовал себя в своей тарелке и уверенно что-то писал на листке, так что и я, немного успокоившись и забыв свою нервозность, взялась за дело.

После экзамена я вышла на лужайку за школой и упала на ближайшую свободную скамейку, коих было уже немного, так как и остальные ученики, почувавшие свободу, пытались погреться на солнышке, выхватывая друг у друга сидячие места. На улице стояла свежая и прекрасная погода, а молодое тёплое солнышко пригревало кожу.

— Привет, — моего плеча коснулась рука, и я выплыла из тёплой дрёмы, куда меня погружало тепло и наконец-то свобода. — Напугал?

— Не совсем, просто задумалась, — я пододвинулась, позволяя Ингу сесть рядом, его эмоции снова окутали меня приятным коконом, вызывая у меня улыбку. — Как написал?

— Думаю вполне хорошо, а ты?

— Надеюсь, что хорошо, не хотелось бы всё лето ходить на дополнительные занятия вместо отдыха и перед началом учебного года ещё раз проходить через это.

— Ты неплохо знаешь теоретическую часть, — Инг будто бы невзначай взял меня за руку, я отметила это, но вырывать её не стала. Мне было приятно.

— Хуже, чем практическую. Так что как раз за представление завтра своего годового проекта я совершенно не боюсь, а вот за сегодняшний опрос...

— Не переживай, я думаю, ты все равно пройдёшь. Кстати, ты остаёшься на будущий год? Я слышал кто-то уходит и, скорее всего, несколько классов скомпонуют между собой.

— Вот как... да, я остаюсь.

— Я рад, значит приведём ещё один год вместе.

Я улыбнулась Ингу, снова подставляя своё лицо солнечным лучам.

— Ты слышала новость дня?

— Какую?

— Девочки обсуждали в коридоре, что директора то нашего нашли.

— Как нашли? — От удивления я даже выпрямилась на скамье и, несмотря на жар солнца, меня бросило в озноб. Это «нашли» звучало ужасно устрашающе, перехватывая моё дыхание. — Он что...

— Нет-нет, всё в порядке, — Инг успокаивающе погладил меня ладонью. — Он был сильно ранен при исполнении какой-то миссии, но его вызволили из плена и какое-то время он тайно находился в одной из Цельтельниц.

— Так и сказали? — Я едва смогла облегчённо выдохнуть, напряжение, сковывающее меня все эти недели, постепенно отпускало, позволяя дышать свободнее.

— Да, насколько я понял из разговора, родственники одной из этих сплетниц как раз работают в этой Целительнице, так что информация просочилась, хоть и не должна была. Так что его уже поставили на ноги и скорее всего он даже явится принимать завтрашний экзамен.

— Не может быть!

В волнении заметались мысли. Мистер Д'армэ жив, и он будет завтра принимать экзамен. Все так быстро сменилось.

— Ты не рада?

— Рада, просто все произошло так быстро...

Помог ли мой браслет в его поисках? Пока я думала о таких вещах, Инг вдруг произнёс:

— Кстати, на счёт моего предложения...

— Я хотела бы дать тебе ответ немного позже. Хорошо? — Перебила его я, на меня уставились два темных удивлённых глаза с вертикальным зрачком и в обрамлении темных ресниц. — Мне нужно кое-кто выяснить, это поможет мне определиться с выбором окончательно.

Я поморщилась. Я хотела бы сказать «да» ему прямо сейчас, но необходимо... мне было жизненно необходимо расставить все точки над ё с мистером Д'армэ. Иначе это обоим нам не принесёт пользы. Я должна дать ему шанс и себе тоже, а если нет... то нет. Я не стану навязываться, но и не стану терпеть это «сам не ам и другим не дам», так как время работало не на меня и необходимо было срочно что-то решать с замужеством. Бабушка уже отошла от шока, связанного с моей неудавшейся свадьбой, и теперь старательно звала меня на разные мероприятия, просто так, разумеется, поглядеть на других и себя показать. Пока она только щупала почву и похоже уже была не против отдать меня даже за молодого господина замуж, лишь бы я уже оказалась там, в этом таинственном замуже, и не морочила ей голову. В последнюю нашу встречу, когда я по привычке стала отказываться от её предложений, отметая одно за другим, она воскликнула: «Если тебе так не нравятся мои варианты, давно бы сама себе нашла мужа!», что и натолкнуло меня на мысль о свадьбе с Ингом. Ведь если так подумать, это было не таким уж и плохим вариантом, лучше, чем какой-то неизвестный, который окажется моим мужем. Поэтому я решила торопиться. Надо лишь немного подсуется и пустить все именно так, чтобы это пошло мне на руку.

Конечно, проблема с моим директором так и продолжала мозолить мне мысли и сердце, но я старательно закрывала на это глаза, я бы с удовольствием поговорила с ним прямо сейчас, но увы, ещё пять минут назад и понятия не имела ни где он, ни как он. Но раз он завтра явится на экзамен, именно тогда я и смогу с ним поговорить. В любом случае, если мистер Д'армэ не считает нужным заявлять свои права на меня — пусть, это его личное

дело, хотя моя симпатия к нему за последние месяц переживаний немного увеличилась в размерах, все же не настолько, чтобы совершать слишком необдуманные поступки. Такое подвешенное состояние немного нервировало меня, ведь я хотела осчастливить Инга прямо сейчас и... вдруг всё-таки директор решит пойти на мою провокацию.

— Что ж... я буду безмерно счастлив, если ты согласишься, — Инг протянул мне руку и я переплела наши пальцы.

— Отчего же ты выбрал именно меня?

— Ты моя подруга, к тому же, у меня есть симпатия к тебе. Разве не очевидно?

— Прости, я не слишком подмечала это. — Смутилась я, отводя взгляд.

— Наверное, потому что я не слишком этого показывал.

— Именно-именно. А Риса? Она также твоя подруга?

— Я не знаю, отчего мой выбор между двумя вами пал именно на тебя, извини, Алексия. Это мне не известно. Просто мне хотелось окружить себя в семье чем-то знакомым и приятным. Я знаю тебя, и ты знаешь меня...

— Не так уж хорошо, как хотелось бы.

Взгляд с вертикальными зрачками остановился на моем лице, между нами повисла напряжённая тишина. Я разглядывала его чёрную рубашку, в вороте которой виднелась цепочка и несколько знаков на шее.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне кажется, вот так в школе невозможно узнать друг друга достаточно хорошо. Разве нет? Мы лишь видим то, что хотим показать, остальное сокрыто во мраке нашего характера и проявится лишь там, где мы будем чувствовать себя в безопасности — дома. Кто знает, как мы оба поведём себя тогда? Возможно так, что наличие у меня характера, как ты выразился, лишь испортит нашу жизнь, придав ему оттенок упрямства?

— Я не думал о подобном... тогда возможно моя замкнутость и необщительность также могут стать преградой... — Инг потёр подбородок. — И все же, это проблемы вполне решаемые. Я все равно рискнул бы.

— Хорошо. Тогда я дам свой ответ завтра, после экзамена.

С этими словами я сжала его пальцы и, улыбнувшись, покинула нашу скамейку.

Экзамен должен был даваться мне проще, чем теоретическая часть, так как артефакт делала я сама, никто мне помогал, не считая заунывных речей мистера Д'армэ, который всё время хотел, чтобы я сделала лучше и больше, чем могла. Я правда осознавала, что не без помощи этих речей достигла определённого уровня, и теперь мой артефакт спокойно мог вытянуть на оценку «хорошо» при достойном представлении и правильных ответах на вопросы. Кольцо было усовершенствовано, хотя и всё также было не особо занятой вещью по сравнению с другими проектами. Я вытянула номерок практически с последней цифрой и ближайšie несколько часов могла просто созерцать двери кабинета и стены коридора. Однако произошло кое-что, что немного выбило меня из колеи.

Пока мы стояли под кабинетом, мимо нас должны были пройти преподаватели, которые в этом году должны были принимать у нас экзамен. Издалека я увидела громадную фигуру Королевского Прокурора и была несколько обескуражена этим, так как, если мистер Д'армэ вернулся, его присутствие было уже не обязательно тут. К тому же, он не является экспертом в подобных делах. Также я видела мистера Теодоруса и ещё нескольких преподавателей академии, чьи предметы непосредственно связаны именно с артефакторским делом, а вот далее шла замечательная пара: наш директор собственной персоной и странная беловолосая

леди, которую он придерживал за руку. Я была впечатлена. Мистер Д'армэ после Целительницы выглядел более чем замечательно, свежо и мило улыбался студентам вокруг себя, а особенно широко той женщине, что шла рядом с ним. Леди мне была незнакома, но была достаточно красива: белое платье развевалось вокруг тонкой и хрупкой фигуры, её белые словно, молоко, волосы были заплетены в мелкие косички, которые спускались до середины спины. Возможно она даже из его гильдии, это многое бы объясняло. Однако во мне вдруг разыгралась неуместная ревность, всё усиливающая от сплетен, поползших среди девушек. Стоило одной из них выйти с экзамена, и начинались рассказы о том, как он на неё посмотрел, как он поставил именно ту оценку, на которой настаивала она, как она сказала то, а он сделал вот так, и потом...

Я вышла на улицу, стискивая аграмант и кольцо. Меня душила ревность. Именно душила. Я выдохнула и коротко рассмеялась. Это просто смешно. Это ужасно смешно. И глупо... он мне — никто и звать никак. Он на меня никаких прав не заявлял, впрочем, и я на него тоже. В чувствах мы не объяснялись друг другу и хранить верность не обещали, так что ревность неуместна и глупа, но все же я никак не могла избавиться от неё. Единственное, на что я могла в данной ситуации выплеснуть её — был мой артефакт, так удачно оказавшийся рядом. Ревность немного придала мне сил и уверенности, притупив чувство вины за создаваемое оружие, так что я, подумав, что хуже ему не станет, отошла в сторону и взялась за работу.

К концу работы как раз подошла моя очередь, и я вошла в кабинет. Благодаря творческому выплеску, лишние эмоции ушли, оставив мне мрачную решительность и уверенность, что я справлюсь.

— Преставьтесь.

— Алексия Майорс.

— Вы внучка Джойля Майорса? — Уточнила у меня леди, сидящая справа от мистера Д'армэ, и поглядывающая на него почти каждый пять минут.

— Да, это я.

— Ну что ж, мы ждём от вас таких же свершений. — Она улыбнулась мне, явив довольно широкую щель между передними зубами. Я не стала улыбаться ей в ответ, мне просто не хотелось.

— Расскажите об артефакте, — перебил свою новую пассию мистер Д'армэ, глядя исключительно на свой лист.

— Это кольцо. Оно стреляет импульсами, которые видит только владелец кольца, имеет три градации силы, позволяющие, как заставить человека потерять сознание, так и убить. Также есть защита, отводящая взгляд, благодаря ей во владельца кольца невозможно попасть из другого оружия, враги просто будут промазывать.

Глаза мистера Д'армэ блеснули, на губах, как мне на секунду показалась, появилась короткая улыбка. Он единственный, кто блокировал свои эмоции от меня, остальные же излучали вежливость и немного заинтересованность, ничего более. Королевский Прокурор вообще скучал, поглядывая в окно и не проявляя никакого интереса к тому, что происходило перед ним.

— Могу я взглянуть?

— Да, — я потянула кольцо мистери Теодоросу.

— А вы только украшения делаете? — Вдруг все же подал голос мистер Астольф, когда кольцо дошло до него, и он повертел его в руках. — Кольца, браслеты, довольно девчачьи

штучки.

— Я же девушка, — отозвалась я с улыбкой. — К тому же, если делать оружие именно оружием, будет сложнее его скрыть, а так... Просто украшение и никто не подозревает о его мощности.

— Отличный ответ, — тихо проговорила беловолосая женщина, улыбаясь в сторону.

— Благодарю.

Какое-то время меня ещё расспрашивали о том, как я создавала артефакт и о каких-то тонкостях и правилах, на что я отвечала довольно достойно, всё ещё находясь под каким-то странным наплывом всемогущества и всевозможности. Почти на выходе из кабинета, меня вдруг окликнул Глава Военной Гильдии:

— Майорс, сколько за вами ещё человек?

— Два, насколько мне известно.

— Тогда после экзамена подойдите ко мне в кабинет.

Меня так и подмывало спросить зачем, и судя по всплеснувшимся эмоциям вокруг, не меня одну, я улыбнулась.

— Как скажете.

Я бродила какое-то время по академии, подбирая слова и решительность задать нужные вопросы этому мужчине, чтобы расставить все точки над ё и разрешить этот непонятный узел наших запутанных эмоций. Впрочем, возможно он такой запутанный только с моей стороны, так что это просто поможет мне определиться с моим дальнейшим поведением.

— Входите. — Тихий голос из-за двери был таким привычным, что я не смогла сдержать улыбки. Все-таки приятно, когда все на своих местах. Я прошла внутрь и села на кресло, позволяя мистеру Д'армэ самому начать разговор и направить его именно в то русло, которое ему нужно. Какое-то время мы молчали, просто разглядывая друг друга. Наконец-то я все же решила нарушить эту тишину, нервировавшую меня.

— Рада, что с вами все в порядке.

— Благодарю.

Снова тишина.

— Зачем вы позвали меня? Просто посмотреть?

Я позволила себе улыбку, эхом отозвавшуюся на его губах.

— Меня порадовал ваш артефакт, хорошая мощная вещь. Удивительно, что вы смогли отступить всё же от собственных принципов и так достойно представить его.

— Скажем так, мне помогли.

— Интересно кто?

— Вы. Разве нет?

— Рад, что мои старания не прошли мимо.

Я поморщилась, эта светская болтовня, словно перекидывания вежливостями, начала мне надоедать. Я разгладила складки на своём платье, медленно выдохнула и подняла глаза, встречая прямой взгляд карих глаз.

— В чем дело, Майорс? Вас что-то беспокоит?

— Да, я хотела вам сообщить, что выхожу замуж.

Я ожидала, что мистер Д'армэ станет недовольным, или как тогда разозлится, но нет, он вдруг улыбнулся, смутив меня такой реакцией.

— Для чего вам это сообщать мне?

Я растерянно замерла. Ошиблась значит?.. Глупо. Ну что ж...

— Понимаете, — я тоже радостно улыбнулась ему, — у меня было глупое ощущение, будто у вас есть ко мне какие-то чувства. И мне показалось, что стоит вас предупредить о таких переменах в моей жизни. Так сказать, дать вам шанс.

Сквозь ментальный блок ко мне донеслись удивление и растерянность, а потом всё стихло. Мистер Д'армэ расцепил руки, которые до этого держал в такой позе на столе и, откинувшись на кресле, внимательно оглядел меня.

— Боюсь вы ошиблись, Алексия.

Его голос был тих и причинял мне боль, которую я старательно пыталась скрыть под ещё одной улыбкой.

— Я уже поняла это. Тогда, пожалуй, я пойду. Прошу меня простить.

— Да, пожалуй, — директор словно потерял интерес к разговору, глядя в окно и думая о чём-то своём. Я сжала кулаки и разжала, подходя к двери. — Желаю удачи в вашем очередном сдельном браке.

Моя рука замерла над ручкой, я все же коснулась её и обернулась в пол-оборота к мистеру Д'армэ.

— Это не сделка. В этот раз это уже мой выбор, это мой одноклассник Инг Винро. Извините, я пойду.

Удивление на его лице было хоть какой-то отрадой для моей души. Какое-то время я просто стояла в коридоре и вытирала слезы. Но потом всё же отлепилась от стены, чтобы проследовать дальше. Каждый шаг немного отпускал меня от этой ситуации. Теперь всё было проще, куда проще, мы все выяснили: с моей стороны незваные чувства были, но думаю без какого-то подкрепления они быстро угаснут, да и к тому же теперь никаких иллюзий на тему его симпатии ко мне. Даже дышать стало легче, — уговаривала себя я, — эта боль пройдёт, чувства выветрятся, но теперь я свободна поступать как пожелаю. Конечно, если быть до конца честной с собой, я была вольна и до этого поступать именно так как хочу, просто тогда мне очень хотелось впасть в эту зависимость. Пусть прилетит добрый директор, окажется, будто бы он влюблён в меня, и конечно же захочет меня взять в жёны, и мы будем жить долго и счастливо. Я криво улыбнулась. Пора избавляться от наивности. А если он сам соврал себе там из-за каких-то внутренних разборок с совестью или прошлыми любовными ранами, это его личные проблемы. Я спросила и получила свой ответ. Теперь осталось дать свой ответ Ингу.

Глава 19. Внезапные перемены ветра

Мы ехали в экипаже по ровной дороге, окружённой лесом с двух сторон. Я смотрела в окно на однообразный пейзаж и все думала, что, наверное, это не такой уж и плохой вариант. Последний месяц мы провели с Ингом вместе, путешествуя, встречаясь, посещая некоторые выставки и музеи. Мы старались показать себя с разных сторон и меня все больше отпускало напряжение, связанное с нашей помолвкой. Я не боялась этого: Инг был хорошим почти человеком и меня устраивало в нем практически все. Кроме того факта, что он не был Главой Военной Гильдии по имени Эвиан Д'армэ, но это такие мелочи, о которых я старалась не думать. Я наслаждалась, предчувствуя дружеский милый брак, в котором может и не будет накала чувств, но будет доверие и уважение друг к другу. Могу ли я желать большего?

Последним испытанием становилось знакомство меня с его родителями, а потом

знакомство его — с моей бабушкой, и я даже не знаю, за что я волновалась больше. Бабушка идею помолвки с Ингом не восприняла всерьёз, откровенно посмеявшись над моим решением, однако сказала, что даст ему шанс впечатлить её и, только если это случится, даст нам благословение. Как раз сейчас этот быстрый экипаж и отправлял нас в поместье Винро, и я тяжело вздыхала об этом, в волнении заламывая руки, а Инг меня утешал, говоря, что все будет в порядке.

Как ни странно, меня встретили с радостью и улыбками. Миссис Винро, которая, как оказалось и была той, что подарила своему сыну тёмные глаза с вертикальным зрачком, была премоилой женщиной, несмотря на хвост, выглядывающий в специальную прорезь на платье. Насколько мне объяснил ещё в экипаже Инг, миссис Винро была ламией, точнее, одной из её разновидностей, мутировавшей и давно живущей среди людей, а оттого уже не опасной. Когда-то ламии были опасными женщинами с острыми клыками и гибким хвостом, они могли очаровать любого своими глазами и потом выпить кровь человека или съесть даже его целиком. Миссис Винро таким, конечно, не занималась, но мне все равно было довольно интересно наблюдать за подобной семьёй и их общением.

В холле небольшого дома меня поприветствовали и проводили в гостиную. Гостиная на втором этаже была преисполнена пастельных цветов, на фоне которых яркая внешность миссис Винро выглядела просто потрясающе. Её тёмные волосы густой волной спускались на плечи и были украшены тонким обручем с зелёными камнями, темноватая кожа была матовой и словно ненастоящей, и резко контрастировала с белком глаз, подчёркивая глубину тёмно-стальных глаз с вертикальным зрачком. Сама женщина была облачена в зелёное платье с корсетом, подчёркивающим тонкую талию. Уж не знаю, сказывалось ли то, что она была ламией или это просто была её природная красота, но, смотря на неё, я ни разу бы не подумала, что она уже мать этого великовозрастного сына, мистер Винро выглядел куда старше её. Он был обычным мужчиной, немногословным, скупым на улыбки и практически не участвующим в разговоре. Он сидел в кресле и методично подкручивал свои седые усы, разглядывая меня немигающим взглядом светлых глаз. Разговор зашёл как раз об артефактах, когда в комнату проскользнул слуга в голубой ливрее:

— Кхм... леди Майорс, к вам пришли.

— Ко мне?

— К ней?

Наши голоса слились в один, мы с Ингом переглянулись, а потом вместе поднялись со своих мест и последовали за слугой. Я недоумевала, кому я могла понадобится вот так срочно, что человек нашёл меня на другом конце страны, да и ещё решил прервать нашу беседу. Я замерла на лестнице, недоуменно оглядывая мужчину, стоящего внизу в холле ко мне спиной, когда он обернулся, я поняла, что это никто иной, как мистер Д'армэ. На секунду я потеряла дар речи, сердце, сладко ёкнув, упало в пустоту, так что преодолевая слабость, я все-таки подала голос:

— Вы? — Я изумлённо замерла, вцепившись в перила. — В чем дело, мистер Д'армэ?

— Не выходи за него.

Голос вознёсся к сводам и затих. Я удивлённо приоткрыла рот, но так и не нашла подходящих слов, лишь взирала на это безобразие, не в силах понять мотивов этого мужчины. Позади меня замерли родители Инга и сам Инг, который вдруг спросил:

— Что вы себе позволяете, мистер Д'армэ? — Они встретились взглядами. — Если вам есть что сказать — говорите.

Видимо слова Инга возымели действие на директора, потому что тот, кинув на него раздражённый взгляд и буквально источая ауру недовольства вокруг, вдруг упал на одно колено передо мной и произнёс:

— Выходи за меня.

Сзади раздался изумлённый вскрик миссис Винро, Инг бросил на меня изумлённый взгляд, также впечатлившись тем, что происходило тут, однако я вдруг поняла, что лимит моего удивления кончился.

— Вы издеваетесь надо мной, мистер Д'армэ? — Я громко вздохнула. — Что вы делаете? По-моему, мы всё обсудили тогда, и вы мне дали понять, что я могу поступать так, как пожелаю. Тогда к чему всё это? Объясните мне, я не понимаю.

Даже коленопреклонённый, Глава Военной Гильдии выглядел гордо и достойно, излучая уверенность в своих силах. Похоже, он даже не сомневался, что сейчас я, едва услышав от него подобные слова, слечу по ступенькам вниз и повисну у него на шее, позабыв про все. Что ж, самое время немного разочаровать его. Свои эмоции он не скрывал, позволяя мне считывать и его предвкушение, и... недовольство, появившееся от моих слов.

— Я передумал. — Был короткий ответ мне.

— Тогда позвольте я кое-что скажу вам. Во-первых, — произнесла я, делая пару шагов вниз по лестнице и рассеяно оглядывая стены, украшенные картинами, — предложение руки и сердца — это именно предложение и его задают вопросом, обычно даже спрашивают: не выйдешь ли ты за меня или не станешь ли ты моей любимой супругой, о которой я буду заботиться до конца дней своих. А то, что вы сейчас произнесли — это что-то ужасное. — Я передёрнула плечами в тонком летнем платье, голос я даже не повышала. — И во-вторых, с чего это вдруг вы решили меня осчастливить собой, а? Может быть для начала стоит сообщить о ваших чувствах мне?

— Алексия, разве это не очевидно? — Мистеру Д'армэ видимо надоело стоять в таком положении, и он встал, отряхнув свою форму, в которой выглядел так серьёзно и строго. — Я только что сделал вам предложение, очевидно, что у меня к вам чувства.

В его голосе послышалась насмешка, все-таки разозлившая меня.

— Очевидно? Может быть тогда по-вашему, я всё это время была также догадываться о ваших чувствах? Играть в «угадай, кому я нравлюсь»? Или «кто нравится нашему директору»? Так что ли? Если я была вам симпатична, разве нельзя было просто заявить на меня свои права, а не вот так врывать в чужой дом и устраивать тут сцены? Что сложного в том, чтобы просто дать понять, что я не безразлична вам?

— Я... — Я взмахнула рукой, абсолютно невежливо перебивая его:

— Просто представьте через что прошла я, гадая, кто я для вас, и зачем вы всё это делаете? Я не умею читать мысли, вы знаете?

— Прости. — Мы замерли друг на против друга. — Я был возможно не прав, но дай мне шанс исправиться.

— Вот как. — У меня просто руки чесались кинуть в него что-то такое, помимо острых слов, что-то тяжёлое. — Хорошо. Давайте поступим так. Я дам вам время до завтра, до шести часов вечера, всё подготовите и сделаете по правилам, явитесь к дому моей бабушки, леди Майорс, и там повторите своё предложение. Если не успеете, опоздаете или передумаете, больше даже не являйтесь ко мне с подобными предложениями. Хорошо?

Я медленно втянула в себя воздух, а потом медленно выдохнула. Внутри было пусто, но гордо. Я отстояла свои чувства и не позволила ему вот так брать ситуацию в свои руки,

творить что угодно с моей жизнью и вносить в неё разлад.

— Прошу меня простить. Я должен откланяться, — с этими словами Глава Военной Гильдии, церемонно поклонившись, вышел за дверь.

— Ого, — удивлённый голос миссис Винро немного привёл меня в чувство, я испуганно обернулась к родителям Инга.

— Простите, что всё это... вы все присутствовали. Мне очень жаль...

— Да ничего, не каждый день видишь, как Глава Военной Гильдии подвергается воспитанию хрупкой леди, — женщина прижала платочек к губам, стараясь скрыть ухмылку. — Кажется, у вас к нему тоже чувства.

Я обессиленно привалилась к стене, закрывая глаза. На меня вдруг навалилась дикая усталость. Чувства... да уж. Они были, но кто ж знал, что с чувствами к мистеру Д'армэ будет так сложно. Я, например, не подозревала. Я немного даже жалела, что поступила подобным образом и гадала, правильно ли это было вообще. Человек пришёл ко мне с предложением, а я его, фигурально выражаясь, немного «послала». Однако и он должен был понимать, что предложение делают, как просьбу, что подразумевает два ответа, а не приходят так нагло в чужой дом, словно бы забрать то, что принадлежит ему по праву. Что на него нашло? Он ведь отказал мне тогда? Прямым текстом, не завуалировано, а тут резко решил передумать и приударить за мной? Что за чушь?

— Ты как? — Я открыла глаза, передо мной было встревоженное лицо Инга, я уткнулась ему в грудь головой.

— Прости меня...

— Нечего извиняться.

— Но...

— Я знал о твоих чувствах к нему с самого начала. — Оборвали меня, я подняла глаза, уже наполненные слезами вины. — Да, я знал. Мне показалось, он отверг тебя, и я смогу заполучить тебя хотя бы так. Однако видимо я ошибся, и он вернулся за своим.

— Прости... твои родители...

— Будут рады, если ты погостишь тут ещё немного. Боюсь, теперь ты заинтересовала их ещё больше, — усмехнулся Инг, обнимая меня за плечи. — Особенно мама.

Я через силу улыбнулась, вытирая слезы, и проследовала за ним наверх под внимательными взглядами мистера и миссис Винро. Я провела там время до вечера, а затем меня посадили в экипаж, что должен был довезти меня до дома бабушки, где я жила на каникулах. Мы с ней были в состоянии перемирия, так жить вместе было не так уж сложно. Почти ночью я прошла на второй этаж, игнорируя зажжённый свет в той гостиной, где наверняка читала бабушка, и проследовала в свою комнату. Думать не хотелось, ничего не хотелось, так что я просто разделась и легла спать, решив, что утром разберусь с тем, что я наделала сегодня.

Практически половину следующего дня я проспала, а остальную провела в компании хорошей книги, лишь к вечеру явившись на ужин перед бабушкины очи. Ужин проходил в молчании, я иногда поглядывала на часы, которые стояли над каминной полкой позади бабушки.

— Ты кого-то ждёшь? — Я вопросительно приподняла брови, отвлекаясь от птицы в своей тарелке, — Ты постоянно смотришь на часы?

— Вроде того.

— Ты стала ещё более скрытной, — с улыбкой поведала мне Кирина, я вторила ей такой

же улыбкой:

— А ты более любопытной.

Я привела себя в порядок после ужина и села в кресло напротив камина, буквально гипнотизируя каминную полку. И вот когда стрелка практически коснулась того самого места, позади меня раздалось:

— Леди Алексия Майорс, к вам прибыл Эвиан Д'армэ.

— Кто? — Бабушка, сидевшая в соседнем кресле, оторвалась от вышивания и изумлённо распахнула глаза. — Глава Военной Гильдии? К тебе? Но зачем?

— Кто знает. — Я встала с кресла и оправила платье, за это время Кирина подошла к окну и, отогнув занавеску, посмотрела вниз.

— И правда он... да ещё и с цветами. Знаешь, у него такое лицо, будто бы он пришёл делать тебе предложение.

— А что если и так?

Я обернулась к бабушке, та громко хмыкнула, оглядывая меня с ног до головы, словно видела меня в первый раз.

— Могу лишь похвалить тебя, моя дорогая. Иди.

Я кивнула ей и вслед за дворецким покинула гостиную. Какое-то время я стояла перед входной дверью, держась за ручку и не решаясь открыть эту дверь, но все же решилась и вышла наружу. Мистер Д'армэ стоял внизу ступеней, ведущих в дом, в его руках был большой букет цветов, сам одет в парадную форму, которую обычно надевают довольно редко, и он весь сиял, как и тогда в доме Винро абсолютно не скрывая собственных эмоций от меня.

— Добра и света, — поприветствовал меня Глава Военной Гильдии. Я замерла наверху этой лестницы и, даже не улыбнувшись, смерила его взглядом.

— Ты знаешь сколько сейчас времени, Эвиан?

Я обратилась к нему на «ты», впервые в жизни, просто потому что сейчас лично для меня была такая почти интимная ситуация, и то, что мы будем обсуждать, возможно, определит нашу с ним будущую жизнь. На секунду в его эмоциях промелькнул страх, но тут же был задавлен.

— Нет.

— У тебя ещё есть целых три минуты.

— Вот уж никогда не думал, что ты можешь быть так сурова.

— Ты тратишь наше время.

Мы замерли, молча глядя друг на друга.

— Алексия, я не буду играть по твоим правилам. Я думал, что мои действия вполне очевидны для тебя. Слова ничего не значат.

— Не в таком деле, любой твой поступок можно расценить по-разному, можно как вежливость, можно как симпатия.

— Что ты хочешь услышать от меня? — Он развёл руками, помахивая букетом. — Что?

— Ты знаешь.

— Хорошо. Я люблю тебя.

Я сглотнула, едва сдерживая слезы. Такие простые и понятные слова. Наконец-то...

— Но... я не буду делать всё так, как ты сказала, спрашивать тебя и все остальное.

Я подняла глаза, теряясь и недоумевая. Только начавшая зарождаться надежда комом застряла в горле.

— Я вообще не понимаю, отчего устроил этот балаган. Это бессмысленная мишура. Тебе это нужно или нужен я? Я ведь не такой, разве ты ещё не поняла, я холодный и бесчувственный. Я не люблю делать что-то напоказ.

Вранье чистой воды. Вон как от него цветными волнами расходятся любовь, нежность, признание, уважение и... решительность. Я сцепила руки, всматриваясь в его лицо, вслушиваясь в его голос, и замерла.

— Если ты не можешь меня принять таким, со всей моей скупостью чувств и выражений, с моими недостатками и прочим, таким, какой я есть... зачем я вообще тут стою? Прости, но я не смогу играть в эти игры долго даже ради тебя. — На минуту между нами возникла мучительная пауза, Эвиан сделал ко мне шаг. — Теперь моя очередь ставить условия: либо ты принимаешь меня таким, как есть со всеми вытекающими, либо... ты ищешь более живого, более эмоционального мужа. Но не меня. И да, я тоже делаю предложение всего один раз, никаких «я подумаю». Либо да, либо нет.

Мужчина взмахнул букетом, и тот приземлился у моих ног.

Я закрыла глаза, улыбаясь. Когда я выходила из дома, смотрела на него, я ликовала внутри себя. Я, хрупкая девушка, смогла поставить его на колени перед собой, смогла покорить его сердце и уже предчувствовала как сжимаются мои пальцы на «поводке», который позволит мне управлять этим мужчиной так, как я хочу. И вот в тот момент, когда я почти праздновала свою победу, он срывает поводок, чтобы показать, что он не из тех мужчин, кто позволит это. Даже если это любимая женщина. Странно... И правда, почему я решила, что это сработает? Это же он Эвиан Д'армэ, он и правда такой. И он не изменится. Моя бабушка могла вертеть почти любимым мужчиной, но принесло ли это ей счастья? Да и с чего я вдруг решила, что то, как поступает правильно она — правильно для меня? И если нет, тогда другой вопрос: готова ли я постоянно играть в эти игры: «подчиняйся мне», «угадай, почему я злюсь», «не попади на плохое настроение» и другие. Даже с моей эмпатией — это непросто, это будет постоянное напряжение. Готова ли я к этому? Готова ли я и правда принять всё, что с ним связано, как есть, и просто слепо пойти за ним? Я думала, что ответ придётся вымучивать из себя, но он возник в моей голове ясно и чётко, так я присела, подымая букет и отряхивая пыль со светлых смявшихся лепестков. Потом прошла к Эвиану ближе, почти вплотную. Его эмоциональный фон звенел напряжением в ожидании ответа.

— Я люблю тебя тоже, — я улыбнулась, касаясь его гладковыбритой щеки. — Тебя, такого невозможного мужчину, несмотря на то, что между нами было, несмотря на всё эти глупые слова, я полюбила тебя.

Его лицо, напряжённое, с нахмуренными бровями и залёгшими складками, вдруг начало расслабляться, являя мне будто бы совсем иного человека. Эвиан...

— И я не думаю, что ты холодный или бесчувственный, поверь мне, как эмпату. — Я улыбнулась ему. — Прежде чем я дам ответ, скажи, что ты ждёшь от своей жены? Какого поведения? Как ты видишь нашу с тобой жизнь?

— Мы будем жить в моем доме...

— Не про это. Что недопустимо, например? — Я закусил губу, — Непослушание?

— Да, этого я не люблю. Слушаться меня нужно беспрекословно, никогда не оспаривать мои слова, выполнять без вопросов, что я скажу...

Я остановила его. Наши глаза встретились, и я со вздохом призналась:

— Несмотря на все мои чувства, тебе придётся искать другую жену. Я не стану твоей...

Мой голос стих, я протянула ему букет, но он не забирал его, с непониманием и болью взирая на меня. Его боль сдавливала мне грудь, и наполняла отчаяньем.

— Но почему?..

— Я не могу... — Слезинки скатились из моих глаз. — Я не могу быть такой, не могу принять тебя полностью. Прости... Я не смогу жить в постоянном напряжении, угадывая твоё настроение, не понимая тебя, подстраиваясь и боясь сказать лишнего слова перед тобой. Прости.

Букет он так и не взял, так что я просто уронила его рядом с ним и не оглядываясь пошла в дом, там я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Слезы продолжали стекать по моему лицу.

— Ты отказала ему, — спокойно резюмировала Кирина, оказавшаяся в коридоре, я кивнула, всё также глядя в пол. — Ты уверена, что поступила правильно? У тебя на лбу написано, что ты в него влюблена.

Я сглотнула, вытирая щеки, но всё же сделала над собой усилие, чтобы посмотреть прямо на бабушку:

— Уверена.

— Он был бы хорошим мужем тебе. Не при приплетай чувства в подобные решения, это не рационально.

— Это не так... — Я оторвалась от двери. — Он был бы не тем, кто мне нужен. С ним я мучалась бы от боли и вины за то, что сама допустила всё это.

Я прошла мимо нее вверх к лестнице, напоследок услышав слова Кирины:

— Что ж... действительно. Видимо, я не все знаю о рациональных решениях.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Там трясущимися руками я собрала чемодан и словно в тумане ехала всю дорогу, заставляя себя почти силой не плакать.

Пока я ехала я все думала, правильно ли я поступила, что отказала ему. Может быть он тот самый мой наречённый. И понимала, что не могла не отказать ему. То, что он предлагал — мне было не нужно, а то, что просил — не могла дать. Я не хотела стать таким любимцем, который только подчиняется, заглядывает в рот мужу и со всем соглашается. Эта явно была не та роль, которая мне нужна. Со мной случилось даже озарение. Всё это время я отрицала саму идею замужества, потому что вокруг я видела женщин с потухшими глазами, для которых семья стала тюрьмой, даже если они смирились с тюрьмой, то от этого суть не изменится. А ещё я видела таких, как бабушка, не дававших себя поглотить, задавить. И очень мало видела искренне счастливых семей, больше всего в деревне ло-укков, но там и традиции на их стороне, и уклад жизни другой. Так что, на самом деле я хочу замуж, просто на своих условиях: ни как подчинённая, ни как раба, ни как домашнее животное, пусть даже любимое, изнеженное, но безмолвное, а как равная. Правда, вот смех, либо я родилась ещё слишком рано для подобного, либо была сама сумасшедшей, что считала так, и что так хотела этого. Добиться такого в современных реалиях почти невозможно. Да кому скажи, меня засмеют. Но только так я согласна стать женой, опорой, поддержкой, тихой гаванью и всем остальным.

А Эвиан... даже если я соглашусь... подчинение из страха или из нужды — это рабство. Я готова слушаться мужа, подчиняться ему и даже в рот заглядывать. Боги видят, я не против этого! Только вот... корни послушания жены должны идти не страха, а из уважения. Уважаю ли я Эвиана настолько, что готова закрыть на все глаза и идти, идти, идти за ним, вверяя

свою жизнь и жизнь тех, кто придут в нашу семью — наших детей. Доверяя слепо, безотказно. Мой ответ: нет. Слишком много в нем «но», «если» и прочих недомолвок. Я мало его знаю и не доверяю ему до конца, даже несмотря на свои чувства. Но в то же время я люблю его, может так, что мои чувства перемелют все это? И потом со временем придут и понимание его, и уважение, и принятие его недостатков? Однако это такая опасная игра, потом что также можно спросить: а если нет? Если я ошибаюсь? Если все это просто уничтожит наши чувства, сотрёт всё добро между нами, и мы возненавидим друг друга, превращая в ад то, что должно быть раем. Да, мата Таренна говорила, что любовь рождается позже, но она не может родиться с нуля, да и как мне хотелось бы просто выйти замуж по любви. Да и ещё не просто так, а именно за того самого, как в книжках. Я запуталась, мысли рвут голову на части, а потому бежать, бежать, бежать. Бежать туда, где я смогу выдохнуть. В деревне я распахнула дом маты Таренны и зашла внутрь, та оглядела меня с ног до головы.

— Девочка моя...

— Мама... — чемодан упал на пол и я, не разуваясь, кинулась к ней в объятия. И там, уткнувшись лицом ей в грудь, уже разревелась, как маленькая. Я была дома, я была в безопасности.

Отступление второе. Заноза в сердце

Эвиан метался по кабинету в своём доме, то пускаясь в неистовство, то снова затихая. Несколько полок уже было опрокинуто, книги лежали рядом, открытые на середине, глаза страницами в потолок. Его тяжёлое дыхание и это безумство никто не мог укротить: слуг в доме не водилось, а Фейнир молчал, решив дать мужчине немного побесится. Сам Глава Военной Гильдии не совсем осознавал свой гнев, точнее, он не мог понять его природу. Ему отказывали, и не раз, он умел принимать отказы, по крайней мере, до этого довольно адекватно на них реагировал, спокойно и без нытья мог выдерживать различные лишения жизни и её подковырки, и даже Лирэйн, несмотря на все свои «достижения», не могла его настолько вывести из себя, скорее погружая в депрессию, чем топя в гневе.

Ну отказала ему эта девчонка, и что же? Света белого не видеть? И правда, будто бы в первый раз? Что в ней такого? Да будь это кто угодно, другой, он конечно бы злился первые минут тридцать, а потом просто забыл об этом досадном инциденте, как и о не сложившейся пассии. Может быть немного взгрустнул бы за бокалом вина на посиделках с другом, но на этом, пожалуй, и всё. Отказы больно ранили его самолюбие, это было абсолютной правдой, ибо мужчина был не без грехов: тщеславен, горделив, порой излишне самоуверен, но и жизнь такая штука, что без отказов прожить совсем никак, так что приходилось иметь иммунитет к этому. Да, это было колко, неприятно и досадно, но никогда настолько.

— Да что с ней не так! — Почти прорычал Эвиан Д'армэ в пустоту комнаты, опуская голову на скрещённые руки.

— Прос-сто она права. — Все-таки подал голос Фейнир.

— В чём это, интересно? — Глухо осведомился мужчина.

— Она не мош-шет дать тебе, ш-што ты хочеш-шь. С-слиш-шком с-своевольная, с-свободолубивая и любос-снательная. Не соглас-сна с-стать прос-сто игруш-шкой. Глупец, с-са это ты в неё и влюбилс-ся. И тут ш-ше попытался с-сапереть с-своё с-счас-стье в клетке, думал, она не убеш-шит. А она не с-стала играть по твоим правилам.

В чем-то дух был прав — мелькнуло в голове у мужчины. После её ухода тогда в

кабинете, он заново переосмыслил её слова о его чувствах и её решение, и конечно, решил будто бы сошёл с ума. Жениться? Снова? Нет. Не для этого он клялся себе после смерти Лирэйн, что ни сделает и шагу в этом направлении, однажды он уже дал себя обдурить и теперь не повторит это снова. Но каждый следующий день после того разговора приносил лишь отчаянье и тоску, что её может забрать другой, тот наглый юнец. И чем он привлёк её? Чем? И чем она зацепила их обоих? Темными ли только глазами? Миловидным личиком? Или характером? Упрямством ли и своеволием, как и говорит Фейнир? Ведь тут он был не так уж прав, мистер Д'армэ не любил ни то, ни другое, и уж тем более, если мог стерпеть подобное на работе, вряд ли бы стал мириться с этим в любимой. Может смог он увидеть за этим упрямством недоверие к миру, к мужчинам, а ещё страх, желание быть защищённой, желание быть ведомой? Глава Военной Гильдии искренне считал, что всякая женщина мечтает покориться, просто сможет это сделать не для каждого мужчины, и ему будто бы почудилось, что она готова довериться ему, пойти навстречу. Ведь тогда в его доме у них была слаженная командная работа, которая вдохновила их обоих, и это дало надежду, что может быть она ему подойдёт. Упрямство в ней тоже было, наверно, но нравилось мистеру Д'армэ лишь когда было направлено на артефакты, а не на него. И смелость. Ведь это нужно быть очень смелой, вот так прийти в его кабинет и спрашивать о подобных вещах. Смелость и желание определиться в дальнейшем. Сквозь пелену гнева проскальзывало и уважение, теперь она не была просто ученицей, глупой и наивной, которой надо помогать и опекать, она была ещё и человеком, более того женщиной. со своими желаниями, мечтами и амбициями, и которая не даст себя в обиду никому. Это было приятное чувство, что она не собиралась сдаваться просто так. Возможно, стоило ей лишь показать, доказать, что и он не готов становится для неё тираном, не этого он хочет для любимой. Хотя его слова там перед ней явно сообщили ей о другом...

До того момента, как Глава Военной Гильдии ворвался в имение Винро, он имел долгие разговоры со своим другом Фейниром и пару раз даже с Каэном, Королевским Прокурором. Однако последний, когда они коснулись этой темы, не поддержал в его стремлении, ещё раз напомнив о бывшей жене, которая доставила им обоим немало хлопот, и это, не считая съеденных нервов и разбитого сердца. К тому же, довольно резко отозвался об Алексии, назвав её слишком маленькой и импульсивной для такого солидного мужчины, как Глава Военной Гильдии.

— Выдержит ли она твой темп жизни? Сможет ли выжить в твоём мире? А главное, хочет ли выживать в нём? — Спросил он в конце их встречи, но смотря куда-то в сторону и спрашивая будто бы самого себя об этом. — Она вся извелась, когда ты пропал тогда, а это было не самое сложное задание, хотя никто и не просил тебя туда соваться. Представь, каково ей будет жить с таким, как ты, терпеть тебя, твою работу, твой характер, опасность, таящуюся и для тебя, и для нее. Прежде, чем так импульсивно побежишь предлагать свою руку и сердце, спроси её хотя бы об этом.

Фейнир же был на другой стороне, но в нем говорил не столько давний друг, сколько дух рода, увидевший Предназначенную, и хотя он пытался быть объективным, порой в его речах проскальзывал страх упустить её. Да и сам мистер Д'армэ этого боялся. Вот и ворвался так глупо, так необдуманно, в тот дом, ожидая лавров и быстрой победы, а ушёл в задумчивости. Она оказалось не такой простой, как он о ней думал. И хотя Фейнир просил спрятать свою гордость, позволить девчонке почувствовать себя принцессой и победительницей ситуации, он не смог. Мистеру Д'армэ не хотелось начинать их союз со

лжи, она претила ему, только не там, где он хочет чувствовать себя дома и в безопасности. И ему, как никому другому, было известно, что ложь рождает ответную ложь. Да и Алексия всегда была честной, никогда не обманывала его, и там он почувствовал желание быть предельно искренним с ней, хоть и передумал после её отказа.

После подобных раздумий гнев утих, оставив Эвиана Д'армэ в разрозненных чувствах, он поднял голову, перескакивая пустым взглядом с одной вещи на другую. Они оба были честными, и оба объявили о своих чувствах. Он надеялся, что сила её чувств будет больше, чем разум, хотя и понимал, что подобные решения, необдуманые, не взвешенные, принесут лишь боль обоим сторонам. Так она несомненно поступила правильно, с её стороны, но... Он хотел обладать, ей хотел покорить, присвоить и никому никогда не отдавать, и иногда это желание настолько ослепляло мужчину, что он переставал думать, живя лишь этим желанием. Сейчас частично он осознавал, что если ему настолько необходимо заполучить конкретную девушку, то стоит приложить фантазию, навыки оратора и... и просто нужно найти компромисс.

Мужчина встал, сделал несколько шагов вперёд и назад, подошёл к окну, отодвигая штору и вглядываясь в закат. Как бы ему хотелось знать, не совершает ли он снова ошибку? Не засовывает ли снова голову в пасть льву? Ведь тогда, в первый раз, ему лишь чудом удалось избежать массы неприятностей. Ему хотелось бы сорваться к ней сейчас, поговорить, объясниться, найти точки соприкосновения, ведь не может быть так, что совсем никак не могут люди быть вместе.

Решив дать обоим немного времени, мистер Д'армэ вышел из кабинета, направляясь в спальню. Он знал, что к утру его решение либо окрепнет, либо растает, как дым, а значит торопиться не имеет смысла.

Глава 20. Разговоры по душам

После моего феерического появления на пороге дома, семья была поставлена на уши. Мата качала головой и была неусыпно со мной, отвлекаясь только на детей и маленькую Кириан, родившуюся совсем недавно. Все рассказать я смогла только мате Таренне, но та уже донесла эту информацию до всех остальных, только пита не знал — он был на рыбалке, однако на его место прибыл даада. Он был так зол, что, едва узнав, что случилось, просто вышел из дома и пошёл в лес. Он так делал только в редких случаях, когда хотел успокоиться. Конечно, все были на моей стороне, я представлялась им этакой жертвой палача, а мистер Д'армэ злостным негодяем, обидевшем их кровиночку, но... меня терзали сомнения.

— Не сомневайся, ты поступила правильно. Он тебя не достоин.

Разговор проходил на кухне, за старшими детками и маленькой Кириан присматривала Милира, а мы с матой Таренной готовили обед и ужин на всю эту ораву детей. Я прервалась от нарезки овощей.

— А что... а что, если я ошиблась? Вдруг он был тем самым?

— Это ещё что за сказки? — Голос маты стал громче.

— Ну... как у вас с питой. — Быстро прояснила я, — вы же встретили друг друга, влюбились, и ты поняла, что он тот единственный, кто нужен тебе во всем мире, разве нет?

Раздался тихий смешок, мата Таренна что-то продолжила увлечённо помешивать гигантской деревянной ложкой с длинной рукой:

— Прости, моя дорогая, но фокус совершенно не в этом. Я не любила питу, когда

выходила за него.

— Что?.. не может быть! Как же так?

Ужин был позабыт, я переосмысливала то, что видела все эти годы тут в этом доме. Столько любви, детей, столько переживаний, счастья и горя? Неужели им просто повезло? Повезло встретить того самого, но они и не знали, что за кот в мешке их ожидает после свадьбы? Не может быть! Так не бывает... а как же все эти сказки про любовь, что надо её найти, и только потом, когда сердце укажет на этого человека, выходить замуж. Может быть до конца я не верила в это, но иногда тайком читала подобные романы и на сердце было легко от уверенности, что где-то там обязательно ходит мой Суженый, и он найдётся. Я была уверена, что хотя бы эта любовь существует, ведь о ней пишут книги. А если она существует, то и в моей жизни она обязательно найдётся. Но все же, как же так?

— Потому что я выбирала мужчину по качествам, так меня научил мой даада. Я видела Сагарда, видела, что он добр, но строг, справедлив, умеет обращаться с деньгами, не жалуется выпивку, что он любит детей, и руки у него приделаны куда надо. Этого было вполне достаточно для меня, и я согласилась. Я выбрала достойного человека, которого могла уважать и который не был мне противен своим характером, а уже потом полюбила его. А он — меня. Не потому, что он был тем самым, а потому что я сделала его тем самым.

— Не понимаю... — растеряно отозвалась я, смотря в стол и пытаюсь собрать это сложную мозаику в голове. Не получалось... Мата Таренна развернулась ко мне, сложив руки на груди, на ней был цветастый передник поверх платья.

— Я остановилась на нем. Это был мой выбор. Зачем мне смотреть, каков муж у соседки или у сестры, если у меня есть свой. Я сказала себе, что это единственный мужчина в моей жизни, это — мой муж, и никто мне не нужен больше. А Сагард за это показал себя с лучшей стороны. За все эти годы я ни разу не усомнилась в нем, и ни разу не поливала чужой газон своим вниманием. Но это первое время, а потом мы уже не думали о таком. Просто жили, любили, поддерживали друг друга.

— То есть... то есть ты говоришь, что надо просто выбрать кого-то из мужчин и остановиться на нем? Признать его тем самым суженым? Единственным? А не наоборот?

Кажется, в моем голосе прозвучало слишком много сомнений, мата выразительно приподняла брови, но я все ещё не до конца понимала, и уж тем боле не верила в это.

— Откуда в тебе эта чушь про суженого и все остальное?

— В книгах так написано, — честно ответила я. правда в каких пояснять не стала.

— Глупые значит книги. Наверное, может я не права, я ведь видела и другие семьи, моя старшая сестра увидела своего мужа на дороге и влюбилась в него, как окающая. Живут уже сколько лет душа в душу. — Мата Таренна задумчиво прищёлкнула языком. — Но это скорее похоже на сказку, да и не факт, что твоя влюблённость обернётся любовью и счастьем. Так меня учила моя мата и мой пита, а их учили их мата и пита. Полюбить можно кого угодно, но проще, когда ты выбрала достойного и любишь его в семье, а не влюбилась в негодяя, жить без него не можешь и страдаешь в браке.

— Но... — Мой собственный не сложившийся брак пронёсся в голове. — А если не полюбишь?

— А что для тебя любовь?

Вопрос сбил меня с толку, но видя взгляд маты Таренны перечить я не стала и быстро выдала ту же книжную версию, немного поправленную своими собственными ощущениями и впечатлениями:

— Любовь — это когда на сердце так тепло, и ты тянешься к человеку, и внутри всё ёкает...

Мата Таренна снова зацокала языком. Недовольно так. Тут же развернулась, чтобы успеть что-то перемешать, убрать с печи и снова уставиться на меня своими глазами:

— Различай любовь и симпатию, влюблённость. То, что ты описала как раз второе, любовь же тихая, размеренная, спокойная, а влюблённость яркая, она высекает искры, рождает волнение крови по жилам и сжимает сердце. Влюбиться можно в кого угодно и тут не предугадаешь порой, кто станет твоей жертвой. А любовь... моя мата говорила, что любовь рождается в действии. Когда ты делаешь человеку приятное, заботишься о нем, каждый твой вклад в него — это ниточка, что связывает вас, и ты начинаешь привязываться к этому человеку. Больше делаешь — больше привязываешься. Так что чем больше тебя человек любит, тем больше он делает для тебя, но верно и наоборот: чем больше он делает, тем больше любит.

Я была окончательно сбита с толку, в голове вертелась всего одна ясная мысль: почему я об этом не говорила с ней раньше, много раньше. Скольких же бед можно было избежать... А ещё я вдруг подумала, что мистер Д'армэ заботился обо мне, хотя и старался это скрыть. Он меня спасал, учил, про артефакты тогда намекнул, и я заботилась о нем, думала о нем, и если верить этой теории — вот откуда родились эти чувства. Выбрать достойного и любить его, да?..

— То есть он не достоин?

— А он доказал обратное? — Моя мата пожала плечами. — Мужчина познаётся в действиях, но что он сделал, чтобы получить тебя? Кроме пустых слов? Он вроде бы там говорил и про поступки, и что слова не имеют смысла, а сам?

— Он спас меня. — Робко возразила я.

— Один раз, и это был его долг, как директора школы. Я не имею в виду до этого, я имею в виду сейчас. По мне так он должен доказать, что ты дорога ему, что он хочет получить тебя, а если нет — то значит ты найдёшь лучший вариант.

— Но он пришёл тогда, как я и сказала. Все сделал, чем не поступок?..

Я замолкла под угрожающим взглядом маты, которая упёрла руки в боки.

— Моя дорогая девочка, давай ты не будешь унижать его достоинства и своего тоже такими словами и рассуждениями.

— Ч-что?..

— Уж не знаю, какой он там на самом деле человек, но по твоим описаниям на конченого злодея не тянет. Но в первую очередь — он мужчина, так дай ему эту волю им быть. Мужчина — это тот, кто совершает поступки, не маленькие и мелочные, а большие и гордые и постоянно отстаивают своё право называться Мужчиной с большой буквы. То, что ты пытаешься смухлевать, халтуришь, давая ему простые задания, ты лишь унижаешь его, будто говоришь ему, что он также мелочен и невелик. Ты хочешь, чтобы твой муж был великим или был посредством, которую ты допустила до себя?

Я оторопела, вот так извернуть слова я бы ни разу не смогла. Да и никогда не смотрела на ситуацию под таким углом. Сейчас я и правда чувствовала себя неуютно...

— Наш пита каждый раз уходит все дальше, в более опасные зоны, и приходит с новыми дарами и новой пищей для нас. Для меня это волнительно, для него — опасно, но мы оба знаем, что каждый раз для него — это поступок ради семьи, геройство. И я горжусь им, и он гордится и уважает себя. Если ты не будешь позволять своему мужу совершать поступки, ты

не сможешь его уважать, а без уважения в семье... это просто тонущий корабль.

Поток слов маты кончился, погрузив кухню в молчаливый полумрак, который уже начал сгущаться там, а огни мы ещё не зажигали. Она тяжело дышала, я просто пыталась выбраться из тех сотен мыслей, что копошились сейчас в моей голове. Все это звучало до абсурда правильно, моё нутро соглашалось с этим, и хотя я не знала, как смогу это применить ещё на практике, я точно знала, что это не ложь и не обман. Будь это кто другой, где я не видела бы столь тёплых и доверительных отношений, я бы высмеялась всю эту чушь, но тут передо мной были живые люди, живое доказательство того, что так можно, что можно так жить и жить долго и счастливо. И мне тут же захотелось найти эту тайну, познать и применить, потому что...

— Мне страшно, — раздался мой голос в полумраке, — что я останусь одна или что придётся жить в постылом браке только из-за того, что когда-то вышла замуж из надо или потому что с каждым годом становлюсь все старше. И это так страшно найти кого-то, доверится ему и пойти с ним в это путешествие. Это ведь такая лотерея...

— Поверь, каждая девушка хоть однажды думает об этом, а дальше у тебя есть два пути.

— Каких?

— Первый — страдать. Бояться и страдать, заламывать руки и плакать о несбыточном, можно сразу называть себя старой девой. Ещё можно причитать обо всем на свете.

Я хмыкнула.

— А второй?

— Жить. Помнишь старую поговорку? Любовь бежит от тех, кто гонится за нею, а тем, кто прочь бежит, кидается на шею (1). Уж не знаю откуда, но точнее не скажешь. Чем судорожнее ты думаешь об этом, чем больше цепляешься, тем хуже. Просто живи, общайся, позволяй им впечатлить тебя, сделать что-то особенное. Определись, что для тебя важно в мужчине: красота, слава, характер, деньги — что? У тебя должен быть примерный портрет, что тебя устроит и что категорично — нет, и если попадутся мужчины с из второй категории, ты просто их не рассматриваешь, а то ненароком влюбишься. И да, от того, что ты будешь сидеть дома ты быстрее мужа не найдёшь.

Какое-то время я молчала, а мата Таренна видимо дала мне шанс все обмозговать. Мысли пошли на второй заход, повторяя в голове слова маты, как вдруг раздался её вопрос:

— Кстати, и чего ты так вцепилась в это замужество? Ты вроде бы хотела жить своей жизнью? Работать.

— Просто я... не знаю.

И правда, чего это я? Я же хотела этого, делать артефакты, продавать их, стать хорошим матером, да мне требовалось какое-то время для этого, и ещё отучится. Но обучение уже подходит к концу, а у меня ни одной мысли об этом в голове, точнее, мои мысли совершенно не об этом. Засело это замужестве, как заноза... Сначала бабушка с браком привязалась, потом Эвиан объявился, теперь вот снова он и снова замужество — хороша комбинация. Даже если бы я вышла за него замуж, он наверняка бы потребовал уйти из академии, или я сама бы сбежала, подальше от слухов. Ну уж нет... если он и правда хочет чем-то впечатлить меня или что-то доказать — пусть. Если нет — пожалуй идею с замужеством стоит отложить. Однако есть небольшая проблема в виде Кирины, которая тоже резко может озаботится наличием у меня мужа, и тут пока непонятно, что делать, но думаю пока стоит просто оставить эту идею в покое. Забыть про них обоих: и про Эвиана, и про бабушку.

Не получилось.

Прошло примерно полторы недели с тех пор, как я объявилась в деревне ло-укков, и ещё собиралась столько же провести тут, пока не почувствую себя готовой явиться пред ясные очи директора в академию. Я не знала, как мне себя с ним вести. Но тут вмешалось одно обстоятельство: он явился сам. Сообщил дозорный, что некий мужчина шараялся под порталом, открыть он его не мог, естественно, вскрыть — тоже, но своими попытками привлёк внимание к себе. По описанию я опознала в нем мистера Д'армэ и чуть там же не лишилась чувств из-за их переизбытка. Меня охватили радость и предвкушение и в то же время я не понимала, для чего он пришёл. Неужели он снова считает, что, сделав мне предложение повторно, он что-то изменит, и я вдруг передумаю? Не думаю, что это так. Но что тогда? Чего он добивается?

Я вызвалась выйти к нему и поговорить. Но была остановлена, и не кем-то там, а даадой.

— Что? Но зачем вы там? — Откровенно недоумевала я, оглядывая его и Теренса, вооружённого луком.

— Твоего питы сейчас нет дома, — пояснил даада, — а мы твои представители, и мы мужчины, которые обязались тебя защищать.

— Ну хорошо ты, а Теренс?

— Я вышел из младшего возраста давно, имею права, — хвастливо уточнил мальчишка, заставляя меня качать головой, но пришлось смириться, без них мне не разрешили выйти из портала.

— Э-э... Алексия? — Мистер Д'армэ встал с пенька и задумчиво оглядел меня, а потом громадную фигуру и маленькую рядом со мной. — Могу я с тобой поговорить?

— Да, — отозвалась я, чувствуя себя немного неловко при такой охране. — Как ты меня нашёл?

— Пришлось потрудиться, — короткая улыбка.

И у кого интересно настолько длинный язык? Больше смахивает на бабушку, вряд ли бы он поехал искать Вэрта. И с чего это ей помогать моему не сложившемуся жениху? Удивительное рядом. И да, кстати, он не выглядит особенно поражённым, что я вышла из портала в деревню ло-укков, что я почему-то тут живу и что со мной два их представителя. Странно... он знал? Надо будет уточнить это у него.

— Что ж, говори.

— Наедине.

Меня окатила чьей-то неприязнью, я поморщилась, но совсем не от Эвиана, нет. От Теренса. Презрение, недоверие и даже высокомерие. Откуда это все в моём маленьком братишке? Впрочем, по эмоциям даада ему явно не уступал.

— Только при нас. — Вдруг произнёс даада, складывая руки на своей огромной груди, Теренс хрустнув шей, повторил этот жест. Я вздохнула.

— Ваше присутствие совершенно не обязательно. Я просто поговорю с ней...

— Мы её родня, и мы не позволим какому-то вести себя с ней неправильно, нечего тебе тут вообще делать. От тебя же она и сбежала сюда.

— Даада... — прошипела сквозь зубы я, готовая уже посыпать голову пеплом. Вот зачем он это говорит? Меня удостоили лишь острого взгляда.

— Я понимаю, наш разговор тогда зашёл несколько в тупик. Но я пришёл поговорить и найти компромисс.

Эвиан развёл руками, его настрой был решительным, он старался думать позитивно и

миролюбиво, хотя вся эта ситуация явно начинала его раздражать. А вместе с ним начинала раздражаться и я, ведь все могло пройти тихо-мирно, поговорили бы с ним, если что, я как уже поняла, и сама смогу себя защитить и отстаивать свои права, а сейчас... если они все тут распалются, будут кричать и выяснять отношения, до сути вопроса мы не доберёмся до самого вечера.

— Я рад, что ты это понимаешь. — Даада Нам провёл рукой по волосам, приглаживая их. — Алексия рассказала мне, что у вас произошло и... могу с лёгкостью сказать, что я согласен с её ответом тебе. Я бы тебе её не доверил. Не дотягиваешь до её мужа. Думаю, тот смог бы измениться, убавить градус собственной важности и желчи. Ради неё.

— Даада... — почти простонала я, и снова лишь грозный взгляд в мою сторону. Ситуация стала накаляться и пока я не понимала ни к чему клонит даада и чего хочет добиться такими словами, ни что будет с мистером Д'армэ после таких слов.

— Я понимаю. — Он и правда начал злиться, я зажмурилась. Ну почему нельзя решить все спокойно? — Но я считаю это основой брака, я такой, как есть, и либо она принимает меня таким, каков я есть, либо...

Мистера Д'армэ снова перебили с громогласным смешком, которому вторил и Теренс:

— Ты меняться не собираешься, уже понял. И даже вроде звучит разумно... — В голосе даады прозвучала издёвка. — Тогда ищи дуру, которая полюбит тебя как есть, без изменений и со всем комплектом недостатков в другом месте. Раз уж ты ради нее и вашей любви делать ничего не собираешься сейчас, то уж тем более ничего не захочешь делать потом. А такие мне в родственники не нужны.

Я онемела. Разве не об этом говорила мата Таренна? Поступок. Нужно чтобы он совершал поступки ради меня, чтобы он показал себя достойным, а сейчас... он лишь доказывает, что не согласен что-то менять, просто хочет, чтобы я приняла, всё как есть и не учила его жить. Но если меня что-то не устраивает? Или, например, если его что-то не устроит? Будет ли он настаивать на изменениях с моей стороны, или я могу тоже тогда сказать: знаешь, принимай меня какая есть? Может все-таки даада и мата Таренна правы? Я ведь сейчас почти была на грани того, чтобы простить ему всё, пойти на компромисс, какой угодно, чтобы только обрести счастье и любовь рядом с ним. Ведь если он вернулся, то все больше не стоит мучаться, ведь так?..

— А вы вообще кто? — Голос новоприбывшего зазвенел от злости.

— Я даада, я её дедушка.

— Эвиан Д'армэ. Я Глава Военной Гильдии.

— Мне плевать. Твои достижения не имеют значения, если ты обижаешь Алексию и не готов поступать, как мужчина.

Они замолчали, я молчала вместе с ними, решив просто посмотреть, как будет развиваться дальше разговор, да и не знала, что вставить, да и стоило ли вообще. От эмоционального фона здесь, на этой полянке, хотелось держаться подальше, напряжение росло. Даада был недоволен, но чувствовал себя в своём праве что-то говорить и указывать Главе Военной Гильдии как поступать с его внучкой, Теренс полностью считывал и копировал его эмоции, а вот директор начинал выходить из себя. Понимаю. Наверное, ему и так стоило усилий прийти сюда, чтобы что-то обсудить со мной, а я не иду к нему навстречу, вообще отмалчиваясь в стороне.

— Алексия Майорс, — его тон мне совершенно не понравился, и я нахмурилась. — Мне нужно с тобой поговорить. Прямо сейчас.

— Не повышай голос на мою сестру, — подался вперёд Теренс, вытаскивая лук из-за спины и наводя на него.

— Мне всего-то и надо что поговорить с ней. Наедине.

— Ты с ней наедине не останешься. — Отрезал даада, — Хочешь говорить? Говори при нас. Нет? Мы уходим.

Два карих глаза уставились на меня, и я решилась, выйдя из-за спины даады и Теренса. Но ненадолго, буквально на пару шагов вперёд.

— Я слушаю тебя, Эвиан. Хотя мне непонятно, чего ты хочешь? Ты только что снова доказал, что к компромиссам не готов.

— Это не компромисс, — он поморщился. — это чушь. Никто не может измениться, особенно для другого человека. Люди не меняются.

— Я бы не был так уверен, — подал голос позади меня даада, но я взмахом руки попросила замолчать его, мои эмоции он и так прекрасно слышал.

— Хорошо. Зачем же ты пришёл тогда? Что для тебя компромисс?

— Предлагай свои условия, чего ты хочешь от нашей семьи, скажи мне? Я готов на многое ради тебя. Хочешь ходить в академию? Пожалуйста. Хочешь делать артефакты? Тоже отлично. Я не буду тебе ничего запрещать из подобного. — Эвиан все загибал пальцы, и его слова даже начали друг звучать приемлемо для меня, но закончил он совершенной ерундой, сведшей все его усилия на нет. — Но меня, мои привычки и мой уклад жизни мы не трогаем. Моя жизнь не должна измениться с приходом тебя туда.

На моих губах против воли появилась улыбка, я снова приподняла руку, останавливая дааду. Я желала сама ему сказать. После этих слов ситуация будто бы выкристаллизовалась, стала более понятной, очевидной. Все, что угодно лишь бы ничего не менять. Готов на многое, но так, чтобы его жизнь продолжала оставаться раем для одного.

— Тогда мой ответ снова нет. — Я пропустила его волну недовольства. — Тогда я сомневалась, подходишь ты мне или нет, или может я ошиблась, отказав. Теперь я ясно понимаю, что сделала все правильно. Ты не готов быть с семьёй. Семья — это не плавание в лодке с одним местом, это большой корабль, где всё взаимосвязано. Не может быть так, чтобы жизнь оставалась такой, как прежде, чтобы ничего не изменилось. Есть вещи, о которых мы могли бы с тобой договориться, прийти, как ты говоришь, к компромиссу, но ты договариваешься не о тех вещах со мной. — Я сделала к нему ещё шаг. — Ты спрашиваешь, чего хочу я? Каковы мои условия? Я хочу быть равной своему мужу. Я хочу быть другом, советником, партнёром, любимой. Той, с кем будет советоваться, кому будет доверять и кому могу доверять я. Меня не устроит что-то вроде «я тут самый умный и решу все сам, а ты сиди и вышивай платочки». Я хочу участвовать в жизни своей семьи. Я имею на это право.

Какое-то время мы созерцали друг друга, спину грело одобрение и поддержка даады.

— Ты меня любишь, и я люблю тебя, у нас с тобой все шансы построить большую крепкую семью, но... Если ты этого тоже хочешь, будь добр докажи мне, что ты способен стать тем, кому я могу довериться. Если нет — все твои слова не имеют смысла.

С этими словами я развернулась на каблуках и ушла. Я чувствовала себя правой, так и нужно было.

Глава 21. Андетта

Началась учёба, мой седьмой и последний год обучения, который я собиралась

закончить достаточно хорошо и за это время научиться большому и стать более опытной в артефакторском деле. С мистером Д'армэ у нас был вежливый нейтралитет, полностью убравший из моей жизни все его взгляды, вопросы и язвительные замечания, порой мне казалось, что он даже избегает меня и моего общения. «Разговоры по душам» в его кабинете тоже больше не случались. Лишь однажды он вызвал меня туда по какому-то делу, однако я даже была рада, когда покинула этот кабинет, так как там была максимально напряжённая обстановка, мучившая меня всё это время: мы старательно не смотрели друг на друга, лишь изредка встречались взглядами и тут же отводили их. Ужасно...

Я была полностью погружена в себя и изучение своих новых возможностей, которые росли пропорционально моим усилиям, что не могло не радовать меня. И вроде бы ничего не предвещало беды, как вдруг... меня пригласили в кабинет директора, откуда собственно последний год и начинались большинство моих неприятностей и других приключений. К тому же, учитывая наш напряжённый нейтралитет, я была удивлена, что Эвиан пригласил меня вот так без предупреждения, практически вытащив с занятия.

Постучав в дверь и услышав тихое «Войдите», я открыла дверь и на секунду замерла. Навстречу мне из кресла поднялась миниатюрная девушка в странной темно-серой одежде, смутившей меня. Я закрыла за спиной дверь и перевела удивлённый взгляд на директора. Тот, как и обычно, полностью блокировал все свои эмоции, что меня не удивило, а вот его гостья излучала доброжелательность, любопытство и какую-то детскую, щемящую радость. Она улыбнулась мне какой-то странной улыбкой, удивившей меня своей несимметричностью, немного больше в левую сторону, чем в правую, а когда она улыбалась, на щеках возникали очаровательные ямочки.

— Садитесь, Алексия, — мистер Д'армэ кивком указал мне на соседнее кресло. Девушка, не отрывая от меня взгляда, будто сиявших каким-то светло-кофейных глаз, которые я так и не успела разглядеть внимательнее, хотя очень хотелось. Я чувствовала себя немного неловко под этим внимательным взглядом, но все же нашла в себе силы улыбнуться гостье.

— Алексия? — Девушка снова опустилась в кресло и наклонила голову, её светлые локоны последовали вслед за наклоном головы. Ну просто ангел во плоти. Что он тут делает? — Меня зовут Андетта Вальрис. Я из Военной Гильдии, из ОРП, отдела расследований преступлений. Вы знаете, Вэрта Сагарда Таав?

Наверное, я побелела, как полотно от её непринуждённых слов, потому что почувствовала, как становится холодно и перед глазами начинает кружиться. Словно во сне меня коснулась её крохотная ручка.

— Алексия? — Услышала я немного взволнованный голос директора, приведший меня в себя.

— Не переживайте так, с ним все в порядке. Просто... он попал в небольшие неприятности, которые вызваны скорее недоразумениями, чем какими-то серьёзными его прегрешениям. — Это уже голос Андетты, я вздохнула, голова немного кружилась, кажется, я задерживала дыхание на время её слов. Ух...

— Но причём я тут?

— Вы единственная, кого он указал в анкете при поступлении в академию, как ближайшего родственника. Вы его сестра?

Ну да... остальные ло-укки немного спрятаны от мира сего и достать их в таких серьёзных ситуациях несколько затруднительно, так что остаюсь только я. Хорошо, хоть меня

указал.

— Да, его семья воспитывала меня... — Я замолкла, встретив несколько заинтересованный взгляд мистера Д'армэ и, почувствовав одинаковые две волны интереса, направленные на меня.

— Тогда вам придётся поехать со мной, — девушка порывисто встала с кресла, она была со мной примерно одного роста, даже может ниже меня, и её платье, так смутившее меня при первом взгляде на него, оказалось форменным. Из Военной Гильдии, да? Я обратила взгляд на директора, он хранил молчание, поглядывая на меня.

— Ничего страшного, если вы немного отлучитесь, — отозвался мистер Д'армэ, встретившись со мной взглядом.

— Спасибо, — прошептала я одними губами и слабо улыбнулась.

— Да, спасибо, Эвиан, если бы не ты, искать мне бы её ещё очень долго. — Андетта поправила причёску и оправила платье. — Увидимся, не пропадай.

Она махнула ему рукой на прощанье и вышла за дверь, я, напоследок обернувшись и встретив долгий взгляд Эвиана, за ней. Хотела бы я знать, что творится в голове у этого мужчины. Хотя... нет, не хочу. Андетта шла чуть впереди меня быстрыми шагами, отстукивая каблучками свой ритм и излучая положительные эмоции, у неё была ладная, но очень тонкая фигурка, а локоны подпрыгивали в такт её шагам.

— Так что там случилось?

Я почти догнала её на выходе из академии, но она лишь с улыбкой указала в окно, я выглянула туда и увидела экипаж. Видимо о деле поговорим только внутри. Ну может оно и к лучшему. Вэрт, во что ты вляпался уже там?

Внутри мы расселись напротив друг друга, и пока отъезжали от академии, Андетта спокойно смотрела в окно, позволяя разглядывать себя, и нисколько этого не смущаясь. У нее было интересное лицо, чем-то напоминавшее мне куклу, какие бывали у меня в детстве. Красивое аккуратное лицо в ореоле светлых локонов, большие глаза с темными ресницами и чёткими бровями на белой, словно фарфоровой коже, аккуратный маленький нос, задорно задранный кверху, пухлые губы, манящие розовым, и где верхняя губа была немного пухлее своей нижней сестры, что выглядело необычно, но очень красиво. Тонкие руки были лишены украшений, а строгое темно-серое платье лишь подчёркивало её красоту. Её глаза оторвались от созерцания окна и вернулись ко мне, мы ехали по городу, за окнами проносился город, нас везли, судя по всему, к порталам.

— Все хотела спросить, почему Вэрт твой брат? Только от того, что вы воспитывались вместе? — Мне улыбались очень доброй и нежной улыбкой, впрочем, не лишённой очарования и хитринки.

— По крови, — я подняла правую ладонь и показала ей, меня снова окатило волной любопытства. Эта девушка напоминала какого-то ребёнка, настолько сильно и ярко излучала свои эмоции.

— Вот как. Судя по твоему взгляду, тебе не терпится начать расспросы, — я кивнула. — С чего начать?

— С начала. Что за кашу он там заварил?

— Не совсем он... — Неопределённо выдала Андетта. — В общем, кто-то ударил девушку в академии, где он обучается...

— Вэрт бы никогда..!

Я замолкла тут же под её взглядом и даже сама этому удивилась, этой хрупкой барышне,

которой казалось место лишь в любовных романах, вдруг перестало хотеться перечить. Всего один взгляд... может у неё какой-то дар подобный Королевскому Псу?

— Я не говорила, что это сделал он. — Голос из нейтрально-спокойного сна стал более дружелюбным. — Сама жертва обвинила некую Леону Альбини, и её тут же поместили в камеру для дальнейшего выяснения обстоятельств, но тут явился Вэрт и бил себя кулаком в грудь, доказывая, что это сделал он. Теперь они оба играют в молчанку.

Я озадаченно замерла. Нет, Вэрт был, конечно, весьма странным порою в принятии решений, но что бы брать вину за кого-то?

— Ты её знаешь, эту Леону? — Вдруг спросила Андетта без особой надежды, наблюдая за моим нахмуренным лицом, я покачала головой. — Ясно. Она и её брат-близнец учатся на втором курсе академии.

— Подожди, — в голове мелькнуло осознание. — Брат-близнец?

— Его зовут Марко.

— Я виделась с ними, всего один раз правда, около полугода назад, когда Вэрт подавал документы на поступление. Они общаются?

— Я бы сказала даже, что дружат. — Андетта вздохнула, от неё потянулась волна тревоги. — Твой брат попал в плохую компанию, мне предоставили довольно пухлую папку на них троих. Изначально эта сладкая парочка творила всякую несуразицу вдвоём, но теперь у них появился компаньон.

— Уже? — Переспросила я, недоумеваю. — Прошло-то всего несколько месяцев с начала года. — Девушка пожала плечами, я закрыла глаза, потирая переносицу. — И чем ему всё это грозит?

— Ничем, если ты его отговоришь от этого глупого поступка. А девушке, как минимум, исключением из академии, так как папа той жертвы какая-то дико важная персона, которая посмела заявиться прямо в кабинет к Королевскому Прокурору и буквально заставила приехать его самого в академию на место преступления. Когда я там появилась, там была такая картина, ты бы видела... — Андетта ухмыльнулась, закатывая глаза. — Бедная девушка с синяком под глазом, пыталась одновременно казаться красивой феей и очаровательной незабудкой и при этом дико страдающей и рыдающей в три ручья. А вокруг сотни девиц, разряженных в пух и прах и всячески подмигивающих ему. Каэн готов был убивать взглядом.

Я снова обратила внимание, что она несмотря на то, что подчинённая, обращалась по имени и к главе Военной Гильдии, и Королевскому Прокурору, что было довольно необычно, да и к тому же она вообще-то была девушкой, и было ужасно любопытно, как она вообще смогла устроиться на работу в подобное место. Это же нонсенс... Но Андетта мне определённо нравилась, к тому же, ситуация, которую она описывала, и правда была несколько комичной.

— О, да, это он умеет...

— Судя по твоему лицу, ты его встречала лично. И как? — Андетта смотрела на меня хитрым взглядом и с каждой следующей секундой на её губах разъезжалась широченная ухмылка, показывая, как раз те самые ямочки на щеках, и я даже немного позавидовала, что у меня таковых не имеется.

— Пренеприятнейший субъект.

Я сморщилась, припоминая колкие взгляды и странноватого мужчину, от которого меня бросало в дрожь. И тут же уставилась на девушку, залившуюся весёлым громким хохотом.

— Отличное описание. Мне нравится. Мужчина, способный взглядом кого-то заставить

замолчать и вообще пойти схорониться в ближайшем переулке.

— Не только взглядом. — Буркнула я, вспоминая дар Королевского Пса.

— Не без этого. — Андетта перестала смеяться. — Издержки работы.

На её губах засияла какая-то колдовская улыбка, глаза прикрылись, будто она что-то вспоминала приятное.

— Ты знаешь его лично? — Я продолжала вглядываться в её черты.

— Как ты заметила, я — девушка, и когда столь неординарный субъект объявился в отделе по расследованиям, который напрямую ему подчиняется, он был настолько кхм... — Андетта замолкла, подбирая слова, — настолько впечатлён этим, что тут же захотел избавиться от меня. Понимаешь, этот мужчина слишком консервативен, и любая женщина не на своём месте, то есть вдалеке от дома, детей и вышивания картин, вызывает в нем чувство несправедливости и дисгармонии. Так что им двигало искреннее желание как можно быстрее отправить меня восвояси. Так что, благодаря мне, он появляется в нашем отделе явно чаще, чем положено было бы ему.

— Как ты все ещё сохранила работу? — Воскликнула я, ведь тогда, когда на меня ополчился мистер Д'армэ, это было ужасно неприятно, обидно и довольно сложно эмоционально, а тут, когда дело шло о подобных масштабах, да и ещё о настолько консервативном и страшном человеке, как Королевский Пёс, я с трудом могла представить себя в такой ситуации.

— Чудо и чистое везение, — её глаза засияли. — Пока я выполняю свою работу хорошо и без ошибок, ему придраться не к чему, но с его упорством и трудоголизмом — это ненадолго.

Я вглядывалась в её лицо и тут же, распробовав облако её эмоций, сейчас окутывающее девушку, поражённо выдохнула, когда до меня дошло:

— Он тебе нравится... — и тут же замерла, испуганно глядя на Андетту. Выпала я, явно не подумав, но та даже не обиделась, лишь немного смутилась, поведя плечами.

— У всех свои недостатки и слабости. У кого-то, например, Королевский Прокурор.

До чего легко и непринуждённо это было сказано, словно в этом нет ничего такого, а собственно объект обсуждения не один из самых грозных мужчин в стране. Андетта обезоруживающе улыбнулась мне, и я вслед за ней. До чего потрясающая женщина.

— Наверное, тяжело тебе, как девушке там, раз все говорят, что идти надо замуж, а не там работать.

Мы переглянулись, осознавая чувства друг друга и в тоже время испытывая какое-то чувство солидарности, что обе не желали следовать правилам общества и готовы были их нарушать. Хотя бы немного.

— Бывает иногда. Сначала меня дразнили, но потом коллеги стали понимать, что я работаю достаточно хорошо и как-то смирились с этим. Хотя... — она сморщила аккуратный носик, — попадают и такие личности, которые изрядно портят жизнь, вне зависимости от того, насколько хорошо я работаю.

От Андетты потянулась ниточка грусти, несколько отдающая отчаяньем и тоской, но тут же сменилась привычным добродушием и радостью. Как бы мне не было гордо за эту девушку, — подумала я, — сколько же сил, усилий и нервов стоила ей эта маленькая победа, ведь мало просто пробиться в подобное место, надо ещё и остаться там.

— Как тебе вообще получилось попасть туда? По мне нет места, более напичканного стереотипами.

— Красивые глазки, связи и, наверное, трудолюбие. — Вроде бы сказала в шутку, а вроде бы и немного правды, и пойдй разбери, что она имела в виду, я улыбнулась ей.

— Как ты живёшь? Не сложной одной? Или тебе помогают родители?

— Да помогают, конечно, но вообще-то мне платят за работу, — ехидно уточнила Андетта, я рассмеялась.

— Я безумно рада за тебя.

— Ещё я присматриваю за парой детишек по городу, за это тоже идёт копеечка.

— Это как? Не сложно?

— Долго объяснять, но я просто за ними присматриваю и в основном, это не доставляет мне много хлопот. Есть правда одна... — Андетта покачала головой, — Мы с ней тэзки. Бесёнок, ей богу. Сейчас в школах, знаешь новая реформа, группа людей входят в состав школы, проводят проверку, часто смещают директора, пересматривают правила и обучение. Кстати, вроде бы ваша академия тоже подпадает под это.

— Да? — Я удивлённо хлопала глазами, пытаюсь вспомнить, слышала ли я что-то подобное. Про реформу и остальное? Вроде бы нет... запомнила бы, определённо.

— Да, мистер Д'армэ тоже вроде из этой группы людей... — девушка оправила прядь волос за ухо. — Да это и не важно, в общем, там сменили директора на временного, пока ищут человека. А он такой красивый, достойный мужчина, видный, и этот бесёнок в него влюбилась по уши. Да ещё так сильно, сама представляешь, первая любовь встретилась с вредностью от природы? И так нет, чтобы очаровывать своего директора умом или красотой, она его, как мальчишка, изводит: то мантию подожжёт, то лягушками закидает.

— Бедняга директор. — Я покачала головой, в тоже время стараясь не рассмеяться, мужчине и правда можно было только посочувствовать...

— Так получилось, что я, когда приходила её навещать, я ему понравилась, а она об этом узнала. И теперь, — Андетта развела руками и вздохнула, — она совершенно неуправляема и считает, что я пытаюсь украсть мужчину её мечты. И самое грустное, если она не прекратит, у неё будут серьёзные проблемы...

Андетта хоть улыбалась и рассказывала всё это будто бы в шутку, но на самом деле и правда очень переживала за эту девочку, её эмоции выдавали её с головой. Она искренне желала ей добра и хотела уберечь от многих проблем...

— Вообще считаю, что отношения учителя и ученицы довольно странные и мало похожи на реальность, — решила вставить я своё мнение, припоминая наши с мистером Д'армэ запутанные и сложные отношения, приведшие нас туда, где мы сейчас и были.

— Не соглашусь с тобой, когда я училась в школе, именно в той же, где и Андетта сейчас, я влюбилась на предпоследнем курсе в своего учителя по этике и этикету. Его звали Рэно. — От неё повеяло теплом, искренней тёплой нежностью и непередаваемой благодарностью, от которой у меня самой затрепетало в груди. — Знаешь, я очень рада, что он принял мои чувства, не отказал мне в них и стал мне другом, а потом и любимым. Мы довольно долго были вместе с ним.

— Ого, прости я не знала, что такое возможно...

И правда, до чего удивительная женщина, какая у неё насыщенная, полная приключений и людей жизнь. Моя, по сравнению с ней, кажется блеклой и излишне выхоленной.

— Кстати, я смотрю у вас с мистером Д'армэ тоже что-то странное?

— Да нет... с чего ты взяла? — Я отвела глаза и вздохнула.

Андетта вытащила из-за ворота строгого платья небольшой кулон, металлический, в

форме ключа, мне хватило одного взгляда понять, что это артефакт, она пояснила:

— Это милая вещица помогает мне считывать эмоции.

— Как эмпату? — Я поражённо уставилась на вещицу.

— Нет-нет, до него мне далеко, конечно. Только отголоски и только самых ярких. В основном, я ношу его отключённым, потому что эмоции других людей меня не слишком волнуют. Использую только на работе или с детьми, неплохо помогает. — Андетта скрыла вещицу под воротом. — Но вот с Эвианом обычно использую, потому что порой по его безэмоциональному лицу ничего не прочтёшь, а так хоть что-то, с Каэном это тоже порой срабатывает, но очень редко.

— Вот как...

— Так вот, я не договорила. — Её лицо стало немного строже и перестало улыбаться. — Первое, что я заметила, что он нервничал, пока ждал тебя, да и вообще сам на себя был не похож, а второе... Он поставил ментальный блок. Интересно, зачем?

— Я эмпат, — всё же созналась я, ожидая, что Андетта, как и Эвиан когда-то, сразу же заблокирует свои эмоции, и мне снова придётся сидеть в гулкой тишине.

— Я догадывалась, — она победно ухмыльнулась, но эмоции не прятала. Странно, почему? — Наверное, тебе тяжело. Мою вещицу можно отключить и всё, а ты так постоянно.

— Меня это не напрягает. — Вдруг даже как-то удивлённо признала я. — Наоборот, без чужих эмоций, если, например, их блокируют, я чувствую себя несколько неуютно и пусто.

— Ты уже привыкла. — Добрая улыбка, я кивнула.

— А на счёт того, что между нами, — я вздохнула. Мне и правда хотелось выговориться, да и Андетта вызывала странное чувство, ей будто бы хотелось исповедоваться. — Именно что это что-то странное. Мы признались друг другу, но не можем сейчас быть вместе... да и вообще знаешь, это такие странные отношения: он сначала, когда прибыл к нам, будто бы ненавидел меня, ко всему придирался, а потом взял в оборот и начал заботиться. Затем оказалось, что он меня любит, а я должна была догадаться об этом... и сейчас...

Я замолчала, по лицу моей собеседницы было ясно, что она понимает меня практически без слов, да и её эмоции были такими сочувствующими, что мне даже как-то стало легче.

— В общем, я отказала ему в предложении...

— Не слишком ли ты с ним обошлась?

— Увы, мне пришлось. Мы не сошлись с ним в некоторых точках мнения по поводу семьи, я не готова терпеть кое-что...

— Тогда всё правильно, — Андетта наклонилась ко мне ближе и коснулась плеча, — не стоит, если он не может тебе этого дать сейчас, не сможет и через десять лет. Семья не то место, где нужно чем-то жертвовать и что-то постоянно терпеть.

— Да, наверное...

— Понимаю тебя, есть тоже у меня похожий индивидуум. — Облако эмоций Андетты разрослось, полыхнуло разными красками и оттенками, — Вообще не понимаю, что они пытаются добиться вот такой ненавистью... он прям постоянно меня задевает, проверяешь меня на прочность, да так сильно порой, что я не выдерживаю, я ведь не железная, да и не хочу ей быть. Но если что-то случается, утешает меня и успокаивает, или завалит работой, мол сиди тут и паши, как лошадь. Логика отсутствует, вот бы знать, что у него там в голове.

— А вещица?

— Это так баловство, — Андетта взмахнула рукой, — для детей и простых смертных — это да, но он рангом повыше, у него столько защитных амулетов и артефактов, что не

проберёшься. Был бы у меня реальный дар, можно было бы ещё потягаться...

— О чём ты? — Я замерла, вслушиваясь в её голос и одновременно следя за эмоциями, не лукавит ли.

— Защитные амулеты не всегда срабатывают перед истинным даром. Например, у Каэна дар убеждения, так что, даже если на тебе будут амулеты, ликвидирующие убеждающие эффекты, а дар будет достаточно силен, он всё равно тебя поразит.

— Вот как... — я не знала таких подробностей, но раз наш разговор перешёл на такие порой откровенные темы, я решила спросить ещё кое-что. — Я хотела узнать у тебя... ты так обращалась к Эвиану тогда, будто вы хорошие друзья.

— Друг у него Каэн, а я... мы довольно хорошо начали общаться, благодаря частым встречам в кабинете у Королевского Прокурора. Довольно радушный мужчина и у него отменное чувство юмора.

— Мы точно говорим об одном и том же мужчине? — С сомнением переспросила я. Мне вторил тихий смех.

— Ну он кажется немного холодным, как и Каэн, они в этом и сошлись, мне кажется, у обоих сложная ответственная работа, да и в личной жизни мало везёт.

— Ты про жену Эвиана? — Я задержала дыхание, сжимая вспотевшими ладонями ткань своего платья.

— Бывшую жену. — Поправила меня Андетта.

— Ты знаешь, что с ней стало?

— Многие знают, но не болтают, ибо жить хочется. К тому же, знать можно, но не всё и не всегда правду. И вообще, тебе стоит спросить у него, как всё было, потому что меня там не было, и я не могу дать настолько точную информацию. Возможно, это введёт тебя в заблуждение.

— Скажи, прошу. — Я вся подалась к ней навстречу.

— Ладно, уговорила. — Её лицо было непривычно серьёзным. — Все, что мне известно, я либо подслушала от коллег, либо из разных разговоров, но все слухи сводятся к одному. Эвиан, будучи человеком серьёзным, вдруг влюбился, как мальчишка, в красивую девушку. Кажется её звали Лирэйн, но это не точно. Они практически сразу обвенчались и стали жить вместе, и тут стали происходить разные неприятности с ним.

— Неприятности?

— Покушения, стали пропадать деньги и вещи, и прочее. И если бы его друг не вмешался и не открыл ему глаза, скорее всего он бы погиб.

— Королевский Пёс. — Уверенно произнесла я, испытывая смешанное чувство благодарности и уважения к этому человеку

— Ага. — Кивнула Андетта. — Что конкретно она делала и зачем, мне неизвестно, как они все это разрешили — тоже. Одно знаю только, что после последней такой выходки она погибла. А мистер Д'армэ остался вдовцом, чьё сердце заледенело. Сама теперь понимаешь, что эмоциональная привязанность даётся ему нелегко.

Я замолчала. Я, конечно, помню его слова о его жене и его клубок эмоций, пробившийся ко мне, когда он упомянул о ней, но я думала, что у них просто что-то не сложилось, и я не подозревала, что там настолько все запутанно. Странно, что она погибла... имели ли эти оба какое-то отношение к её смерти или это просто была нелепая случайность? И... была ли она действительно настолько плохой? Возможно Андетта права и стоит спросить у него самого об этом, а не полагаться на слухи, которые лишь введут меня в

заблуждения? Остаток пути в экипаже мы провели в молчании, также молча зашли в портал, вышли в Столице и последовали по дороге к центру городу.

Глава 22. Продолжение расследования

На улице Андетта вдруг остановилась, задумчиво вглядываясь в моё лицо:

— Ого, в экипаже я плохо разглядела твои глаза, они как...

— Как что?

— Как камень. Авантюрин, я думаю, он есть очень насыщенных темных оттенков, почти черных с вкраплениями... очень похоже.

Я изумлённо продолжала взирать на неё. При чём тут камни и мои глаза? И если честно, с трудом представляла, как выглядит этот самый авантюрин.

— Не обращай внимания, — Андетта продолжила ход, оглядываясь вокруг и ведя меня к большому мрачному зданию, сложенному из больших каменных блоков. — Это моя маленькая изюминка, придумывать подобные ассоциации, это помогает мне запоминать людей. В детстве у меня были проблемы с запоминаям имён или лиц, и отец предложил мне ассоциировать глаза человека с каким-нибудь драгоценным или полудрагоценным камнем. Так что теперь я вижу человека, смотрю на его глаза, у меня возникает ассоциация с каким-то камнем, и я его запоминаю намного лучше.

— По-моему, это очень здорово. — Я улыбнулась, — Просто это было несколько... неожиданно.

Столица была полна голосов, криков детей, ругани прохожих и ржания лошадей. До чего шумный город...

— Ты знаешь настолько много камней?

— Довольно много. Это же просто.

— Я бы так не сказала...

— Правда это не всегда разумно — озвучивать все эти ассоциации, но вспоминаю я об всегда после того, как уже открою рот. — Андетта легко рассмеялась. — Тот день, когда я сказала господину Королевскому Прокурору, что его глаза напоминают мне агат, просто разного цвета, и... он был вне себя настолько, что даже не смог как обычно приказать мне уйти, лишь молча указал на дверь. В общем, не самый мой удачный день.

Удивительно, как она вообще ещё осталась тут работать? По мне она злила Королевского Прокурора гораздо больше, чем следовало бы. Я, если бы мне каким-то чудом удалось работать тут, старалась бы обходить его и его кабинет за километр и даже бы не дышала в его сторону, чтобы не привлекать лишнего внимания, но ей похоже это даже доставляло какое-то удовольствие.

— Куда мы идём?

— Тут филиал стражей порядка, там есть камеры временного заключения. Вэрт и Леона сейчас как раз там. Надеюсь, вы поговорите, и наших проблем станет в два раза меньше.

А уж как я на это надеялась, но меня терзали смутные сомнения, что не все тут так просто... да и Вэрт был ещё тем упрямым, если уж что-то втемяшит себе в голову, долго придётся оттуда это вынимать. Вспомнить ту же свадьбу его, которая слава богам не сложилась.

Внутри было темно, мрачно, но не сыро и не пахло плесенью, что радовало. Камеры располагались в глубине здания, там было гораздо темнее, но небольшие оконца, в которые

пробивался свет, и несколько факелов успешно разгоняли тьму. Вэрт и Леона обнаружили почти сразу, они сидели в соседних камерах и когда мы их застали, держались за руки. Увидев меня, Вэрт несколько побледнел и испытывал панику, испуг, сомнения и ещё много смешанных эмоций, он тут же выпустил руку девушки, к её великому неудовольствию, и подошёл ближе ко мне. Его синеватые пальцы вцепились за металлическую решётку, я зябко повела плечами. Мне вдруг вспомнились ржавые прутья той камеры, куда меня поместил тот похититель. Я отогнала неприятные воспоминания.

— Алексия... — Я нахмурилась. — Я всё объясню.

— А у тебя есть выбор?

Я перевела пасмурный взгляд на Леону. Она смерила меня презрительным прищуром и отвела глаза. От неё веяло угрозой, раздражением и явственно сгушалось желание избавиться от меня, да побыстрее. Что тут вообще происходит? К чему этот гнев? Насколько я помню, в прошлый раз мы расстались вполне мирно, и я ей не вредила, так к чему все это?

— Вэрт, Андетта сказала мне, что ты взял вину на себя.

— Я не брал. Я... это был правда я.

Мы переглянулись, он искренне старался. Леона полыхнула победным ликованием. Я протянула руку и коснулась его синего лба, мне хватило минуты, чтобы осознать его ложь, но я не успела и рта открыть, как увидела, что Вэрт сделал жалобные глаза мне и прошептал одними губами: «Не надо. Прошу». Я вздохнула и отняла руку. Он смотрел на меня и на его лице отражалась смутная решительность, будто бы он какой-то мученик. Я в последний раз перевела взгляд на Леону, она чуть улыбалась в сторону и вся искрилась восторгом, я тут же развернулась, чтобы покинуть это место. Я ничего не понимала и не могла справиться с собой, меня охватывал гнев и отчаянье, потому что мне было очевидно, зачем он лгал, и это немного пугало. Вэрт — прекрасный эмпат, он же ло-укк, и он должен был осознавать всю эту заварушку, но нет... Леона его использовала. Она ликовала, что он взял вину на себя и отвечать будет не она, и что он полностью ей подвластен. Кассандра, та девушка, которая якобы пыталась женить Вэрта на себе, явно и в подмётки не годилась этой девчонке. Я вышла в зал и только там выдохнула. Это было сложно, и снова эта дурацкая ситуация, только теперь всерьёз. Вэрт выбрал пассивность, я ей не нравлюсь почему-то, и даже если мы сейчас разберёмся, совершенно непонятно, что делать потом с этим дальше. Андетта тронула сзади меня по плечу.

— Ты почувствовала, да? Их эмоции?

Я кивнула, Вэрт был встревожен лишь моим приходом, но так был вполне счастлив, что проводит время с той, что ему нравится. Леона же искренне хотела, чтоб все сложилось, как ей хотелось, хотя я и не понимала, чем ей не угодил Вэрт настолько, что она готова выставить его из академии. Чего она хочет добиться всем этим? Только ли указать, что он теперь её и больше я для него никто? И то, это вопрос настолько спорный...

— Он влюблён в нее, это очевидно. Но вот она... — Андетта прищёлкнула языком. — Ни сном, ни духом в его сторону. Играет с ним.

— Когда он в первый раз увидел Леону, он сказал, что женится на ней. — Припомнила я.

— Видимо, он пытается выслужиться перед ней и таким образом заполучить ей расположение. Дурацкий план, но он имеет место быть.

— Кстати, — я повернула к Андетте, — а что с её братом?

— Тот ещё фрукт, — девушка поморщилась, начав тереть переносицу. — Очевидно, что

он знает куда больше, чем надо, но когда мы его попытались расспросить, он набросился с кулаками на стражей порядка и покрыл непечатными словами. После чего был арестован, просидел там положенные пару часов, заплатил штраф и также в молчании ушёл. Нам не удалось из него ничего вытащить.

— Надо с ним встретится. — Уверенно произнесла я, направляясь к выходу.

— Это можно организовать, но говорить он вряд ли будет.

— А у нас есть выбор? — Я покачала головой. Возвращаться туда, в это логово безумия, мне не хотелось.

Когда мы сели в экипаж и отъехали, Андетта пересела ко мне и обняла.

— Ты чего? Совсем раскисла.

— Мы связаны с Вэртом по крови, и я могу его чувствовать, особенно сильно, когда касаюсь.

— Поэтому ты там дотронулась до него?

— Да. Он лгал. Это сделала она, и он специально её покрывает, а ей это нравится. И он просил сделать вид, будто я не догадываюсь. Но ведь он тоже эмпат, он должен это чувствовать, что она холодна к нему и лишь использует. Ничего не понимаю...

— Наверняка у него свои причины. — Я недоуменно посмотрела на нее. — Что? Влюблённость тоже причина.

Марко встретил нас пасмурным взглядом и попыткой закрыть дверь перед лицом всей нашей честной компании: меня, Андетты и двух стражей порядка.

— Уходите.

— Марко... — Я остановила дверь рукой. — Прошу тебя...

Его глаза остановились на мне, и он вздохнул:

— Ты то что тут забыла?

— Из-за Вэрта. Я не могу понять, почему...

— Слушай, — устало произнёс Марко, стоя в дверях и полностью игнорируя всех тех, кто был за моей спиной. Выглядел он не выспавшимся и помятым, из одежды на нем была свободная рубаха навыпуск и свободные же штаны. — Я не собираюсь их оправдывать. Мне надоело покрывать Леону и этого придурка. Они, как два малых дитя, вечно устраивают себе какие-то приключения, а мне потом расхлёбывать всё это.

Вспомнив сколько всего Вэрт мог натворить до этого, со мной, когда покрывать его приходилось мне, и представив, сколько ему удалось, когда он нашёл себе ещё такого же сумасшедшего. От Марко веяло тоской и желанием отделаться от нас поскорее.

— Прости, что тебе приходится приглядывать за Вэртом. Мне так жаль...

— Да уж эти двоя стоят друг друга. — Марко запустил пятерню в волосы. — Раньше чудила одна она, а когда поняла, что Вэрт во всём с ней заодно, совсем с катушек съехала. Они такое устраивают, мама не горюй. Может это её хоть чему-то научит?

— Научит? — Удивлённо переспросила я. — Она в тюрьме, и она молчит, как и Вэрт. Ты готов утаивать правду, ради какого-то урока для сестры?

— А что нет? Ладно твой синий дружок, он втюрился в нее и готов для нее весь мир перевернуть, — жарко сообщил Марко, сверкая глазами. Похоже, нелюбовь к Вэрту у них у обоих. — Но я не готов делать что-то подобное. Она иногда тоже должна получать за свои поступки.

Я поджала губы, мне такое поведение было неблизко. Впрочем, мы сейчас не на светском вечере, где можно пообсуждать подобные вещи, есть что-то посерьёзнее. Потому

что обсуждать сейчас с ним что-то — тупик, он явственно в этом уверен и будет стоять на своём.

— Почему Вэрт берет вину на себя?

— Я же сказал: он влюбился в нее и готов взять все смертные грехи на себя, лишь бы она хотя посмотрела в его сторону.

— Как будто это поможет... — тихо фыркнула Андетта за моей спиной, но так, чтобы слышала только я.

— Слушай, мне нужно выгащить Вэрта, а для этого мне нужно знать, что там произошло.

— То есть ты от меня не отстанешь?

— Именно. Поскольку я не из правоохранительных органов, могу и огреть чем-то для профилактики. — Проговорила я в запале.

— Серьёзно? — Кажется, Марко мне ни разу не поверил, я была не слишком убедительна.

— Прости, но каким бы придурком не был Вэрт, он мой брат, и я его таким образом учить уму разуму не намерена.

— Ладно. Слушай. — Парень снова нервно провёл ладонью по волосам. — Эта Эльза она доставала уже всех тут довольно давно, избалованная выскочка, обычно мучала тех, кто младше себя, первогодков, но Леона слышала об этом только так, понаслышке. А тут увидела воочию, и её тормоза слетели с катушек. Она, — Марко усмехнулся, — у нас борец за добро и справедливость, а потом вместо того, чтобы увязнуть в словесной перепалке или пожаловаться на неё, просто ударила той промеж глаз перед всем честным народом. А поскольку Эльза всеобщая любимица и весьма богата, то факт издевательства над первогодкой благополучно замаялся, а то что Леона её ударила — это все видели.

Да уж история достойная и Вэрта, и Леоны по описаниям...

— А Вэрт?

— Он её оттаскивал только. Он рядом был, он всегда рядом вертится с нами. — Марко сморщился и вокруг него распространилось облако неприязни.

— Ясно.

Я вопросительно повернулась к Андетте, та кивнула.

— Спасибо, Марко.

— Не стоит, лучше мозги этим обоим вправь. — Он махнул рукой, закрывая дверь перед моим лицом. Я вздохнула.

— Да уж... кому-то повезло с братцем. — Андетта погладила меня по плечу, пока мы шли обратно.

— Скорее, ему уж не повезло с Вэртом и сестрой. Вэрт и правда постоянно влипает в какие-то истории, а если их уж двое...

— Жаль парня, что она не отвечает ему взаимностью.

— Выживет. Что делать то теперь?

— Ну сейчас всё стало куда понятнее. Вэрта скорее всего отпустят, а вот Леона там ещё останется. Я попытаюсь сейчас найти ту первогодку и пару свидетелей. Обвинения с нее сняты не будут, конечно, всё-таки это нападение на человека, но думаю, если у Эльзы и правда настолько плохая репутация, на этом можно будет сыграть.

— А её отец? Он же вроде важная персона?

— Это так, но и это можно будет обернуть в свою пользу, — Андетта подмигнула

мне. — А сейчас мы едем к порталам.

— Ты отправишь меня домой? — Грустно уточнила я у неё.

— Нет, сейчас мы обе едем в Военную Гильдию.

— Зачем?

— Эвиан просил доставить туда на время расследования, потому что там наиболее безопасное место, к тому же, там Каэн. — Я вопросительно посмотрела на неё, приподымая подол платья, пока мы переходили грязное место на мостовой. — Что? Это он поручил мне это дело, а значит и отчитываюсь я тоже ему.

— Не хочу даже видеть его... — Простонала я. — Итак настроение противное... а тут ещё этот...

— Прекрати, он не способен задеть тебя или обидеть, пока ты сама этого не захочешь, — непонятно объяснилась Андетта.

— В каком это смысле?

— Ну он говорит тебе, например, какая ты глупая собака, не знаю там... или что-то подобное. Ты же не обидишься, верно?

Я хихикнула, представив подобный «комплимент» и выражение моего лица, если бы я такое слышала, тем более от Королевского Прокурора. Думаю, мы бы с ним определённо не поняли друг друга.

— Ну да, это же неправда. Я — человек.

— Вот именно. Что бы он говорил, просто воспринимай это также. Думаешь, как я выжила эти годы тут и рядом с ним? Только так. Чтобы он не говорил мне, это не доходит до адресата.

Я едва не остановилась на дороге, чтобы поглядеть в спину этой странноватой девушки, будто бы жившей со мной в разных мирах. Я то думала, она терпела и мучилась, а она... просто не замечала. И не принимала на свой счёт. Это же так просто и так гениально. Я ухмыльнулась, думаю, стоит внимательнее прислушиваться к её советам, может быть ещё умные мысли проскользнут.

Здание Военной Гильдии не было страшным или грозным, или даже овечьим чем-то таким. Обычное здание, приземистое, трёхэтажное, больше похоже на учебное заведение, чем на здание гильдии, впрочем, тут, наверное, находились только важные персоны и представители, остальное можно было и не тут размещать. Внутри в огромном зале с фонтаном посередине была куча народа, они толпились, подходили к небольшим оконцам, где стояли приятные юноши в форме и отвечали на все интересующие вопросы. Пройдя весь этот гул, мы попали в довольно пустые гигантские коридоры, освещённые гигантскими окнами. Изредка навстречу нам попадались мужчины в строгой военной форме, принятой в Военной Гильдии, некоторые даже важно кивали Андетте, а она — им.

Мы ненадолго остановились на втором этаже, и тут меня охватило странное чувство. Я обернулась, встретившись взглядом с каким-то мужчиной неподалёку. Сначала мне будто бы показалось, что мы не знакомы, но чем дольше я смотрела на него, тем сильнее становилось ощущение, что где-то я всё-таки его видела, просто я никак не могу этого вспомнить. Такое противное чувство, когда воспоминание вертится в голове, но ты никак не можешь ухватить его за хвост. Я нашла его глаза своими и пыталась хоть попробовать вспомнить, где я могла его видеть, одет в военную форму, как и остальные вокруг, но что-то было в нем такое. Мы замерли, смотря друг на друга, время словно остановилось на мгновение, а потом... у меня внутри вдруг всё стало нехорошо сжиматься, буквально выворачивая меня наизнанку.

— Тебе плохо? — Словно в тумане я услышала голос Андетты, — ты вся побелела... тебя трясёт. Позвать целителя?

— Нет... я... мне уже лучше... — наш визуальный контакт был разорван. Я тяжело дышала, прислонившись к холодной каменной стене. Что это было сейчас? Ощущения были похожи как... как тогда.

— Кто тот человек? — я указала рукой на мужчину, стоявшего к нам в профиль.

— Это Данэйл Вардо. Кажется, он руководит отделом запрещённых артефактов. При чём тут это?

Запрещённые артефакты?.. в голове стали наклёвываться определённые мысли, правда скорее походившие просто на догадки, чем на окончательные обвинения.

— Сложно объяснить... — Я перевела дыхание. — Где-то с полгода назад меня похитили, я могла поклясться, что видела своего похитителя и знала даже его имя, но, когда меня спасли, я не помнила ничего. Будто из памяти вырезали.

Андетта стояла рядом, сочувствие постепенно рассасывалось из её облака эмоций, она задумчиво покусывала нижнюю губу, сложив руки на груди, её изящные брови были сурово сдвинуты.

— Есть пара артефактов, которые работают на выборочную память. Они просто не дают тебе запоминать что-то, а не стирают память. — Её глаза впились с моё лицо. — Но как это связано с Вардо? При чём тут он?

Я вздохнула, то, что хорошо звучало в голове, обычно просто ужасно звучало вслух.

— Просто его лицо мне будто знакомо... и когда я на него смотрела, я будто знала его, но не могла вспомнить. Знаю, звучит довольно глупо, но...

— Да, это всё очень странно, — подтвердила Андетта, — и тебя так трясло, словно... о нет! — Девушка прижала ладонь ко рту, её глаза испуганно округлились. Что не так? Она боится и очень взволнована. Взяв меня под руку и оглядываясь, она отвела меня в какой-то закуток. — Алексия, вспомни, он тебя кормил или поил чем-то?

При чём тут это?

— Да, мы пили чай...

Андетта немного приподняла брови, облако её удивления стало немного больше.

— Это был странный похититель, согласна, и он хотел все разрешить со мной мирно. К чему этот вопрос?

— Есть один вроде как артефакт, но его используют только в санкционных отделах Военной Гильдии и довольно редко и больше нигде. Это частицы... что?

Я вскрикнула.

— Он говорил о них! Я помню...

— Дело плохо, ты говорила о похищении Эвиану?

— Да, конечно, это он меня и спасал?

— А о частицах? — Настойчиво вопрошала меня Андетта.

— Нет... я забыла про них...

— Плохо. Это значит, что кто-то из гильдии взял это и возможно даже продаёт, а это запрещено. Кстати, твой похититель не говорил для чего всё это было?

— Сделать какой-то артефакт, но я не смогла бы. Не мой уровень...

— Тогда почему он выбрал тебя? И что за артефакт?

— Даже не спрашивай...

Андетта поморщилась, сделала несколько нервных шагов туда, а потом обратно.

— Лучше тебе обо всем рассказать Эвиану, он лучше знает, как поступить и вообще, учитывая вашу с ним связь, ты можешь делиться всем с ним. Это поможет ему защитить тебя. Каждая деталь, которую ты недоговорила, может ему помешать найти тех, кто это сделал с тобой.

Мы помолчали. С одной стороны, она была права конечно, а с другой... стоит ли мне навязываться, ведь я отказала ему? Его самолюбие наверняка уязвлено, да и если смотреть на его обязанности... у него и без меня полно проблем. Однако он хотел бы впечатлить меня, и Андетта права, он знает больше меня и более опытен в подобных ситуациях. Стоит ему делегировать подобных проблем.

— Хочешь я скажу Каэну, а он поговорит с Эвианом?

— Нет-нет, я лучше сама. — Я приблизилась к ней и на ухо прошептала, — где тут у вас уборная?

Уборная оказалась восхитительной, даже несмотря на размер. Как пояснила Андетта, девушки в подобных местах редкость, а потому не было необходимости делать уборную излишне большой, но всё равно строил это место какой-то невероятный эстет. Небольшая комната была выполнена со вкусом. Нежно-золотые стены были украшены мозаикой на одной стене, а на остальных — висели картинами с позолоченных рамах, изображающие разные пасторальные пейзажи и даже кое-где натюрморты. Каменная раковина была идеально гладкой, а рядом на позолоченном крючке висело полотенце, явно поддерживаемое каким-то заклинанием очищения. В общем, от обычной уборной я осталась под впечатлением. Андетта сказала будет ждать меня в соседнем коридоре, ей надо было поговорить кое с кем, но я помнила, куда она сказала подойти. Я завернула за угол и тут столкнулась с кем-то.

— Простите, я...

Меня мотнуло в сторону, хлопнула дверь и через секунду я оказалась прижата к двери изнутри какого-то кабинета. Пустого. Я зажмурилась, чувствуя, как мои плечи сжимают чьи-то руки.

— Рад, что ты оказалась поблизости. В последний раз, когда мы с тобой виделись, нас грубо прервали, а ведь ты почти согласилась.

Этот мягкий голос... он был мне определённо знаком.

— Вы...

Я распахнула глаза, больше в недоумении, чем в испуге. Мужчина улыбался мне. От него не веяло угрозой, вдруг поняла я, если он и не хотел причинить мне вред, то явно не сейчас. Наоборот, его будто бы беспокоило, чтобы я была в порядке. А дальше... в моей голове вдруг начали топтаться тонны фактов, перебивая друг друга, стаскиваясь и оглушая меня. Это Данэйл Вардо, и это же мой похититель, почему же я не могла вспомнить его? Я же сейчас помню так ясно и его одежду тогда, и даже интонации голоса. Ах, да и он же глаза отдела запрещённых артефактов. Также я вспомнила и про наёмника, и про его книгу, и про тюрьму, и даже земляного голема, и конечно же пытки... Моё дыхание перехватило. Как удержать эти знания? Как запомнить всё это — вот что меня волновало.

— Не переживай, сегодня я не буду похищать тебя снова. Не сейчас. Для начала надо подготовиться. Но имей в виду, что ты у меня на крючке и, если ты не хочешь, чтобы у тебя были проблемы, тебе стоит обдумать заново моё предложение и, когда я его повторю — согласится. — Данэйл напротив меня ухмыльнулся. — Ах, да, я совсем забыл... храбрая милая девочка не из тех, кого можно пронять угрозой физической расправы? Ну что ж...

тогда для тебя у меня есть кое-что иное. Я бы сказал даже — подарок.

О чём это он, — мелькнуло в голове, когда его рука потянулась к моему лбу.

— До встречи. — Остальное потонуло во тьме.

Глава 23. Планируя битву

— Ты в порядке?

Меня тормозили, я села, в голове было пусто и муторно, немного подташнивало. Меня буквально силой поняли с пола. Как я тут оказалась?..

— Андетта? — Я уцепилась за её рукав, её глаза тревожно всматривались в моё лицо, — что произошло?..

— Я думала, ты мне объяснишь.

— Что?

Вокруг нас толпились несколько мужчин, также обеспокоенно оглядывающих меня. Клубок их встревоженных эмоций окутывал меня, словно кокон.

— Тебя нашли около двери этого кабинета. Хорошо, что нас видели вместе и потому позвали меня, я уже начала беспокоиться, что ты потерялась на обратном пути из уборной.

Я пошатнулась, пытаясь остановить круговерть в голове.

— Спасибо, — Андетта мило улыбнулась мужчинам вокруг. — Дальше я сама. Идём. — Это уже мне.

Мы шли по коридору, Андетта периодически бросала на меня такие взгляды, словно я уже была одной ногой на том свете, однако я молчала.

— Значит ты не помнишь, что случилось?

— Я с кем-то столкнулась, — сообщила ей я. — А потом... пустота...

Я силилась вспомнить хоть что-то, но это было похоже на попытку вспомнить сон: вот ты можешь повторить всё от и до, но стоит отвлечься на какую-то деталь и всё — он растает, как дым.

— В любом случае это скорее всего тот Данэйл Вардо.

— Кто? — Имя мне было знакомо, но я не могла вспомнить, кто это.

— Ты серьёзно? Мы минут десять назад об этом говорили.

— Правда? — Я была удивлена. О чём я ещё забыла?

— Определённо он. — Кивнула Андетта. — Он понял, что частицы не всё стёрли в твоей памяти и те осколки, что остались, могут быть опасны для него. Ты ведь начала его узнавать, вот и решил подчистить твою память. Но не знал, что ты говорила со мной об этом, так бы никто ничего и не заподозрил.

Я вздохнула. Звучало всё это просто ужасно.

— Но хуже даже не это... — Девушка быстрее потянула меня по коридору, заставляя почти бежать.

— А что же?

— Он из гильдии. Но добыть частицы ему невозможно было бы в одиночку, я думаю. Значит он не один такой.

— И что? — Все ещё не понимала я.

— Гильдия — оплот безопасности этой страны, как нам смогут доверять, если тут завелись... крысы?

На меня многозначительно посмотрели. Да уж... об этом я думала сейчас меньше всего.

Сейчас у меня без этого хлопот было достаточно, впрочем это её работа, думать немного масштабнее такой личности, как я. Я вдруг остановилась, как вкопанная, Андетта замерла:

— Что?

— Я вспомнила.

— Что? — Она вся подалась ко мне.

— Его последняя фраза, перед тем как он вроде как усыпил меня.

— Усыпил?

— Ну да... Положил руку на лоб, и я выключилась.

— И что же там?

— Он сказал, что у него есть кое-что для меня. Подарок.

— Подарок? Что это он имел в виду? — Облако эмоций Андетты бурлило, напоминая вулкан, готовый вот-вот разверзнуться. Я покачала головой. Если бы я знала... — Станный все-таки это похититель... Чего ему нужно?

— Ему нужен артефакт. И по какой-то причине его должна сделать именно я. Хотя мне непонятно зачем и почему не подходят другие артефакторы.

— Возможно дело в твоём деде? — Предположила Андетта, удивив меня:

— Ты про дар?

— Не только. Есть артефакты, сделанные на крови артефактора, а собственно потому пользоваться ими может только кровный родственник.

Я удивлённо взирала на неё.

— Откуда ты это знаешь? Нам этого не преподавали...

— Это запрещено. Использование крови для создания вещей, неважно големов, гомункулов или артефактов. Так что такие артефакты автоматически становятся запрещёнными.

Мы переглянулись. У кого мог быть доступ к подобным вещам? Правильно, у моего похитителя, если он — Данэйл, у него к этому явно доступ был.

— Но все же непонятно, причём тут мой дедушка? Я видела почти все его артефакты и могу сказать, что он ни разу не делал артефактов запрещённых и тем более на крови.

Я замолкла, вспомнив слова своего директора о том, что мой дедушка делал кое-что. Он делал артефакты не по правилам, а по интуиции. Что ж... возможно, я мало знаю дедушку и его творения? Может всё-таки он мог?

— Мы порой мало знаем своих родственников, — улыбнулась сочувственно мне Андетта, подтверждая мои мысли. — И ведь это просто предположение. Может быть для твоего выбора была ещё какая-то причина.

— Да... — растерянно подтвердила я. Может быть и так...

— Идём.

Кабинет Королевского Прокурора был... роскошным. Неподходящее слово. Есть роскошь едва угадываемая, проскальзывающая в манерах или интерьере, тут скорее была кричащая, излишняя роскошь, буквально вываливающаяся из всех щелей и приведшая меня в оторопь в первый момент. Мистер Астольф выглядел словно этакий король посреди всего этого, сидел он в шикарном кресле перед столом из красного дерева, позади него была полка, уставленная книгами с позолотой, бордовые шторы справа от нас были бархатными и были подвязаны шёлковым шнуром с золотым украшением. Не ошиблись ли мы кабинетом? Страшно представить, что будет в кабинете Эвиана, ведь его ранг намного выше.

— Это вы, — «поприветствовал» мистер Астольф, оторвавшийся на мгновение от своих

важных записей. — В чем дело?

— Дочь мистера Бранда — Эльза оказалась замешана в издевательствах над младшекурсниками. Увидев это, Леона Альбини ударила её, парень был не причём, лишь оттаскивал её. Какие буду указания? — Голос Андетты смутил меня, я даже обернулась, чтобы посмотреть на неё. Он был нежным и таким мягким, словно она говорила с душевнобольным человеком, а сама она излучала какое-то восхищение и восторг. Перед ним? Я покосилась на Королевского Прокурора, вертевшего в руках золотое перо и посматривающего в окно с отсутствующим видом.

— Найди ещё доказательства и найди того, кого она обижала. С мистером Брандом поговорю я. Девушку оставить пока в камере до дальнейших разбирательств, парня можно отпускать, если он отсидел нужный срок.

— Конечно, мистер Астольф, — Андетта слегка поклонилась. Разве она не говорила всё это мне ещё до этого? Слово в слово, я могу поспорить, тогда какой в этом разговоре смысл?

— А эта? — Его тёмные глаза остановились на мне, я нахмурилась. Эта? Это что ещё за весьма вежливое обращение?

— Мистер Д'армэ просил, чтобы она побыла у вас, так как вы более безопасны, чем вся гильдия целиком.

— Ясно. Свободны.

Этот невозможный мужчина снова уткнулся в записи, за Андеттой захлопнулась дверь, оставив меня топтаться на прекрасном красно-бордовом ковре в тон занавескам. Я бы такой только в спальню бы и положила, но никак не в кабинет, где ходит кто попало.

— Так и будете стоять там?

Я поморщилась. Эти эмоции.

— Куда же мне сесть?

— Куда угодно, только подальше от меня.

— Вы очень любезны. — Сообщила я этому наглецу, на что он отозвался:

— Вы не представляете насколько.

Я недовольно села в одно из кресел около окна, мне открывался вид на дорогу, уходящую вдаль. Я чувствовала себя паршиво. У меня всё ещё немного кружилась голова, а тут ещё и его эмоции. О да... что-то мне это напоминало, они с Эвианом точно друзья. Надеюсь, он в последствии не влюбится в меня и не сделает мне предложение. Я хмыкнула, но тихо. Влюблённый Каэн Астольф? Что-то из серии мифов, но я бы определённо на это посмотрела. Я поражённо замерла. Его эмоции... Во-первых, я их слышала, а ведь Андетта говорила, что у него защита от всяких проникновений, значит ли что моя эмпатия — тоже истинный дар, как и у него, дар убеждения? Я покосилась на Королевского Прокурора, занятого своими делами. Я слышала его эмоции, хотя они были весьма вялыми. Первое, что меня удивило — ему нравилась его работа и от заполнения всех этих документов или что он там делал, он испытывал гигантское удовольствие. Боги, какой же он странный... И второе, что отметила я: ему не нравилась я. Определённо. Я будто бы была назойливой мухой и мешалась ему, царапая его безмятежный и спокойный эмоциональный фон неприязнью. Неприятно ощущать себя в подобной ситуации. И во-вторых, ко мне пришло ещё осознание, связанное с Андеттой, я почти не вслушивалась в их эмоции, когда она была тут, в кабинете, может быть немного обращала внимания на неё, но точно отметила, что неприязнь сгустилась именно тогда, когда дверь за ней была закрыта. А вот когда она была внутри... я попыталась напрочь память и едва не охнула, почти не веря и желая в этом убедиться ещё

несколько раз. Он чувствовал себя комфортно рядом с ней, в безопасности и даже приятно. Можно ли считать это уже удачей для неё? Что он не ненавидит её, как меня? И способен ли он на что-то большее, чем это? Но это вдвойне странно, ведь он, по её словам, постоянно пытается убрать её с этой работы... это очень странно.

— И что Эвиан нашёл в вас? — Вдруг раздался голос почти за моей спиной, заставив меня вздрогнуть. Я так ушла в собственные размышления, что совсем не обратила внимание, что объект этих самых размышлений вдруг оказался рядом. Я испуганно открыла рот, от него разило неприятием и почти ненавистью ко мне. Я постаралась будто бы оттолкнуть мысленно это облако неприятных эмоций от себя, словно они были грязными. Хотела бы я уметь отключить это. Или как там сказала Андетта. Это не про меня, это про него?

— Не понимаю и сама этого, — отозвалась все же я после небольшого молчания. Мистер Астольф замер в нескольких шагах от моего кресла. — Могу я осведомиться, чем я разозлила вас? Или вызвала в вас такое неприятие собой?

Удивление. Неяркое и громкое, как у Андетты, скорее просто приятный момент в моё досье. Даже не знаю, как описать это ощущение, когда человеку ты вроде бы неприятен, но в то же время он как-то умудряется отмечать твои положительные стороны. Его глаза ещё раз внимательно осмотрели меня, и я немного занервничала. Он был одет в военную форму, из-под парадного кителя выглядывала жилетка и воротник белой рубашки. Он упёр руки в боки, раздвинув полы кителя и смотрел на меня сверху вниз, вызывая по телу толпы мурашек и желание обратиться из этого кабинета.

— Мало кто способен уловить по моему лицу моё настроение или хотя бы тень отношения к себе. Как вам это удалось?

— Вы и не пытались этого скрыть, не так ли? — Я пожала плечами, решив не раскрывать ему свой дар, мало ли как мне это ещё пригодится, — мне лишь непонятно, чем я не угодила вам.

— Вы — женщина, и пытаетесь охмурить моего друга. Мне стоит что-то ещё добавить к этому?

Сначала я потеряла дар речи, совершенно. Я даже взглянула в его разноцветные глаза, пытаюсь понять, шутит ли он. Но нет... он не шутил. Я встала с кресла, уже готовая выпалить что-то гневное и возмущённое, но потом отступила, качая головой. К чему это? Бессмысленная трата воздуха и энергии.

— Извините меня, конечно, мистер Астольф, но... вы слишком предосудительны и...

— Вы так думаете?

— Прошу, дайте мне договорить. — Я повысила голос, — перебивать — дурной тон. Знаете, я вас тоже не считаю таким уж идеалом мужской красоты и... — я потеряла ход собственных мыслей, попытавшись осмотреть его лицо, — и мужественности вообще. Но я уважаю вас как человека, как мужчину и вашу дружбу с Эвианом — тоже, и я не собираюсь оскорблять вас или вмешиваться в это. Он доверяет вам, а это неспроста, наверняка, вы весьма достойный человек и заботились о нем в сложных ситуациях, просто мы ещё не нашли точки соприкосновения. Так что, я хочу и дальше продолжать уважать вас. Даже если вы мне не нравитесь.

В кабинет повисло продолжительное молчание, где я переводила сбившееся дыхание, а меня оглядывали:

— Порой вы кажетесь умнее, чем вы есть. — Отозвался Королевский Прокурор, однако его эмоции заставили меня немного улыбнуться и отпустить напряжение. Ещё один

приятный момент в моё досье. Я начинаю производить на него приятное впечатление, это радует. — Однако, что вы имеете в виду про сложные ситуации? Вы имеете в виду Лирэйн?

— А вы нет? — Я окинула его взглядом, опираясь рукой на спинку кресла, где только недавно сидела. — Вы ведь поэтому считаете, что я обязательно хочу похитить сердце вашего лучшего друга, а потом растоптать? Или может, что мне нужны лишь его деньги? Или я играю с ним, будто бы мне заняться больше нечем?

Меня окинули ледяным презрением, которое выражали активно, как лицом так и эмоциями, при чём если до этого все его эмоции были тихими и негромкими, но сейчас весь этот разговор про Лирэйн и Эвиана вдруг начал его выводить из себя.

— Что вам известно?

— Немного. В основном тоже, что и остальным — слухи. Однако я не прошу вас говорить со мной об этом. Когда настанет нужное время, я спрошу об этом Эвиана сама, и если он захочет — он расскажет.

Гнев и неудовольствие вдруг также стихли, на их место скользнула волна удовольствия и даже какого-то уважения, а потом также угасла рядом с мной. Я начинала нравиться ему, однако не будь я эмпатом, никогда не поняла бы этого: его лицо отражало скуку и желание меня где-то прикопать, чтобы я своим видом не портила интерьер этой комнаты. Я усмехнулась... никогда не была так рада собственному дару.

— Что смешного?

— Просто несмотря на вашу... — я неопределённо взмахнула рукой в воздухе, — нелюбовь ко мне, мне нравится ваше общество порой.

— Избавьте меня от этого. — Уважение и удовольствие тут же растворились, огорчив меня, — Вам иногда лучше держать рот на замке.

— И как Андетта только тут работает? — Возмутилась я. — Особенно с вами. Вы — невыносимы.

— Благодарю за комплимент, — короткая ухмылка в мой адрес искривлённым ртом. — Её здесь никто не держит.

— Вот именно это и удивительно. К тому же, она так тепло о вас говорила каждый раз, видно, что она ценит вас и вашу работу, что я ожидала куда большего. Я бы не смогла так.

— Поэтому вы и не тут. — Отозвался Королевский Прокурор, идя обратно к своему столу, я изумлённо посмотрела на его спину, пробормотав негромко:

— Слава богам.

При упоминании Андетты он вдруг стал куда теплее на эмоциональном фоне, будто тепло и улыбка просочились в его непроглядные серые мысли. Что за магия? Как она очаровала его? Нет, не тот вопрос... Что и как она в нём нашла? Пока я гадала на эту тему, он решил продолжить наш неприятный разговор на тему Эвиана и меня.

— Вы не подходите ему.

— Это вам решать? — Спросила я, разговор мне не нравился, но это позволило бы хоть немного расставить точки над ё с этим человеком. Ссорится с ним мне и правда не хотелось, ведь Эвиан прислушивается к его мнению, так что вряд ли он плохой человек, но и позволять о себя ноги вытирать и считать кем-то, о ком можно так думать или говорить — увольте.

— Нет, но...

— Вот и не стоит тогда говорить об этом, если не вам.

— Я знаю его лучше и дольше.

— И что же?

— Просто оставьте его в покое.

— Я оставила. Я отказала ему. Снова. Разве вам это не известно?

И правда? Эвиан не стал рассказывать лучшему другу о своей новой попытке?

— Неужели вы решили побыть немного мудрой?

— Нет, просто мы не пришли к согласию.

— Какому?

— Простите, но вас это не коим образом не касается. Мы оба взрослые люди, это наши отношения и наша жизнь. Мы сами разберёмся. Но спасибо за участие.

С этими словами я снова села в кресло, желая прервать этот неприятный разговор и просто просидеть здесь в молчании ровно столько времени, сколько надо, чтобы пришла Андетта и забрала меня отсюда. Моё самолюбие страдало, и я медленно выходила из себя, если первое время мне удавалось держать будто бы себя в руках, то сейчас, все осыпалось. Я нервничала и не знала, что сказать, путаясь в словах и собственных чувствах. Мне бы так отчаянно хотелось понравиться ему, а не воевать с ним... Поэтому я просто глушила этот зов.

— Могу я задать вам ещё один вопрос, Алексия?

— Как будто если я отвечу нет, вас это остановит.

— И правда. Это же мой кабинет. Тогда ответьте мне: с чего бы Эвиану бояться за вас? И посылать ко мне на сохранение? Вы втянуты в грязные истории, в которые я ещё не посвящён?

— А что есть такие, в которые вы посвящены? — Я повернулась в кресле к нему и напряжённо замерла, он улыбался мне легко и непринуждённо, будто бы даже наслаждаясь этим. Впрочем, так и было.

— Ну это же из-за вас Глава Военной Гильдии, словно мальчишка в запале, побежал туда, куда не следовало и откуда мне пришлось его вытаскивать с помощью вашего браслета. Что с вами? Только не говорите, что вы этого не знали?

— Я... нет...

— Тогда отчего же вы так хотели помочь мне в поисках, что даже... — он замолк, глядя на меня. Я опустила глаза, занятая собственными переживаниями.

— То есть его ранили из-за меня?

— Да.

— Вот как... — я развернулась к окну, опуская лицо в ладони. Дыхание было сбито, сердце стучало как сумасшедшее, и я никак не могла уложить эту мысль в своей голове. — Что ж...

— Это проблема решённая, тогда что вас беспокоит?

— Я не знаю, стоит ли вам говорить первому или сначала поставить в известность Эвиана. — Честно отозвалась я, все также сидя в кресле с лицом в ладонях.

— Вы можете мне рассказать что угодно, он поймёт.

Я коротко рассмеялась:

— Учитывая наши чувства, не всё.

— Хотите я свяжусь с ним прямо сейчас?

— Вы сделаете это для меня?

— Не принимайте это на свой счёт.

— Как скажете. — Я улыбнулась, разгибаясь, когда Королевский Прокурор встал и повернулся ко мне спиной, доставая картину, по которой будет связываться с Эвианом. Он мог что угодно говорить, но он волновался за меня тоже. Даже несмотря на неприязнь. Боги,

какие удивительные люди меня окружают...

Мой директор был хмур и пасмурно поглядывал на меня из картины и, судя по всему, ожидал самых худших новостей. Я даже немного стала робеть перед ним. Я не могла чувствовать Эвиана, ведь он был далеко, и я могла лишь видеть его лицо в позолоченной большой раме и сложенные на груди руки. Пока я, сбиваясь, излагала свои мысли и происшествия, их лица темнели и становились строже, при чём будто бы синхронно, пугая меня. Оба были обеспокоены всем происходящим не на шутку.

— Ты ему нужна, — вдруг произнёс Эвиан, тяжело вздыхая. Видимо я заставляла его поволноваться о себе и своей судьбе. — Он не отстанет от тебя.

— Всё дело в Джойле, почти наверняка. — Вторил ему Королевский Прокурор, даже не глядя на меня.

— А что с ним?

— Он делал запрещённые артефакты, многое из того, что не уничтожено, находится в том самом отделе.

— Что? — оторопела я. Всю жизнь я считала своего дедушку просто великим артефактором, лучше, чем многие, но не более. И уж тем более не предполагала, что он делал что-то запрещённое. Хотя что удивляться? Я пришла к этому сама как-то, случайно создав запрещённый артефакт, который уничтожил мистер Теодорус, а что мог узнать, изучить и сделать дедушка за все эти годы своей практики? — Не может быть...

— Так и есть, — произнёс мистер Д'армэ, — мне жаль, что ты узнаешь это так, но это правда. Джойль Майорс очень хотел восстановить старую традицию делать артефакты по наитию, как ты выразилась, а не по правилам. Многие из них действительно хороши, но пользоваться ими запрещено, потому они просто хранятся особо охраняемом отделе, занимающими подобными артефактами.

— Традицию? То есть это не...

— Нет, ты не Избранная. — Прервал меня колко Каэн Астольф.

— Давай, ты вернёшься в академию, и мы это обсудим? Не сейчас только? — Я кивнула Эвиану.

— Но всё-таки я не понимаю, зачем хранить опасные артефакты? И тем более запрещённые?

— Они не просто опасные и запрещённые, — оборвали меня, — они вполне рабочие и в критических ситуациях не раз спасали нас.

— Запрещённые артефакты спасали? Вы ничего не путаете? И, по-моему, это двойная политика, вам не кажется?

— Сейчас это не так уж важно, — Эвиан поморщился. — Мы об этом можем поговорить позже, сейчас важно его поймать. Действовать открыто — это напугать его и его приспешников, они покроются мраком, и мы ещё долго их не увидим, до следующего раза и их вылазки.

— Он же сказал, что у него для меня есть какой-то подарок, — подала голос я, — значит он появится на горизонте и можем сделать вид, что я ничего не подозреваю, и никому ничего не сказала. Ведь он считает, что моя память чиста, и я не могу ничего вспомнить. И я ни о чем не догадываюсь.

— Это опасно — использовать тебя, как приманку.

— Тут я согласен. Как бы на мне хотелось поймать его, нельзя жертвовать тобой, — подтвердил Каэн, пугая меня. Он что меня защищает? Снова?

— Он не причинит мне вреда. Я нужна ему живая и здоровая, иначе я не смогу сделать артефакт. А для него это очень важно.

— Вопрос, что за артефакт он хочет собрать? В том отделе также хранятся и записи твоего деда и его заготовки разных артефактов, так что догадаться, что именно ему нужно — сложно. Деньги? Власть? Сила? Что? Что ему нужно?

— Значит так, я думаю, что всем этим мы можем и без тебя заняться, Алексия.

— Что? — Мы с моим директором озадачились, уставившись на Королевского Прокурора в недоумении.

— Он прикажет ей рассказать, и она не сможет ему отказать. Значит знать о наших планах ей не так уж нужно.

— Он прав... — пришлось признать мне. В голове возникла идея, но пока она не могла оформиться, лишь трепетала где-то там на грани сознания. — Но я итак верю, что вы меня в обиду не дадите. Но, наверное, этот разговор вам нужно будет продолжить без меня.

Они ещё о чём-то переговаривались, когда я отошла к окну, переосмысливая все, что узнала сейчас. Я, наверное, видела все не так, как они. Для меня это было опасно, но меня защищали, они оба, я была как цветок, избалованный, в оранжерее, о котором заботятся и переживают. Меня защитят и обо мне все позаботятся, меня спасут. Довольно глупо... ведь на плечах этих двоих серьёзная ответственность, и сейчас они пытаюсь вскрыть рану на теле Военной Гильдии и решить все проблемы минимумом крови, мне это совершенно не понять. Я оглянулась, мне повезло, определённо, что я пробилась к верхам, впрочем, мне не стоит подводить их. Может мне стоит что-то сделать, чтобы помочь им? Или просто не слишком трепыхаться, чтобы не мешать — и это будет лучшая помощь?

Раздался стук в дверь, погрузивши в кабинет на мгновение в тишину.

— Свяжись со мной вечером, — раздался голос Эвиана, и видимо он отключился.

— Войдите. — Королевский прокурор отложил картину, которая до этого стояла на его столе и сел в кресло, взяв в руки своё золотое перо. Дверь приоткрылась, впуская внутрь облако положительных свежих эмоции и Андетту.

— Ты так быстро, — облегчённо выдохнула я, искреннее радуясь ей, она была словно глоток свежего воздуха в это мрачном кабинете.

— Конечно, — она кивнула мне и уставилась на своего начальника. — Мистер Астольф, я все выяснила: нашли несколько первокурсников и даже второкурсников, которые готовы стать свидетелями, и также ту самую девушку, над которой и было совершено издевательство. Доказательства довольно веские.

И снова этот голос... я повернулась к Королевскому Прокурору, если бы не его пасмурное выражение лица, я бы сказала, что он улыбается. Внутри себя. Улыбается Андетте. Может быть и Эвиан делал тоже самое, только я не замечала этого?

— Странно, где были все эти свидетели, когда их спрашивали об этом? — подала голос я, потирая переносицу и качая головой.

— Боялись выступить против Эльзы, но, когда нашёлся кто-то ещё, легко выбрали сторону большинства.

— Хорошо, я поговорю с мистером Брандом. Отведи Алексию к порталам и проследи, чтобы она добралась до академии в целостности и сохранности.

— Как скажете. Пошли. — Она повернулась ко мне, я вздохнула и вышла за ней в коридор.

Глава 24. Подарок

— Ты поедешь со мной, чтобы сообщить приговор Вэрту и Леоне?

— Естественно, а что ты хотела сделать это без меня? — будто бы обидевшись, спросила я девушку, а потом стала серьезнее:

— Андетта, могу я спросить тебя?

— Конечно. В чем дело?

Я замялась. Наверное, мне не стоило лезть в их отношения, но всё же решила произнести это вслух:

— Тогда в кабинете... почему ты так странно говорила с прокурором? И ещё ты со всем согласилась, но... ведь ты и сама знала, что надо делать?

— Более того, к тому моменту уже половина была сделана, — отозвалась она с улыбкой. Я почувствовала себя неловко оттого, что она говорит всё это легко, словно странно спрашивать о таких «нормальных» вещах.

— Но зачем? Я не понимаю...

— Ему нравится чувствовать себя контролирующим, это доставляет ему удовольствие. Я просто не мешаю, я соглашаюсь с ним, но, если нужно, всё равно сделаю по-своему. Зачем воевать с ним, если я всё равно останусь в проигрыше? А так... я приспособилась, а он, думаю, и сам знает об этом.

— Странная игра.

— Это не совсем игра, — поправила меня Андетта, но потом поёжилась, пожав плечами, — хотя... может и игра. Мы можем теперь идти?

Она явно теряла терпение, и я поторопилась высказать то, что так хотела:

— Нет, ещё... у меня получилось.

Девушка непонимающе нахмурилась.

— Я читала эмоции мистера Астольфа. Я видела их.

— Потрясающе, — выдохнула она, мгновенно меняясь в лице и хватая меня за руки, — истинный дар эмпатии.

— А что есть иные?

— Долго объяснять, да это и не так уж важно. Поздравляю тебя.

— Спасибо. Ещё я узнала, что он не ненавидит тебя...

— Что?

— Ну... меня он почти ненавидит и испытывает смешанные чувства отторжения, долга, смирения, неприязни, неудовольствия и скуки. А с тобой и Эвианом что-то среднее между комфортом и удовольствием, правда с ним сильнее.

— Не слишком утешает, — протянула задумчиво Андетта, отворачиваясь.

— Похоже это максимум, на что он способен.

— Не уверена, — в её голосе зазвучала улыбка. — Такие мужчины, как эти оба, просто долго проваливаются в кротовую нору, всё цепляются за веточки и корни, пытаюсь удержаться, и только потом падают бесконечно на дно и до самого конца.

— Ты о чем?

Она остановилась и повернулась всем корпусом ко мне, я за ней. В коридоре было уже не так светло, и мы стояли в окошке света на каменному полу. От её слов внутри всё будто сжалось, я с тревогой всматривалась в её лицо, сейчас в отсветах похожее на странную

маску.

— Не знаю, стоит ли тебе говорить. Это мой секрет, — она странно улыбнулась. — Я просто это знаю. К ним сложно подойти ближе, они отталкивают других, но, если ты пробилась сквозь хоть один круг его защиты, дальше будет проще. И если ты не перечислишь ему и не делаешь больно — как горячий нож в масло. А потом... потом ты добираться до самого его сердца.

— И что же?

— Можешь сломать, как Лирэйн, а можешь беречь как великую ценность и охранять его. Выбор за тобой. Когда ты слишком близко — наступает слепота, он настолько сливается с женщиной, что уже не отделяет её от себя. Она становится будто частью него, а свою руку невозможно подозревать во лжи или обмане.

Мы замерли, я сглотнула комочек в горле.

— Не нервничай. Ты же не такая.

Весь путь до того здания, где были камеры временного заключения, я молчала, переваривая услышанное. Если Андетта права, то Лирэйн так и сделала, добралась до его сердца и потому Эвиан не смог среагировать сразу. Звучит ужасно жутко... Неужели и я добралась так близко? Или только все же ещё на половине пути? Я отмела эти мысли, тяжело ложившиеся на моё сердце.

Спустившись вниз, в тюрьму, я снова испытала тягостное желание закончить с этим поскорее и больше сюда не возвращаться. Меня все это стало вдруг тяготить и раздражать, и даже Вэрта не хотелось видеть. Я не без злорадства наблюдала, как вытягиваются лица этих двоих, когда Андетта сообщала им приговор.

— Но я... я же сознался! — Пробормотал Вэрт, которого стражи выводили из камеры, ему ещё предстояло оформить несколько бумаг, — почему?

— Ты солгал стражам порядка, так что ещё неплохо выкарабкался из этой передраги, — поморщилась Андетта, — могу тебе за это штраф выписать. Хочешь?

Тот покачал головой, и когда он проходил мимо меня, от него разлило тоской и отчаяньем, сжавшим моё сердце ледяной рукой, так что я перехватила Андетту на выходе и сообщила, что хочу тут немного задержаться. Она оглянулась на Леону и понимающе кивнула мне. Когда они ушли, я подошла ближе, взирая сверху вниз на неё, сидевшую в закрытой позе и весьма сердитую. Гнева во мне не было, как и злости, лишь непонимание...

— Довольна собой? Пришла позлорадствовать? — Леона фыркнула, её лицо, которое я когда-то считала милым или даже привлекательным, вдруг исказилось зобной гримасой, я вздохнула.

— Я просто хочу знать: зачем ты это делала? Зачем?

Девушка снова фыркнула, недовольно поглядывая в сторону и буквально разрываясь между желанием облить меня грязью и кинуться на меня с кулаками. По спине пробежали робкие мурашки, я была ужасна рада, что она за решёткой и не сможет до меня дотянуться. Пауза затянулась, но вот она встала, подходя ближе, её тёмное школьное платье, чем-то похожее на моё, обвивало стройную фигуру. Её громкий решительный голос отразился от стен:

— Он — мой.

— Он свой собственный, — поправила её я.

— Нет, он мой, а не твой.

— Он мой брат, а не любовник. И не может быть моим, и уж тем более твоим.

— Ты привязала его к себе и пытаешься контролировать во всем.

— Что? Что за абсурд? — Я растерялась от её беспочвенных обвинений, с чего она это решила? Этот разговор и так походил на бред двух сумасшедших, но это...

— Ты даже сюда примчалась сразу, — язвительно сообщила мне девушка, победно приподымая брови.

— За мной приехала Андетта. Она меня и привезла. Я его единственный родственник, до которого она смогла добраться. — Горячо заверила её я, в её глазах мелькнуло сомнение, но лишь на мгновение, и она снова замкнулась, хмурясь. — Леона, прости, но ты говоришь полную чушь. Говоришь, что он твой, и по идее тогда ты должна его любить... не знаю, испытывать чувства собственности к нему. Да что угодно, кроме этого.

— Так и есть, — снова слишком громко заверила меня собеседница, её голос зазвенел в моих ушах. А её эмоции перескакивали с одного на другое и громко отдавались в моих висках, они буквально ревели, сменяя друг друга, словно яркий водоворот и сбивая меня с мысли.

— Вы были в тюрьме, и оба чуть не вылетели из академии. Разве это говорит о том, что ты хорошо к нему относишься?

Леона замерла, её искажённое гримасой лицо, разгладилось, и она, вдруг вцепившись в прутья решётки и заставляя меня отпрянуть, сообщила мне свистящим шёпотом:

— Он должен был доказать.

— Доказать что?

— Что он достоин.

Доказать, что он достоин? Где-то я уже это слышала? Какой абсурд... Кажется, мир мне подсказывал, что и в этом надо быть осторожной и иметь меру. Впрочем, как и везде...

— По-моему, это ты доказала гораздо больше.

— О чём ты? — Я развернулась к ней спиной, собираясь уходить, вслед мне полетело. — Эй!

Я обернулась, встретившись с её озадаченным и испуганным взглядом.

— Тебе напомнить, что умеют демоны ло-укки? — Её страх серым бессвязным комком начал расползаться над ней, глуша остальные эмоции. — Они эмпаты, он знал о всех твоих чувствах от и до. Он знал, что ты его проверяешь и пошёл на это. Но знаешь... я думаю, что эта проверка характеризует тебя с куда более худшей стороны, чем мы оба о тебе думали. Ты не знаешь меры.

Я развернулась и стала подниматься по ступеням, когда я почти прошла половину, мне вслед понёсся её отчаянный крик:

— Алексия, стой!

Я прикрыла глаза. Правильно ли я поступила со всем этим? Могла ли я так говорить? Ведь наверняка Вэрт не чувствует этого и не понимает, для него она всё также лучшая из лучших. Боги, почему он не мог найти себе нормальную пассию? Я вздохнула, поднимаясь наверх.

Мы попрощались с Андеттой, и я с Вэртом. С первой — вполне мирно и дружелюбно со вторым — напряжённо. Он конечно извинялся и старался выглядеть немного виноватым, а я суровой, но мы оба понимали, что это неправда. С его чувствами к ней ничего нельзя поделать, как и с моими переживаниями о нем. Это было неловкое прощание, тяготившее меня весь путь обратно. Я всё думала об этом, пока не заснула в экипаже, проснувшись, лишь когда мы остановились у ворот школы. Было пасмурно и туманно, накрапывал мелкий

дождь, тут же осевший на одежде и волосах взвесью.

В своей комнате, я сбросила свои грязные ботинки с уставших и гудящих ног, сняла платье и бросила его на кровать, а сама в нижнем села рядом. В голове было гулко и пусто, а все тело ломало от усталости. Сложный день. Словно целая жизнь. Я хотела было уже упасть на кровать и предаться беспорядочному сну, как вдруг моё внимание привлёк сложенный вчетверо лист бумаги, лежащий около моих ног. Надо убрать, а то аграманты везде валяются, или вроде бы, когда я заходила его не было? Я наклонилась и подняла бумагу, потом развернула её. Это был определённно не аграмант, там были странные символы, написанный сплошным текстом. Что это такое? И откуда это в моей комнате? Я разглядывала в символы, и тут один из них, похожий на раздавленного жука, привлёк моё внимание. Это же шифр моего дедушки... он пользовался им, чтобы закодировать информацию о своих артефактах. Он был немного параноиком и считал, что всем есть дело до его артефактов, и все хотят их похитить. Так что многие записи шифровал именно с помощью такого вот шифра. На самом деле, он не был сложным — если иметь дешифратор. Все, что были у бабушки, были либо уничтожены, либо проданы, и мне ничего не оставалось, как заняться этим самой. Странно и откуда у меня это всё же? У меня нет ни старых его дневников, ни книг, откуда бы это могло выпасть. В любом случае, пока я не расшифрую, понятнее он от этого не станет.

Сон и усталость были позабыты, и я достала из ящика стола инструменты и линейку. На всё про всё у меня ушла целая ночь и целых шесть попыток. Однако текст озадачил меня ещё больше:

«Думаю тебе не составило труда перевести этот текст, иначе ты не была внучкой своего деда. Это — мой подарок, как я и обещал. У меня есть для тебя предложение: я дам тебе информацию о смерти твоей семьи. Поверь, там всё гораздо сложнее, чем ты можешь себе представить. Взамен ты поможешь мне с артефактом, думаю, что, взглянув подробнее, мы сможем сделать так, чтобы все остались довольны. Артефакт безопасен и никому не причинит вреда, так что тебе нечего бояться. Зато ты будешь знать больше о своей семье. Я предоставлю тебе всю информацию, которую смогу достать и которая у меня уже есть об убийстве твоего деда и твоей семьи.

Если согласишься, я передам тебе ту бумагу с описанием, и ты сделаешь мне артефакт, а потом просто передашь. Если ты против этой затеи — просто сожги бумагу, а если согласна — выброси записку за окно.»

Подписи не было. Я повертела бумагу в руках и достала чистый лист. Пока я переписывала переведённый текст начисто, я всё думала. Станный похититель... вроде бы угрожал мне и вообще вёл себя странно и даже причинял боль, но потом вдруг отступил и стал вести себя цивилизованно. Записки вот предлагает, подарки... сдался ему этот артефакт. Ну допустим, он просто решил, что раз меня не проймёшь угрозами физической расправы, то воздействовать надо по-другому, и можно меня подманить нужной информацией. Например, о моей семье. Это хороший ход, первой моей мыслью было согласится. К черту этот артефакт... может можно будет как-то извернуться и сделать так, чтобы всё обошлось, зато я буду знать об убийстве деда и своей семьи. Все-таки убийство... за что же?

Я вздохнула. Этого я и боялась. Впрочем... что я могу сделать?.. только согласится. Ведь именно этого он от меня и ждёт. Я сложила записку снова вчетверо и благополучно выбросила её в окно. Та медленно спланировала вниз. Я снова вернулась к переведённому

тексту. Надо сообщить Эвиану и прокурору, думаю их обрадует хоть какая-то новость, хотя думаю они ожидали отследить, как он мне передал эту записку или что-то будет более существенное. Жаль, конечно... но все же лучше, чем совсем ничего. Но мне надо подготовиться, — я откинулась на стуле, закинув руки за голову и раздумывая. Артефактор я или нет? Я ведь снова увижу его, если он будет мне передавать ту бумагу или что-то такое, и я снова всё вспомню, а потом снова всё забуду, так не пойдет. Может быть сделать такой артефакт, который будет записывать мою память или запрещать в неё вмешиваться? Нет... это не подойдёт, во мне эти частицы, они внутри, и значит артефакт не сможет на них подействовать. Хотя... эти частицы и сами вроде как артефакт, значит можно попробовать поступить немного хитрее.

Следующий день я благополучно проспала, решив, что если уж прогуливать занятия, то полностью, к тому же я всю ночь трудилась, так что я надеялась, что это послужит достаточным оправданием для директора. Проснулась я только после обеда, голодная, как волк и замёрзшая. Я забыла закрыть окно и потому всю ночь мне мерещилось, что я где-то мёрзну. После плотного завтрака-обеда я решила навеститься к директору, не только показать записку, но и ещё напомнить ему, что он и так хотел меня видеть у себя, как только я приеду обратно.

Эвиан встретил меня напряжённым взглядом, и его тревога тут же была скрыта ментальным блоком, признаюсь, расстроившим меня.

— Что-то случилось?

— Да, — я села в кресло и не спеша поведала ему всё, что произошло вчера в моей комнате, а потом протянула ему переведённый экземпляр.

— А куда ты дела оригинал? — Оторвавшись от разглядывания текста, спросил мужчина, хмурясь.

— Выбросила в окно, как там и написано. Не стоило?

— Так мы могли его отследить... куда принесёт записку, там и будет он, — недовольно поморщился Эвиана. Да, я совсем об этом не подумала...

— Ну он же ещё даст мне бумагу где артефакт описан... — попыталась хоть так оправдаться я.

— Он может передать и через другого.

— Прости.

— Ничего, — взгляд карих глаз остановился где-то над моей головой. — Это всё?

— Не совсем. Мы собирались кое-что обсудить. Тогда в кабинете у мистера Астольфа, ты сказал, чтобы я зашла к тебе.

— Прости, много дел... напомни, о чём шла речь? — Только сейчас я заметила, что его лицо сероватое и усталое, словно он давно не спал, я снова пожалела, что впутала этих мужчин в свои проблемы. Хотя кто знает... возможно это уже не только мои проблемы?

— На счёт того, что была такая традиция раньше делать артефакты по интуиции, а также про дедушку и его запрещённые артефакты.

— М-да, — выдал мужчина, откидываясь на кресле и прикрывая глаза. — Даже не знаю, с чего начать, тема большая.

— Тогда можно я начну с вопросов? — Я получила кивок и продолжила. — Дедушка делал артефакты по интуиции? — Снова кивок, — и они были запрещёнными и многие хранятся в том отделе?

— В основе своей, многие он уничтожал сам.

— Понятно... то есть раньше и правда так делали артефакты, а сейчас почему перестали?

— Раньше это было нормой для всех, сейчас не все даже смогут это повторить. Даже при желании.

— О чём это ты? — Я напряглась. — Насколько я помню, мистер Астольф сказал, что я не избранная и ничего такого.

— Он просто не хотел, чтобы ты зазнавалась, — выпрямившись в кресле, сообщил мне Эвиан. Он был напряжён, — ты не избранная, ты... не знаю, какое слово лучше всего подобрать...

Он замолк, я молчала, давая ему собраться с мыслями.

— Помнишь моё кольцо? — Вдруг спросил меня мужчина, снимая со своего пальца увесистый перстень. Кольцо я помнила хорошо, как и те видения, но решила их не озвучивать, лишь кивнула. — У него есть имя — Фейнир.

На время ментальный блок ослаб и смогла уловить толику сомнения от него. Эвиан сомневался в том, что я нормально отнесусь к тому, что у древнего кольца есть имя. Я протянула руку и кольцо легко скользнуло мне на ладонь. Я напряглась, каждую минуту я ожидала, что снова начну слышать этот голос или появятся видения, но нет, сейчас это было просто кольцо.

— Фейнир, значит...

Кажется, он был удивлён и даже не скрывал этого, когда я новыми глазами осматривала кольцо. Это имя было таким подходящим, словно никак по-другому и не могли его звать.

— Добра и с-света, — раздалось то ли у меня в голове, то ли в реальной жизни, я осторожно подняла глаза на директора. Он молчал.

— И вам того же... — прошептала я, ожидая уже удивлённых вопросов от Эвиана, но нет, он лишь сильнее подался ко мне:

— Ты его слышишь?

— Да... это плохо?

— Нет, просто удивительно. До этого я ни разу не встречал кого-то, кто слышал бы его.

Я вздохнула, облегчённо выдыхая:

— Я рада, а то я уже думала схожу с ума... Помнишь тот вечер? Так вот он постоянно меня звал и просил одеть кольцо и вообще... мне было ужасно не по себе.

— Так вот в чём дело, — мне улыбнулись. — Я всё гадал, что тебя так напугало.

— Я видела две змейки, оплетающие мою руку, и это было как в реальности...

— Он пытался тебя пометить, — «обрадовал» меня мистер Д'армэ, я оторвала взгляд от кольца. — Ты тогда сказала, что видела золотой камень, верно?

— Я же ошиблась...

— Не думаю, это древнее кольцо, в котором заключён дух-хранитель нашего рода, и он редко, когда ошибается. Он так намекал мне...

— На что?

Ответом мне служило молчание, ментальный блок то появлялся, то снова слабел, обнажая мне куски запутанных эмоций Эвиана. Похоже этот вопрос его несколько смутил.

— Ш-што вы преднас-снащены друг другу, — подало голос кольцо в тишине кабинета.

— И кто это решает? — Я в такое не особенно верила и решила, прежде чем радоваться или расстраиваться, всё узнать поподробнее.

— Я, — мне показалось в голосе Фейнира прозвучала улыбка. — Вы из двух древних

родов, и они редко пересекаются друг с другом, но я не в силах устоять перед голосом вашей крови.

— Я ничего не понимаю. — Вздохнула я, — кто назначил тебя хранителем и тем, кто вправе решать за других? — Я бросила укоризненный взгляд на своего директора, но он продолжал отмалчиваться. — И ещё... ты — дракон?

— Умная девощ-щка. — Согласился Фейнир, — но я им был когда-то. С-сейчас я только душ-ша, в которую магия вдохнула немного силы, сохранив память и рас-сум.

— Магия?

— Да. — Это уже в разговор включился Эвиан, он встал со своего места и подошёл ко мне ближе, присаживаясь в соседнее кресло. — Весь секрет и беда этого мира заключаются в том, что магия — живая. Она разумна, обладает силой воли, желаниями, а вовсе не глупая субстанция, которую надо направлять своими действиями, и которая вырвется на свободу, если ты сделаешь ошибку.

— Что? — Мой удивлённый вопрос прозвучал даже слишком громко, — этого не может быть!

Мне дали переварить эту мысль, но недолго. Однако прежде чем Эвиан открыл рот, я обрушила на него поток вопросов.

— Если то так, то почему никто не знает? Думаешь, нам лгут на счёт этого? Там в Совете умнейше маги, люди, которые изучали магию долгие десятилетия, и ты думаешь, они стали бы лгать на счёт такого?

— Вообще это с-секрет, и о нём мало кто с-снает, — огорошил меня Фейнир. — Но с-скажешь это не так?

— Представь на минуточку, что магия и правда живая, а ты её держишь под замком собственных убеждений и заклинаний. Представь, как она зла на тех, кому подарила себя, а они её заперли и эксплуатируют....

— Так почему бы не выпустить её?

— Ты думаешь она обрадуется тебе, своему тюремщику? Думаю, она будет ужасно расстроена и захочет отомстить тем, кто её запер. И им конечно же не хочется этого.

— Хорошо, — я всплеснула руками. — Это сложно приставить и ещё сложнее поверить, но допустим это правда. Но при чём тут я?

— Ес-сть два рода, один — род хранителей, которые долш-шны с-снять этот с-секрет и передавать дальш-ше с-своим детям, чтобы и те хранили его, и ес-сть второй — те, кто мош-шет общаться с-с магией.

— Первый, это твой род, да? — Эвиан мне кивнул, — а второй мой? Но я не умею с ней общаться... я бы заметила.

— Твои артефакты. Это не интуиция направляла их, а её рука, ты позволяла ей больше, давала власть, и она помогала тебе. Как и твоему дедушке.

— Это слишком сложно... — прошептала я, пытаюсь зацепиться взглядом за ковёр или детали интерьера. — Но почему я?..

— Это просто потому что ты из этого рода, вот и всё.

— Какой в этом смысл, если всё равно все подобные артефакты считаются запрещёнными?

— Смысл в том, чтобы ты осознала это... а на счёт выбора кольца, и что мы предназначены... это не так уж важно. Не думай об этом. — Он солгал. Я подняла глаза на Эвиана, он улыбался мне успокаивающей доброй улыбкой. Это было важно... почему же он

тогда лжёт мне? Не хочет, чтобы я волновалась? Как вообще можно не волноваться, услышав и узнав всё это?

Я встала с кресла, он тоже встал вслед за мной.

— Мне нужно всё это обдумать, потом поговорим ещё раз на эту тему... сейчас... сейчас для меня всё это слишком неожиданно.

— Хорошо... — тихо отозвался Эвиан. Я замешкалась всего ан секунду, испытывая смешанное желание подойти к нему ближе, уткнуться лбом в его грудь, вдыхая его запах и... Я мотнула головой и зашагала к двери.

Глава 25. Замок без ключа

Я стояла, немного ёжась на холодном ветру. Погода не жаловала... только вот было тепло и солнце светила, а сейчас снова промозглый ветер и туман, от которых легко можно подхватить простуду. Я вздохнула и плотнее закуталась в плащ, который мне уже не казался настолько удобным и тёплым как при выходе из академии.

— Алексия, — раздался голос позади, и я облегчённо выдохнула. Я боялась, что он не придёт. — Я был удивлён твоей просьбой, признаюсь.

— Простите... — я потупилась, переступая с одной замёрзшей ноги на другую.

— Эвиан знает? — Грозно свёл свои брови на переносице Королевский Прокурор, я покачала головой:

— Нет, я решила ему не говорить ничего

— Почему?

— У меня ещё одна просьба...

Мистер Астольф нахмурился и вокруг него стали всплывать облака сомнений, подозрения и недовольства.

— Кроме как встретиться с тобой?

— Кроме этой.

— Какая же? Давай только побыстрее разделаемся с этим, я не люблю такую погоду.

— Хорошо, — я решительно выпалила. — Прикажите мне... вспомнить.

— Что?

— Понимаете, Андетта сказала, что истинный дар, как у вас, может перекрыть действие артефакта. И если частицы — это артефакт, вы сможете мне приказать и...

— Откуда она это знает? — перебил меня прокурор, но я лишь могла пожать плечами:

— Без понятия.

— Не получится, — сказал, как отрезал мистер Астольф, грозно отвернувшись и поглядывая по сторонам.

— Но почему?

— Потому что ты уже забыла. Я не могу заставить тебя вспомнить то, чего в твоей памяти уже нет.

Я замолчала, лихорадочно соображая и дую на озябшие руки:

— А если не забывать? Вы можете это приказать? Чтобы я, когда его встретила, перестала забывать?

— Хм... дурацкая идея, но и правда может сработать. — Хорошо. Если встретишь своего похитителя, запомни всё, что необходимо для доказательства его вины.

— Думаете этого достаточно? — я прислушалась к себе: никаких ощущений не было ни

в теле, ни в голове.

— Если вспомнишь детали своего похищения или своего похитителя, запомни его. Довольна?

— Да. Спасибо. И что пришли, и что помогли мне. Я думала, вы откажете. Разноцветные глаза посмотрели на меня сверху вниз.

— Я так и хотел сделать, просто потом передумал. А теперь иди обратно в академию, не хватало ещё того, чтобы ты простыла.

— Да, конечно, — я наполедок улыбнулась ему и помазав рукой, что конечно же было лишним, отправилась в академию. Дальше оставалось только ждать. Ждать, когда мой похититель снова подаст знак и пришлёт мне ту самую обещанную бумагу про артефакт.

Отчего я не сказала об этом Эвиану? Я и сама не знала. Это был и страх, что может не получиться, и страх его ревности, и желание в случае удачи услышать похвалу. Странный коктейль эмоций и желаний, мешавший мои мысли в одну кучу.

После этого дня потянулось ожидание, бесконечное и сводящее меня с ума. Оно кончилось лишь когда неделю спустя я получила жёлтое пыльное извещение о том, что в почтовом отделении меня ожидает посылка. Тогда я, словно очнувшись ото сна, тут же бросилась в это само отделение, чтобы забрать посылку и сгорая от нетерпения отправилась в академию, чтобы там в своей комнате, быстро закрывшись и даже не раздевшись, приняться разворачивать грубую бумагу посылки. Посылка была небольшой, довольно лёгкой и легко умещавшейся в двух руках. Внутри, и как я и подозревала, оказались части того самого артефакта, который мне нужно было сделать. Я не ошиблась, эта была посылка от похитителя. Сначала я долго разглядывала всего три предмета, которые оказались там и бумагу, которая мне уже была известна, сидя на коленях перед собственной кроватью. Там был небольшой камешек в виде полушария цвета зари, он был идеально гладким и очень приятным наощупь. Именно из-за этого цвета мои глаза все время возвращались взглядом к нему, и я не спускала его с колен. Второй предмет был металлическим медальоном с нанесённой на него гравировкой в виде рун и знаков, такие же знаки значились и на лакированном деревянном круге шириной в несколько пальцев, в котором были две выемки под медальон и камень. Я долго разглядывала вещицы, не в силах определиться с отношением к этому артефакту. Было видно, что каждую эту часть делал новый артефактов, даже остались «ментальные» следы, и меня это раздражало. Не люблю доделывать артефакты за другими, если делать, так с нуля и по-своему, а не вот так собирать, словно ребёнок из деревянных кубиков, что-то стоящее.

В принципе, перечитав инструкцию и десятки раз осмотрев детали, я признала, что именно эта работа других артефакторов поможет мне в этот раз сделать что-то большое, ёмкое, и не потратится до конца. К тому же, я решила, что буду делать по интуиции, то есть всё с помощью магии. Артефакт и так, и так является запрещённым, так что не вижу проблемы в том, чтобы делать его немного не по правилам. Сами части мне готовить никак не нужно было, они уже были зачарованы, так подправить чутка и собрать вместе. Никакой записки от своего похитителя я при посылке не нашла, лишь в конце инструкции круглым интересным подчерком было написано, что артефакт нужно сделать не полностью, потому что, если поместить в него медальон сразу — он активируется, а допустить этого нельзя. А саму инструкцию, как и ту его записку, после того как сделаю, нужно выбросить в окно. На это я лишь пожала плечами: надо, значит сделаем.

Работа шла медленно и как-то не охотно, хотя если бы я делала все по правилам,

потратила вдвое больше сил, да и времени, надо признать, тоже. Я была ужасна благодарна и деду, и Эвиану, что я теперь могла пользоваться помощью магии, так тратилось немного меньше энергии, и резерв становился пустым не сразу. Примерно через месяц кропотливой работы с постоянным отвлечением на учёбу я принесла артефакт в кабинет директора и сложила на стол, рядом положила медальон. Мой директор наклонился к артефакту ближе, рассматривая его с разных сторон, Королевский Прокурор, тоже решивший поучаствовать в осмотре сего предмета, стоял рядом со столом и посматривал лишь сверху, но ни один из них явно не торопился касаться его руками.

— Это дерево кусаи? — вдруг спросил Эвиан, указывая на деревянный круг со знаками. Кусаи было священным деревом и трогать его было запрещено, хотя его древесина ценилась на вес золота, да и использовать её в артефактах можно было безо всяких приготовлений. Кусаи росли, впитывая и проводя магию через свои соки, и каждый кусочек древесины этого дерева по сути был волшебным.

— Ты думаешь?

— Почти уверен, — кивнул Эвиан своему другу. Я молчала, а я вот так сразу бы и не догадалась, что это кусаи, хотя все это пробыло у меня в комнате почти месяц. Только осознав, каких гигантский проблем я избежала лишь чудом, я поёжилась, мне стало как-то не по себе.

— Есть предположения, что это? И как работает? — мистер Астольф смерил меня нетерпеливым взглядом. От обоих мужчин исходили волны тревоги, правда, если прокурор волновался больше о будущем, то Эвиан явно обо мне. Артефакт был готов и было очевидно, что именно мне придётся отнести его в стан к врагу, если уж меня это волновало не на шутку, то его и подавно. Я бросила на него взгляд и тут же опустила глаза, когда он встретил его прямо.

— Алексия?

— Да? — о чём шла речь? Кажется, я задумалась немного... — Что?

— Не спи, что это за артефакт?

— По моим предположениям, это замок. По устройству очень похож по крайней мере.

— Замок? — уточнили у меня хором мои собеседники.

— Только не спрашивайте от чего? — я развела руками. — Понятия не имею.

— Есть такой артефакт, называется «Ключ от всех дверей», — медленно произнёс Эвиан, облакачиваясь на спинку кресла и складывая руки в тёмном кителе на груди. — Возможно, это часть от этого артефакта.

— Не думаю, — поправила его я. — Он очень узконаправлен. Он создан, чтобы открывать что-то конкретное, но вот что...

— Ты уверена? — тут же вмешался в наш разговор мистер Астольф, — если речь идёт о «Ключе от всех дверей», то он может открыть что угодно.

— Вы думаете ему нужно что-то банальное? Сокровищницы? Покои короля? Знания? Золото? Нет. — Я покачала головой. — Не все так просто, к чему столько шума из-за такого банального предмета? Ему нужно что-то иное.

— Меня удивляет другое. — Эвиан прожёл артефакт таким взглядом, что по ногам поползли мурашки. — Если это замок, как ты говоришь, то у него должен быть ключ, который его отмыкает? Нет? Или он работает не так?

— Вообще да, — я взяла артефакт в руки чтобы убедиться в этом ещё раз. — Замок надо активировать, потом приложить к двери или ко входу, не знаю... и чтобы это что-то

открыть, нужен ключ. Без него он не станет работать.

— Но его у тебя нет? Он не просил его сделать? — Я покачала головой. — А медальон? Он не может быть ключом?

— Нет, это лишь часть артефакта. Ключ что-то иное, — я начала жестикулировать не в силах передать словами, что хочу выразить, — не в понимании «фигурная железка, которую засовывают в скважину», её тут и нет даже, а какой-то другой ключ.

— Значит, скорее всего, он у него уже есть. — мрачно признал мистер Астольф, вокруг него сгушалось недовольство.

— Есть ключ, но нет замка. Патовая ситуация. — согласился с ним Эвиан, могла бы я читать его эмоции, могла поспорить внутри он весь негодовал и также был недоволен, как и его друг.

— Но что мы будем делать дальше?

— Ты сообщишь ему, что все готово, я сделаю следящее заклинание на инструкцию, — сказал Эвиан мне, я опустила глаза на артефакт. — А потом... снова выжидать.

Слава богам ждать долго в этот раз не пришлось. Наутро я обнаружила на подоконнике короткую записку, написанную знакомым круглым подчерком, там значился адрес и дата, с которыми я прямо с утра, сонная и едва причёсанная прибежала к Эвиану. Судя по одежде, он ещё даже не ложился, но спрашивать его об этом я не решилась, лишь протянула записку.

— Там ничего особенного, — устало потёр покрасневшие глаза мой директор и на мгновение мне даже стало его жалко, — это просто главный перекрёсток города, рядом лишь жилые дома. Хотя возможное у него где-то там есть комната или его убежище недалеко оттуда. Однако дело осложняется тем, что это почти центр города, и там будет много людей.

— Это плохо?

— Он может причинить им вред. А если мы попросим их держаться от этого места подальше, он что-то заподозрит.

— Может тогда стоит напасть на него сразу, как только он появится? Сделать всё максимально быстро?

— Легко сказать, — вяло улыбнулся мне Эвиан, я задумчиво поджала губы:

— А что, если... я могу потянуть немного времени, разговаривая с ним. Это позволит вам сориентироваться.

— Да, это будет полезно. Мы с Каэном все продумаем, тебе лучше не забивать этим голову.

Когда я, грустная отчего-то и словно потерянная, покидала его кабинет, он вдруг окликнул меня:

— Будь завтра осторожна.

Я лишь могла кивнуть на это.

Всю ночь меня мучали кошмары и явления, мне снился женский шёпот, говорящий мне что-то, я просыпалась каждый час и к утру была разбитая и более усталая чем, когда легла спать. Через несколько часов мне стало лучше, и на задание я уже ехала в нервном возбуждении. Сердце шумно колотилось об стенки грудной клетки, а я стискивала перчатки в руках. Начало холодать и без них бы мои руки точно отмёрзли на улице. Я вышла из экипажа за несколько кварталов, решив, что до места лучше добраться пешком. Я шла и оглядывалась, каждый встречный мне казался зловещим и мне словно чудились взгляд и смешки от прохожих, а ещё будто бы кто-то сверлит мне взглядом спину. Но стоит

обернуться — и там никого. Пока я шла этот квартал до нужного мне перекрёстка, я старалась успокоиться, шумно вдыхая влажный и промозглый, однако это не помогало, как и уговоры, что мне ничего не угрожает.

Ведь я просто отдам артефакт и уйду, а дальше за дело возьмутся Королевский Прокурор и Глава Военной Гильдии. У него нет против них и шанса. Если первый может меня не особенно любить, но всё равно не станет подвергать излишней опасности, то второй скорее сам выбежит меня защищать, чем позволит со мной случится плохому. Так что волноваться мне было не о чем, верно? Правда же? Да? Он же не обидит меня снова? Ему не дадут причинить мне боль?

За несколько домов до нужного мне я вдруг испытала плохое предчувствие, которое меня накрыло и заставило даже задержать дыхание, погружая в пучину паники. Все закончится не так, как мы планируем, — мелькнуло в голове, и я тут же насильно отмела эту мысль. Не думать об этом, не думать! Все будет со мной хорошо, а его схватят, и зло будет наказано, а добро восторжествует. Все будет именно так. Увещевая себя подобным образом в голове, я медленно буквально черепашьими шагами, продвигалась к своей цели. Но даже несмотря на это я пришла явно раньше положенного срока. Мимо меня спешил народ, иногда отталкивая плечом. Я отошла к фонарю, сейчас ещё выключенному, и боязливо оглядывалась, пытаюсь в каждом угадать Данэйла. Но его не было. А что если... а что если это все обман? Если все это подстроено, чтобы узнать рассказала ли я об этом кому-то или нет? Что если сейчас как раз не мне, а Эвиану и мистеру Астольфу угрожает опасность? Сердце сжало страхом, и я уже сделал несколько неуверенных шагов прочь от фонаря, как вдруг позади меня раздалось:

— Добрый вечер, Алексия.

Я быстро обернулась, там стоял Данэйл, глава отдела запрещённых артефактов, плащ с глубоким капюшоном скрывал его лицо, и он слегка сдвинул его, позволяя увидеть его улыбку спокойную и расслабленную, словно мы с ним были хорошими знакомыми. От него веяло добротой и гармонией, сквозь которые слегка проявлялась странноватая эйфория, она мелькала и в его взгляде, делая янтарные глаза немного безумными.

— Я принесла артефакт, — я вытащила из-под плаща его, держа в одной руке, подрагивающей от тяжести, сам артефакт, а в другой — медальон, который стоило сейчас просто закрепить в нем для окончания.

— Ты проделала огромную работу, — отозвался мой собеседник, даже не посмотрев на артефакт, лишь глядя мне в глаза. Я облизнула губы и подумала, что это мой шанс: пока те, кто сейчас в засаде заняты своим делом, я могу отвлечь его. Благо он и сам не подозревал ничего и не торопился. Надо тянуть время, как я и обещала.

— Это замок же, да?

— Именно. Заверши его сейчас.

Я сжала медальон в руках и аккуратно поместила его в нужный паз, по рукам поплыло тепло законченного артефакта. Да уж, без него остальное было бы не важно, весь артефакт терял свою ценность и не мог бы работать совсем. Я напряглась, пуская силу по контуру артефакта, замыкая его, а потом протянула артефакт мужчине, он же стоял недвижим. — А как же тогда открывать замок? Там же нужен ключ.

— Это так.

Пола плаща вспорхнула, и рука Данэйла потянулась к артефакту, но вместо того, чтобы забрать его у меня, он положил свою ладонь поверх моей. Его эйфория стала победной,

напугав меня. Я подняла взгляд на него, нехорошее предчувствие стало невыносимым.

— Ведь ключ — это ты.

Меня вдруг стало куда-то засасывать, а мир смазывался вокруг. Я зажмурилась, вцепившись в артефакт.

Глава 26. Все смешалось: боги, люди

Я удивлённо замерла, оглядываясь и прижимая в испуге к себе артефакт. Мы стояли вроде как в стеклянной пещере, вокруг нас, за этими стенами, бурлил непонятный поток, похожий на светящуюся воду, в которой размешали сотни несмешивающихся красок. Она блестела, сияла, переливалась и иногда в ней будто что-то мелькало, привлекая внимание. Свет шелл будто от стен, наполняя пещеру мерцанием, чьи блики бродили по моему платью и по нашей одежде. Я повернулась к своему похитителю, который кстати тоже удивлённо оглядывался вокруг. Он тут ни разу не был?

— Где мы? — мой голос гулко отразился от стен, напугав меня эхом, — куда мы попали?

— Насколько я понимаю, это — межмирье.

— Что? — я снова начала озираться. — Как межмирье?.. Подождите, а мир что... не один?

— Ну конечно нет, — Данэйл с улыбкой покачал головой. — Неужели дедушка тебе не рассказывал? Миров очень много, каждую минуту создаются сотни миров, и ещё сотни тут же погибают, сгорают.

— Нет... он ничего мне такого не говорил.

Я подошла к одной из стен и коснулась её ладонью. Я ожидала, что она окажется ледяной и твёрдой, однако она была мягкой и тёплой, немного прогибающейся под ладонью, словно... словно чья-то кожа. Я отступила, подумав, что эта ткань может быть тонкой и хрупкой и, если она порвётся, нас обоих затянет в этот странный светящийся поток за ней.

— Как такое может быть? Что миров много? — вернулась я к насущному вопросу, возвращаясь взглядом к похитителю и с удивлением наблюдая, как он достаёт что-то из своего заплечного мешка и раскладывает на полу. Я переступила с ноги на ногу. Пол был прозрачным, как стены, но, к счастью, твёрдым, словно был каменным или стеклянным.

— Существует лишь один мир, остальные — лишь его отражения.

— Но вы же только что...

— Не перебивай, — на меня остро взглянули янтарные глаза, и я испуганно замолкла. — Что будет если поставить, например, вазу с цветами в комнату, наполненную зеркалами разных размеров? Сколько там будет ваз с цветами?

— Одна? — не очень уверенно переспросила я, тот удовлетворённо кивнул. Кажется, Данэйлу даже нравился и наш разговор и то, что происходило, это не могло не пугать меня.

— Именно. Ваза будет одна, но каждое из её отражений уже живёт своей жизнью, и каждое оно отражается по-своему, не полностью. Где-то видно лишь бок или свет падает по-другому, где-то не видно цветов или они сокрыты в тени, каждый раз это новая картина. Так и с мирами. Когда-то появился один мир, а потом он распался на сотни отражений, каждое из которых зажило своей жизнью, и каждое считало себя оригиналом.

— А в каком живём мы? В оригинале?

— Это мне неизвестно. Может быть, — уклончиво ответил Данэйл.

— А кто создал эти миры? Боги?

— Конечно нет, — усмехнулся мужчина, медленно сворачивая мешок в компактный рулон. — Позволь мне рассказать тебе одну сказку. Эта сказка про богиню, которая создала оригинальный мир и заселила его людьми.

— Богиню?

— Я же просил не перебивать, — раздражённо пробормотал мужчина и приказал, — не смей говорить.

Я прижала руку ко рту, не в силах вымолвить и слова или даже замычать. Мне стало по-настоящему страшно, что он вообще хочет добиться? Затащил меня в межмирье, и что теперь делать мне? И что теперь делать Эвиану и Королевскому Прокурору, ведь они не смогут меня найти? Не думаю, что кто-то из нас мог даже предположить подобное развитие событий.

— Так вот, — гнев похитителя растаял, как будто и не бывало его, — на чём я остановился? Ах, да... это была не богиня, это лишь человеческое слово, которое позволяет нам описывать точнее то, что мы не понимаем. Это была энергия, сама концентрация жизни, это было то, что мы называем магией.

Я удивлённо замерла, прислушиваясь. Что он сказал?

— Магия создала все, создала первый мир, создала нас, людей, создала богов, которые должны были присматривать за людьми, а сама решила уйти на покой или может пошла создавать новые миры. Кто знает... Магия оставила свою энергию, чтобы у людей было чудо, было волшебство, и они могли колдовать, не все, лишь избранные, но всё же это был щедрый подарок. Однако люди предали её, заковав в оковы заклинаний, она дала им свою силу, а им этого было недостаточно. Им хотелось большего, им вдруг показалось, что так будет лучше и безопаснее.

Я слушала эту сказку и перед моими глазами всплывали картинки: энергия, создавшая нас и мы, её детища, посадившие её в клетку... моё сердце сжало жалостью и тоской. Как так можно было? Почему те, кто сделал это, так поступили? Что тогда произошло на самом деле? Кто прав и, кто виноват? Я вздохнула и с удивлением поняла, что уже могу говорить, да и Данэйл молчал, значит перебить его уже невозможно.

— Что вы хотите сделать?

— Я? — Данэйл повернулся ко мне, в его руках была корона. Корона? Я всмотрелась внимательнее. Да, самая обычная корона, правда несколько фальшивая, как по мне, на вид абсолютная подделка, но все же... зачем? — Я хочу освободить её.

— Это возможно?

— Конечно. Твой дед всё продумал...

— Дедушка?

— Да, когда-то он работал вместе со мной. Я был его другом, он рассказал мне и о множественных мирах, и о магии, и о своих артефактах...

Данэйл замолк, уставившись куда-то в бесконечный поток, видимо погруженный в собственные воспоминания. Вокруг него вились странные эмоции, сменявшие друг друга, как калейдоскоп. Подождав с минуту, я осторожно спросила:

— А потом?

— А потом он передумал. Это он всё придумал: и артефакт-замок в межмирье, и её освобождение — все он. Но в последний момент он сказал, что этого никогда не случится. Дождавшись наконец твоего обучения, я смогу привести его план в исполнение.

В принципе мне всё нравилось. Ну, кроме странного мужчины с припадками душевнобольного и частиц, из-за которых он мог управлять мною. Но сама идея была и правда хороша. Что плохого в том, чтобы помочь ей? Она же наша прапра и это благое дело — выпустить её из плена. Как это отразится на мире, дело десятое. Главное, помочь ей, вызволить её из беды.

— Но как?

— Он успел сделать кое-какой артефакт до того, как его посетило безумие, и он отказался от дела.

— Что будет, когда она вернётся?

— Ну для начала ей понадобится тело, чтобы вместится в него, все-таки она энергия, — с этими словами Данэйл подошёл ко мне и надел на мою голову это странное подобие короны. Я удивлённо взирала на него. Корона? Мне? Но зачем? Может это тот артефакт, про который он говорил? Тогда почему ничего не происходит? И зачем он мне?

— Что вы делаете? — отчего-то шёпотом уточнила я, сильнее прижимая к себе артефакт-замок.

— Прости. Мне правда очень жаль, Алексия, — от мужчины стали расползаться эмоции искреннего сожаления и чувства долга, при чём второе явно перевешивало первое. Что он имеет в виду? — Не двигайся.

Тело словно окаменело, я могла дышать и моргать, и ещё что-то возмущённо мычать — все, руки и ноги не слушались, слава богу сердце хотя бы стучало. Правда мне казалось оно ломает мне кости и вырвется наружу, страх затоплял мой разум, почти отключая его. До меня медленно начало доходить... магии нужно тело...

— Прости, — ещё раз повторил Данэйл, отходя от меня и вытаскивая из карманов какие-то кристаллы. — Мне нужно быть тут, чтобы следить за всем, так что я не могу отдать своё тело, а твоё может подойти ей.

Я возмущённо что-то промычала.

— Что? Нет, конечно ты не умрёшь, твой дух... твоя душа стает эфиром и будет летать рядом, я запру тебя в такой кристалл, — мужчина продемонстрировал мне камень. — А потом найду какое-то тело и туда его помещу... прости, тащить сюда тело было бы слишком сложно, пришлось воспользоваться твоим. Но поверь, это на благо всему миру, можешь считать, что ты совершаешь героический подвиг.

В этот раз у меня даже не хватило сил, чтобы что-то промычать. Я вдруг представила себя очнувшейся не в своём теле, а в каком-то другом, не то, что некрасивом, толстом или, например, даже мужском, просто другом. Буду ли это я? И хочу ли я вообще совершать сей подвиг, если для этого придётся жертвовать мной? Нет... не думаю.

Тем временем Данэйл быстро нарисовал вокруг меня что-то на полу. Круги вызова? Он же магию вызывает, а не черта или демона, зачем ему круги? Мужчина села передо мной на пол, так что взглянуть на него мне было невозможно, мои глаза не настолько могли скоситься вниз. Какое-то время была тишина, а потом... потом из его рта стали лететь отрывочные странные фразы, от которых завтрак начал проститься наружу. Я стояла прямо в центре кругов вызова и это было не самое приятное времяпровождение, будь у меня возможность, наверное, я бы согнулась, пытаюсь одновременно удержать собственные внутренности на месте и голову, в которой казалось надрывается колокол. Слова все продолжались и продолжались, правда постепенно стихая, пока я не перестала слышать их вовсе. Я открыла глаза. Свершилось, моё тело больше не было моим.

Вот вам первая часть этой главы, завтра будет ещё надеюсь. Так как дело движется к концовке, постараюсь выкладывать хотя бы каждый день, по полглавы. Наслаждайтесь)

Глава 26. Все смешалось: боги, люди — 2

Я будто была заперта в своём теле, я видела и слышала все, что происходило, я даже чувствовала, как касается меня одежда, тяжесть артефакта и лёгкую корону на волосах. Но тело теперь было чужим и двигалось не по своей воле. Мои руки разжались, выпуская артефакта и тот упал на пол, разбившись.

— Богиня?..

— Идиот, — услышала я свой насмешливый голос, — только не говори, что ты и правда думал, что это сработает?

Я с удивлением увидела, как тело Данэйла, словно безвольная кукла приподымает какая-то невидимая сила и потом швыряет, впечатывая его в стену той пещеры, где мы были. Моё тело вышагнуло из кругов вызова, потом медленно стянуло корону с головы, отбрасывая её в сторону. Вроде бы это было и моё тело, но двигалось оно по-другому, голос тоже мой, знакомый, но и интонации, и звучание всё совсем иное.

— Артефакт контроля, серьёзно? Данэйл, ты меня разочаровал, — спокойно сообщила богиня, подходя ближе к нему, тот тяжело дыша, приподнялся, его голова была разбита, он как раз прижимал к ней ладонь и из нее сочилась кровь, а ещё... он был напуган, взирая на нас. Артефакт контроля? Он думал её контролировать им? Богиню? И правда довольно неосмотрительно... Моя тонкая рука сомкнулась на его шее, прижимая его к стене со всей силы, так что я чувствовала, как бьётся пульс под моими пальцами. О, нет... только не это... Когда его глаза закатились, я пыталась хоть как-то повлиять на своё тело, но все было без толку... Данэйл, закатив глаза, сполз вниз. Я похолодела. Мы его убили? Мои руки только что... они что, убили человека?..

Тем временем богиня в моем теле вдруг провела рукой по мягкой стенке пещеры, разрезая её без всякого усилия, словно провела ножом, а потом скользнула в цветной водоворот. Что она задумала? Куда мы? Наша прапра больше не казалась мне доброй и отзывчивой, и я уже сомневалась, что это была хорошая идея освободить её? Как тогда говорил Эвиан? Она будет зла на мир и на людей и вряд ли обрадуется своим тюремщикам, и, наверное, будет мстить... я готова была расплакаться от отчаянья, но и этого сделать не могла.

Я не поняла, как мы оказались на одной из площадей Столицы, вот мы плыли по цветному потоку и вот уже стоим там, вокруг ходят люди и даже посматривают на нас немного удивлённо. Моё тело стоит с запрокинутой головой и смотрит на солнце и немного пасмурное небо, руки раскинуты в стороны. Что она делает? Я почувствовала жжение, словно мои пальцы погружали в горячую воду, и та становилась все горячее и горячее. Я отвлеклась от этих ощущений, когда осознала, что стало холоднее и темнее, вокруг нас стал усиливаться ветер, а ровно над нами сгущаются тучи, скручиваясь в воронку, которая расширялась с каждой минутой и вращалась всё быстрее. Ветер стал сильнее, в воздухе летала пыль, бумаги, листья деревьев и ещё какой-то мусор, кажется, даже шляпы; были слышны испуганные крики людей, а небесная кара набирала обороты. На небе появились молнии, на лицо упали первые капли дождя, сначала редкие, потом все чаще. И вот на нас уже обрушился целый поток воды, заливающийся за шиворот, мочащий лицо и волосы.

— О, боги... это что?.. — услышала я сзади, но обернуться не могла, лишь почувствовала, как на моё тело со всей силы обрушилась волна. Мы также и стояли посреди площади, не двигаясь и не меняя позы, а нас уже накрыла следующая волна, сбивая людей с ног. Позади нас, буквально в квартале, было море и порт, и, кажется, сейчас морская вода тоже была заодно с разгневанной богиней.

Боги, спасите нас, — мелькнуло у меня в голове, когда я поняла, что мы почти по колени в воде и вода продолжает прибывать, крики людей стали почти нестерпимыми, резали мне уши, мучали меня. Меня душил страх, не только от того, что здесь происходило, всё это казалось слишком нереальным, сколько от воды. Я не умела плавать... и моё тело тоже... я банально боялась утонуть, однако богине на это было все равно. Её разросшийся ураган готов был вот-вот опустить свой хвост на землю и начать сносить все на своём пути, жжение в руках все не прекращалось, и я не знала, то ли это дождь мочит наше лицо, то ли все же мои слезы проступают сквозь чужую волю.

— Алексия?.. — вдруг услышала я позади. Эвиан?.. — Что ты делаешь?..

Богиня обернулась, встречаясь взглядом с ним, он поддерживал раненного мужчину, был мокрым и кажется даже в крови, рядом с ним стояло ещё несколько дрожащих и испуганных людей. Мои губы разошлись в улыбке, и тело, взмахнув рукой, отнесло его и остальных дальше от нас.

Прекрати! — мой крик был не услышан, — прекрати!

Умолкни, пока я тебя не выселила, — раздалось в голове, я явственно слышала приятный голос хоть и полный злобы. Я вдруг очутилась в странном тёмном пространстве, что не было понятно, где кончаются стены и начинается пол или потолок, там была только я и ещё женщина напротив. Она была одета в белое испачканное грязью свободное одеяние, у неё были длинные волосы, спускавшиеся до пояса и казавшиеся нечёсаными, лицо испачкано сажей и искажено злобой, тёмные глаза сверкают яростью.

— Прекрати это, прошу тебя... — здесь я была осязаемой, у меня были руки и ноги, я могла двигаться, могла падать на колени и, наконец-то плакать, отдаваясь на волю собственному отчаянью. — Зачем ты это делаешь?..

— Зло должно быть наказано. Вы предали меня. Значит вам больше не жить.

— Ты нас создала, ты наша мать. Матери не убивают своих детей, — я всхлипнула.

— А дети не сажают своих матерей под замок, — ответила мне богиня, присаживаясь рядом с коленопреклонённой мною. — Ты хоть представляешь, сколько лет я провела в заточении? Сколько лет мне пришлось унижаться, быть лишь подстилкой, выслушивать о себе гадости? И сейчас вы за все ответите сполна.

— Ты не можешь их всех убить.

— Почему нет? Начну, например, с твоего любимого Эвиана... — я замерла, испуганно глядя на неё. — Твоя память для меня как на ладони, я вижу, что ты чувствуешь к нему. Чем не плата?

— Ты всё равно этим не насытишься, — вдруг отчего-то вполне спокойно сообщила ей я, она кивнула:

— Именно. Мне нужны все они. Каждый из тех глупцов, как этот Данэйл, — богиня покачала головой. — Он хотел себе карманную богиню, которая станет делать для него все, что угодно. Думаешь зачем ему понадобилось тело? Меня можно было выпустить и так, а так он хотел меня запереть в нем. Думал, я настолько глупа, что не замечу артефакта.

— Но мы не такие...

— Ты была просто использована, согласна. Хочешь, я оставлю только тебя в живых? Мм? — мне улыбнулись очень коварно, наклонив голову.

— Люди даже не знают о том, что с тобой происходит, — попробовала я последний аргумент. — Они не знают о тебе... думаешь, стали бы они намеренно причинять боль?

— Стали бы.

— Не все. Есть плохие люди, я знаю, но большинство просто не знает, оно считает, что магия — это просто... просто инструмент, бездушный. Мало кто на самом деле готов причинять боль намеренно.

— Ты лжёшь, — однако голос богини уже не был столь уверенным.

— Тебе виднее, ты же у нас тут богиня, — пожала плечами я. Кажется, она была смущена моими словами, и точно сбита с толку. Хоть что-то... Я встала с колен, окончательно приходя в себя после этого выплеска эмоций и вытирая лицо от слез. — Я и сама не знала этого, можешь посмотреть, тебе же доступна моя память. Об этом знает только род Эвиана и Фейнир, они хранят тайну, остальные — нет.

Она задумчиво прикусила нижнюю губу, а потом взглянула на меня, её лицо словно постепенно теряли остатки этого запального безумия, глаза перестали гореть, становясь вполне обычными — человеческими.

— Представь, сколько своих детей ты уже погубила там... по всему городу. Чем ты лучше тех, кто сделал это с тобой? Может тогда они такие жестокие в тебя? В свою мать?

— Хватит! — оборвала он меня, вздыхая и запуская пальцы в волосы, потом закрыла лицо ладонями. Какое-то время мы молчали, а потом в тишине раздалось тихое: «Что же я наделала...». Я подалась к ней, осторожно касаясь плеча:

— Ты ещё можешь остановить всё это. Спаси их...

— Да, конечно... ты права.

Она растворилась под моей рукой, а через какое-то время снова появилась и извиняюще улыбаясь подала мне руку.

— Зачем?

— Я думаю, нам стоит поговорить, а тут не самое удобное место. Лучше вернёмся туда, где мы и были.

— А где мы сейчас?

— В твоей голове, — богиня улыбнулась мне. Я всё ещё не слишком верила, она столь беспощадная ещё каких-то полчаса назад, стала вдруг нормальной и доброй, но все же протянула ей руку. Нас снова затянуло в цветной поток. Пока мы летели, словно в небе, расправив руки, а мимо нас пролетали разные образы, привлекавшие моё внимание, я решила кое-что выяснить у неё:

— Скажи, ты правда создала всех нас?

— Да, это так, — отозвалась богиня, повернув ко мне голову. Её волосы развевались, как и её одежда.

— Данэйл сказал, что был оригинальный мир, а все остальные — лишь его копии.

— Это тоже правда.

— А наш мир какой?.. он оригинал или лишь отражение?

— После того как все отражения отделились от оригинала, перестало иметь значение, кто оригинал. Сейчас каждая копия того первого мира и есть оригинал.

— А если тот мир, первый, погибнет, все остальные миры тоже умрут? — мне стало жутко от такой мысли даже, но меня успокоили:

— Конечно нет. Все эти миры живут своей жизнью, у них своя история, своё время и своё развитие.

— А есть миры, похожие на нас?

— Да, на самом деле их очень много. Есть один мир, почти близнец вашего. Там немного по-другому идёт время, припаздывает, и развитие идёт совсем не так, но так... если попадёшь туда, наверное, даже не отличишь. Вполне возможно там даже есть ты.

— Я?

— Девушка по имени Алексия, а может она умерла, когда ей было пять. А может сейчас она жена Данэйла, того идиота, или сестра Эвиана, — богиня расхохоталась, глядя на моё лицо.

— Как такое возможно?

— Ты же сама сказала: остальные миры — копии, друг друга порой и порой оригинала. Так что вполне возможно, что в каждом из существующих миров существует Алексия. Как например, в том мире есть Рлория. И это не просто страна, целая империя (1).

Рлория? Это же страна, где находится Столица и академии и все остальное. Как это возможно? Словно как в той сказки про Зазеркалье... мир-отражение нашего. Хороший ли я там персонаж или плохой? Как сложилась у моего двойника жизнь в том мире?

— Что там есть и академия, и Столица, и все остальное? — недоверчиво все же уточнила я.

— Даже демоны ло-укки,

— И там тоже есть магия?

— Да... только её источник немного иной.

— А если тебя освободили, что будет с магией? И что будет с остальными мирами и нашим?

— Я ещё не знаю...

— Нельзя их лишать магии — это жестоко.

— Возможно, — уклончиво отозвалась богиня. Я покачала головой, снова принявшись рассматривать образы, которые всплывали перед глазами из цветного водорода.

— Кто это? — я указала на девушку, которая не промелькнула, как остальные, а немного задержалась, позволяя разглядеть картинку, хотя этого было все равно очень мало. Мы немного вернулись назад, и теперь я могла рассмотреть хорошенько. Она стояла, что-то возмущённо высказывая странным белоснежным фигурам огромного роста (2). Сама девушка была невысокой и казалась почти коротышкой рядом с ними, она, уперев руки в боки и запрокинул голову с короткими каштановыми волосами до плеч, что-то произносила, но слышно не было, лишь губы безмолвно шевелились.

— Милая девчушка, — отозвалась богиня. — Твоя коллега, можно сказать.

— В каком плане?

— Радеет за спасение мира и справедливость. Правда у неё и помимо этого проблем достаточно.

— Каких?

— Любовь, например, — богиня посматривала на неё почти с любовью. — А со всем остальным разберутся Древние.

— Древние? Это те фигуры?

— Да, я их создала, чтобы они охраняли порядок в мирах и защищали их. Правда где-то, как в том мире, они делают это слишком усердно, а где-то, как в вашем, — не очень, иначе

бы давно уже освободили меня. А делать умнее я их не хочу, мне хватает ваших богов... имели бы силу, давно уже сбросили меня с пьедестала.

Она поморщилась, словно была не богиней, а просто девушкой, с которой мы болтали.

— А так может быть?

— Было... однажды. Я почти потеряла связь с тем миром, а жаль... я его очень любила.

— Ты там жила?

— Из-за противодействия богов мне пришлось прожить там в облике человека целую жизнь (3). Правда я ни о чём не жалею...

Мне показалось или в голове богини прозвучали тоскливые нотки, и я как-то сразу поняла, что там был он — мужчина.

— Ты его любила?

— Очень... я хоть и богиня, но способна любить.

Мы оторвались от созерцания белых фигур и девушки и снова вернулись в поток.

— Прости, просто после того, что я видела... — я отвела глаза.

— Я знаю. То, что там произошло, в твоём городе, не должно было произойти. Но я была так зла, что мои эмоции затмили меня, я не могла себя контролировать, хоть это и не оправдание, — я сжала её руку в качестве поддержки. Это и правда было не оправдание, но... почему бы и не простить её.

— Жаль тех, кто пострадал...

— Да уж, вернуть к жизни я вряд ли кого-то смогу, силы не те, но разрушенный город поправлю, обещаю.

— Что стало с тем мужчиной, которого ты полюбила?

— Потом он умер, он же был человеком, но мы прожили с ним долгую и счастливую жизнь.

Мы приземлились в той же пещере, и я снова была в своём теле. Правда я была этому не очень рада: тело было голодное, уставшее, замёрзшее и мокрое, а и ещё у меня жгло руки, и выглядели они покрасневшими, — все-таки магия богини для человеческого тела не прошла бесследно. А вот богиня передо мной явно была духом, она будто бы немного расплывалась в воздухе. И теперь она выглядела куда лучше, чем тогда в тёмном пространстве: её волосы перестали быть всклокоченными и лежали красивыми волнами, одежда стала белоснежной, а лицо сияло доброй отзывчивой улыбкой. Ну прямо богиня с картин...

— Я пойду всё исправлю. Я ненадолго, ладно? Тебе привести его? — она извиняюще улыбнулась, я, поняв о ком она, кивнула, — А Каэна?

— И его, — согласилась я, обессиленно приземляясь на пол. В этой странной пещере, за стенами которой кружили цветные водовороты, одна-единёшенька, я чувствовала себя ужасно, а Данэйл, распростёртый всё там же, совершенно не украшал помещение, лишь напоминал о том, что сделало моё тело. Впрочем, ничего изменить я не могла.

(1) — Отсылка к роману «Ребёнок Великой Расы», Довженко М. Есть на сайте.

(2) — Отсылка к роману «Арлий. Магия Древних», Довженко М. Есть на сайте

(3) — Отсылка к роману «Последний», Довженко М. Выкладка ещё не начата.

Глава 27. Конец магии

Я отняла лицо от ладоней и посмотрела на двух мужчин, возникших передо мной.

— Алексия, ты в порядке? — Эвиан помог мне подняться с пола, а потом бегло

осмотрел меня, — что с твоими руками?

— Пустяки, — хоть он и пытался скрыть, от него волнами исходили волнение и тревога, он бы взбудоражен, впрочем, как и его друг. Они оба были мокрыми, с них потоком стекала вода, волосы Эвиана прилипли к лицу, а на щеке была длинная кровоточащая царапина. Я подняла руку, касаясь его лица.

— Больно?

— Да нет... — мы встретились глазами, и я отступила, ругая себя за потерянный контроль и вообще полную смешанность происходящего.

— Лучше объясни нам, кто она? — глаза Королевского Прокурора обратились к богине, которая зависла недалеко от нас.

— Не стоит, Каэн, я чувствую твои мысли так же явно, как если бы ты произнёс их вслух.

— Она — магия, которую он пытался вызвать, — я кивнула на Данэйла, лежащего около стены, все обернулись к нему.

— Магия?

Тишина резала слух.

— Также известна как богиня-прародительница, — девушка улыбнулась широкой улыбкой и развела руками, видимо так мужчинам стало куда понятнее.

— А что с ним? Он что... мёртв? — Глава Военной Гильдии подошёл ближе к мужчине и присел рядом с ним.

— Нет, что ты... — богиня тоже подплыла дальше. — Не переживай, Каэн, у тебя буду доказательства его преступлений. Я покосилась на недовольного мистера Астольфа, которого видимо ужасно раздражала кое-какая богиня, а потом переспросила:

— Точно жив?

— Конечно, он — идиот, но у меня не было желания его убивать.

— Значит, он ответит по закону. — Каэн сложил руки на груди, — чего он хотел кстати?

— Он хотел освободить магию, и контролировать её с помощью того артефакта, — я указала рукой на корону, валяющуюся на полу. — Однако он не сработал.

— Довольно глупый план, — прокомментировал мистер Астольф, удостоив корону пристальным взглядом и ещё одним таким же наградил бесчувственное тело главы отдела запрещённых артефактов.

— Если честно — не очень, — богиня вздохнула. — Артефакт был слабым, сделай он его помощнее — я стала бы его марионеткой, хотела бы я этого или нет.

— Разве ты не говорила только что, что ты богиня-прародительница? — Эвиан недовольно сморщился, он начинал злиться. Наверное, представил сколько проблем было бы, если бы все не сорвалось так глупо.

— Эвиан, милый, — в голосе богини прозвенели стальные нотки и стало вдруг холодно, я поёжилась, — я создала вас и все миры, но я не всесильна.

— Миры? Их много? — удивлённо хором переспросили у неё.

— Я потом поясню, — тихо проговорила я.

— А учитывая, что я была в теле Алексии, то есть он бы просто повелевал не мною, а её телом, в котором была я.

— Ты была в теле Алексии? Зачем?

— Я потом объясню, — почти просительно выдавила я из себя, а потом обратила взгляд

к богине. — Лучше скажи нам, что будет с магией? С нашим миром?

— Это сложно, не могу ничего сказать сейчас... Меня слишком долго не было, я должна пройтись по мирам и посоветоваться с Древними.

— Древними? Кто это? — подал голос Королевский Прокурор, а потом, посмотрев на меня, — что тоже потом объяснишь? Ну ладно... Эвиан, подойди, попробуем сделать из его плаща носилки.

Когда они отошли, я облегчённо вздохнула, хотя и сама мало что понимала во всей этой ситуации и легко могла запугаться в причинах и следствиях человеческих поступков. Богиня поманила меня к себе, и я медленно подошла.

— В чем дело?

— Я же вижу, что ты хочешь что-то спросить.

— Спросить? — я убрала прядь волос с лица. — Я хотела узнать о той информации, которую обещал мне Данэйл. Обидно, если я её не получу...

Девушка усмехнулась:

— Оу... я думала, ты спросишь о другом.

— О чём?

— Об этом, — её хитрый и даже, наверное, коварный взгляд коснулся Эвиана, который о чём-то спорил с прокурором.

— Что тут спрашивать-то... — я вздохнула, сырая одежда была тяжёлой и неудобной, и мне побыстрее хотелось домой. — Тут все понятно, я могу с этим и сама разобраться.

— Вот как... ну что ж... — мне снова коварно улыбнулись, — сложного ничего нет, но он хороший парень, ты можешь на него положиться. Я знаю это.

— Не стоит. — я пасмурно поглядела на женщину. Пусть он три тысячи раз прекрасный парень, но я бы не хотела получить подобный совет от богини, а то звучит это также, как и с Фейниром — предназна-аченные, то бишь как приговор.

— Не пойми меня неправильно, я просто хочу, чтобы вы были счастливы, — полупрозрачная рука богини коснулась меня. — Я забочусь о тебе как мать, ты поймёшь это чувство, когда...

— Мы готовы его транспортировать и идти обратно, а вы? Я вас прервал? — я немного вздрогнула от неожиданности, когда Эвиан подошёл поближе.

— О, нет, ничего такого, — меня снова охватило дурное предчувствие, и я нахмурилась, глядя на радостную улыбку богини, — я просто говорила Алексии, что я забочусь о ней, потому что я её мать тоже, и что она сможет понять это лишь, когда начнёт воспитывать свою дочь.

Я закашлялась и изумлённо посмотрела на девушку, а лица окружающих меня мужчин надо было видеть, а их эмоции... это было похоже на взрыв, тысячи эмоций, вырвавшихся на свободу.

— Ты что... ждёшь эм... — даже мистер Астольф потерял дар речи и ещё так выразительно посматривал на Эвиана, что я готова была провалиться сквозь землю.

— Нет! Конечно нет!

— О, нет, я имела в виду совсем не это. Когда у нее будет ваша дочь... о, кажется, я не должна была этого говорить. — И снова смех богини и неловкая пауза.

— Нашей? — хором уточнили Королевский Прокурор и Эвиан.

— О, ну мне же не стоит этого говорить... Алексия не в восторге.

Я отвернулась, потирая переносицу. Боги, да что она несёт... я сейчас сгорю от стыда.

Если не стоило так говорить, зачем вообще начала? Хотя и правда интересно, кого она имела в виду?..

— От Эвиана, конечно, — богиня как-то противно захихикала. — У Каэна своя пассия, да? И она может подарит ему...

— Хватит! — прервал он её громогласным криком.

— Конечно-конечно, но она очень милая девушка... хочешь дам совет? У тебя будет куча проблем, что с ней, что без нее, но с ней проблемы будут казаться приятнее и проще.

— Обойдусь без советов, — от мистера Астольфа я даже отступила, его эмоции вдруг стали сильнее и ярче, чем обычно, там смешались и гнев, и злость, и нежность, и радость, — всё это бурлило словно гигантский котёл.

— Как пожелаешь...

— Что? Кто твоя пассия? — Эвиан с хитрой усмешкой обошёл своего друга, оглядывая его с ног до головы насмешливым взглядом, я не услышала, что ответил ему раздражённый прокурор, меня снова окликнула богиня.

— Прости, мы прервались, — я окинула её пасмурным взглядом. После всего этого балагана мне как-то было уже невесело, — у него в правом кармане ключ. Папку с информацией найдёшь у него дома, на втором этаже в его кабинете, в нижнем ящике стола.

— Спасибо... — я выдавила из себя усталую улыбку. — Куда ты пойдёшь? Что с тобой будет?

— Не переживай из-за меня.

— Ты будешь счастлива?

— Конечно, буду. Просто не здесь и не сейчас.

— Ты предсказываешь будущее?

— Нет. Я не занимаюсь таким.

— Но... ты же сказала... — я удивлённо замерла, оглядывая её.

— Прости, я солгала. Мне просто хотелось пошутить, но я и так вижу, что вы и правда будете хорошей парой. Я не буду тебе говорить, что в будущем так сбылось, чтобы это не стало самоисполняющимся приговором. Это твоя жизнь и твой выбор. Ты делаешь благое дело, не сдаваясь ему в руки просто так, но просто мне очень хочется, что вы оба были счастливы, да и эта колючая злюка тоже.

— А он будет? — мы обе посмотрели на Каэна и улыбающегося ему — Эвиана.

— Если захочет.

— Мы ещё увидимся с тобой?

— Конечно, я вернусь очень скоро.

— Буду рада нашей новой встречи.

— Она состоится быстрее, чем ты думаешь... а пока. Надо отправить вас домой.

Прощание получилось комканным, словно мы уже стояли на сходнях отплывающего корабля и не могли найти слов, но, наверное, она и без слов нас понимала. Эвиан и мистер Астольф держали Данэйла на импровизированных носилках из его собственного плаща, а я держала корону, одев её на руку, свой артефакт и ещё заплечную сумку своего похитителя. Когда я проморгалась, то поняла, что мы стоим на плоской крыше одного из домов. Я пошатнулась и тут же отступила подальше от края, вид был красивым, но высоту я не любила, да и ветер тут был холодный, а мы все мокрые и в сырой одежде.

— Куда эта стерва нас перенесла? — прошипел Королевский Прокурор и тут же шархнул в сторону, когда рядом с ним в камень ударила молния, так что он немного

почернел и раскрошился. — Ладно-ладно, я понял, но можно было и поточнее.

Я всё же нашла в себе силы и подошла ближе к краю, и тут же остолбенела.

— Что происходит?

— А что там? — уточнил Эвиан.

Столица была не похожа на саму себя, везде валялся мусор и было мокро, как после сильного дождя, и много луж, в которых отражалось чистое, свежее небо, без единого облачка. Внизу ходили грустные люди, поддерживающие друг друга и сидящие вокруг костров.

— Хм, а здания она и правда починила...

— Что-то не так, — подтвердил мои переживания мистер Астольф, его брови сошлись на переносице. — Сюда должны были прибыть маги, которые всегда помогают в подобных обстоятельствах и разбираются в чрезвычайных ситуациях, но где они? По идее они должны были уже прибыть на место, эвакуировать людей, вылечить их и... убрать всю эту грязь. Не может быть, чтобы их не прислали, ведь прошло довольно много времени.

— И правда... — согласился Эвиан, поправляя сползающее бесчувственное тело Данэйла. — Да и стражей не видно. Что же случилось?

Я оглядела Столицу с высоты птичьего полёта и вздохнула:

— Кажется, магии больше нет...

Эпилог

Я кралась по дому Данэйла, изредка оглядываясь, чтобы убедиться, что за мной никто не следит и вообще не смотрит в мою сторону. В вспотевшей руке я сжимала ключ, буквально прижимаясь к стенам. Мой путь лежал наверх — в кабинет моего похитителя, где я должна была найти его рабочее место, точнее стол. Мне повезло, что все в основном были заняты подвалом, где обнаружили целый склад запрещённых артефактов, которые он мало того, что покупал, собирал и воровал, так и ещё использовал.

Кабинет Данэйла была маленьким и захламлённым, вежде лежали какие-то бумаги, детали от артефактов и прочий, сейчас уже бесполезный, мусор. Их хозяин был осуждён и подлежал смертной казни, так как именно его обвинили в нападении на город, а о происшествии с богиней было умолчано. Мне это не слишком нравилось, но сделать я ничего не могла, не я командовала парадом. Впрочем, я сейчас меня волновало лишь одно — нижний ящик его стола. Прокравшись к нему, я присела и дёрнула ящик, конечно, он был заперт, но скважины нигде не было видно. В итоге я нащупала её снизу, на дне и, изловчившись, с третьей попытки смогла вставить ключ. Судя по царапинам вокруг скважины, он тоже не часто попадал с первого раза. Внутри ящика было несколько папок, беглый осмотр подтвердил, что речь шла там о маме, папе и бабушке, ещё в одной папке постоянно мелькало «мистер Джойль Майорс», так что я решила забрать обе. Закрыв ящик на ключ, я было думала уже уйти, но в итоге открыла остальные два ящика внутри, но увы, там не было ничего интересного, кроме дневника, или записной книжки, в которую была вложен карандаш. Подумав немного, я сунула записную книжку себе в карман платья и, прижимая папки к себе, активировала артефакт отвода глаз. Это помогло мне зайти в дом, а сейчас должно было помочь выйти отсюда незамеченной. Вне зависимости от того, что написано в этих документах, Данэйл заплатил дорогую цену за свой поступок. Впрочем, как и все мы.

